

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

*250-летию Московского Государственного Университета
посвящается*

СЛОВО
ГРАММАТИКА
РЕЧЬ
ВЫПУСК V

Сборник научно-методических статей,
посвященный вопросам преподавания
русского языка как иностранного

Москва 2003

УДК 802/809.1
ББК 82.2 Р
С 48

Рецензенты: д-р филол. наук, профессор Л. В. Златоустова
канд. филол. наук А. Л. Горбачик,
канд. филол. наук И. В. Ружицкий

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета Московского Государственного Университета
им. М. В. Ломоносова*

Редакционная коллегия: д-р филол. наук, профессор
Е. Л. Бархударова,
канд. филол. наук, доцент О. К. Грекова,
канд. филол. наук Е. А. Илюшин,
канд. филол. наук, доцент
Л. В. Красильникова,
Е. В. Моргунова,
канд. филол. наук, доцент О. В. Чагина

Ответственный редактор: канд. филол. наук, доцент О. В. Чагина

С 48 СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ. Вып. V: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 334 с.

ISBN 5–211–06–005–9

В очередной, пятый сборник «Слово. Грамматика. Речь», приуроченный к празднованию 250-летия МГУ, включены статьи по актуальным проблемам теории и практики преподавания русского языка как иностранного. Рассматриваются, в частности, вопросы описания и представления грамматики, особенности русской звучащей речи сопоставительный анализ фактов различных языков; вопросы методики и организации учебного процесса, создания современных учебников, анализ художественного текста. Для филологов-русистов, студентов, аспирантов и преподавателей русского языка как иностранного русских и зарубежных.

УДК 802/809.1
ББК 82.2 Р

ISBN 5–211–06–005–9

© Авторы статей, 2003
© Филологический факультет МГУ
им. М. В. Ломоносова, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это уже пятый ежегодный периодический сборник по вопросам преподавания РКИ «Слово. Грамматика. Речь»¹. Он посвящен 250-летию Московского Государственного Университета. Если первый выпуск был задуман как сугубо кафедральный, то постепенно, от выпуска к выпуску, его география расширялась. В настоящем выпуске, помимо российских авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Волгограда, Казани, представлены статьи наших коллег из стран СНГ, а также Германии, США, Китая, Кореи, Японии.

В число авторов входят не только преподаватели РКИ, но и многие ведущие специалисты в той или иной области русистики, например, Г. М. Богомазов, специалист в области фонетики, аспектолог Т. В. Белошапкова, специалист в области словообразования и морфологии Е. В. Клобуков (в сборнике представлены также работы его учеников).

В данном выпуске продолжается и развивается линия изучения авторами семантики различных единиц языка и речи. Эти языковые уровни отражены в структуре сборника. Углубленное исследование и описание семантики видовых противопоставлений дается в статье Т. В. Белошапковой и О. К. Грековой. Различным сторонам употребления наречий посвящены статьи Г. А. Битехтиной и Ю. В. Роциной. Ряд статей посвящен описанию модусных характеристик предложения (Г. И. Володина, Н. М. Лариохина, Е. К. Столетова). Актуальные для иностранцев проблемы построения связного текста рассматриваются в статьях С. А. Вишняковой и О. Е. Фроловой.

Настойчиво выделяемое в преподавании РКИ положение о необходимости сопоставительного изучения языков находит отражение в статьях О. В. Егоровой, Е. К. Лебедевой и И. В. Некрашевич. Актуальны и своевременны статьи, посвященные проблемам создания современного учебника. (В. В. Добровольская, В. М. Касьянова, Т. В. Кортава Г. М. Левина).

Большой корпус статей связан с вопросами методики (Л. Н. Бахтина, О. К. Грекова, Е. А. Кузьмина и др.). Много полезных и практически необходимых сведений преподаватель почерпнет из разделов «Анализ художественного текста» и «Практикум РКИ».

Отрадно наблюдать преемственность в описании и преподавании РКИ. В этом сборнике помещены как статьи преподавателей-русистов, стоящих у истоков РКИ (Г. А. Битехтина, В. В. Добровольская, Г. И. Володина, Н. М. Лариохина), так и тех, кто принял эту эстафету (О. Н. Бацлакова, О. К. Грекова, С. И. Кокорина, И. П. Кузьмич), и совсем молодых, делающих первые шаги в преподавании (Е. В. Балдина, А. Г. Татьянина, О. В. Егорова).

Думается, что консолидация усилий специалистов всех профилей и направлений русистики будет способствовать развитию и обогащению дисциплины РКИ.

¹ Сборник, посвященный памяти Г. И. Рожковой, вышел в 1999 году.

Теория языка и опыт преподавания РКИ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ. МОРФОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОЛОГИЯ

О. К. Грекова

ОБЩИЙ ЛИ ФАКТ, или

Практические заметки-3 о выборе глагольного вида

В имеющемся к настоящему моменту перечне аспектуальных значений значение общего факта является наименее прозрачным. Если уже априори ясно, когда необходимо выразить идею однократности или повторяемости, мгновенности/завершённости/результативности или длительности, то относительно необходимости констатировать бытие действия/состояния (а именно это составляет, по общему мнению, суть данного значения) не каждый носитель языка сразу найдется, что ответить.

Ранжируя аспектуальные смыслы в конкретной речевой ситуации и выбирая аспектуальную доминанту, говорящий часто осознаёт неясность статуса этого значения (не случайно не все аспектологи признают его значением того же ряда, что и вышеперечисленные, и не все включают в список основных аспектуальных значений) и в определённом смысле границ значения (т.к. это одно из немногих значений, традицией закреплённых за одним временным планом и формой прошедшего времени несовершенного вида).

Когда говорящий хочет ограничиться констатацией бытийности, экзистенциальности действия

- 1) при детальном распросе: *Ты был дома летом? Ездил или летал? Каким рейсом какой компании ты летел? Багаж на таможне проверяли? Вам предлагали обед во время полёта? А пересадку ты делал? Тебя встречали или ты добирался до дому сам?*
- 2) при одинарном вопросе относительно жизненного опыта: *Ты когда-нибудь летал на дельтаплане?*
- 3) при констатации факта, связанной с отменой аналогичного действия: *— Полейте цветы!
— Не надо, мы уже поливали.*
- 4) при полном отрицании действия или своего участия в нём: *— Кто взял словарь? — Не знаю, я не брал.
Он не решал эту задачу.*
- 5) в специфических ситуациях выражения недовольства и упрека: *Кто отсылал факсы? Один забыли отослать. Кто надписывал поздравительные открытки? Здесь адрес не написали.*
- 6) в ситуации, когда вначале *По радио сообщали о приближении*

сообщается о бытии действия, а затем об отсутствии ожидавшегося результата:

7) в ситуации выяснения авторства, когда последнее представляется вариативным:

морозов, но не все службы успели к ним подготовиться.

– *Кто ставил «Сталкера»?*

– *Тарковский.*

Ср.: – Кто написал «Войну и мир»? – Толстой.

В этот список нередко включается и значение аннулированного результата (*– Вы были дома в праздники? – Нет, ездили в Ригу*), но поскольку результативность – аспектуальное значение, то этот случай противоречит определению общего факта как обозначения действия в общем плане, без проработки типа его протекания. Аннулированность результата, на наш взгляд, – это характеристика протекания действия.

Стандартный список стоит дополнить ещё рядом ситуаций:

8) при разговоре о начале биографии, карьеры и под.:

Он начинал свою карьеру в Свердловске. Тогда никто и не догадывался, как далеко он пойдёт.

Вера Павлова начинала своё творчество с лирики, лишь потом появились поэмы.

9) при разговоре об авторстве не обязательно в вопросительном, но и в повествовательном предложении:

Кажется, это Винокур с Оганезовым разыгрывали миниатюру о певце, который принёс аккомпаниатору засаленные ноты и объяснил, какими пользоваться: «Здесь играем, здесь рыбу заворачиваем». Или Винокур с Лещенко.

10) при непрямом цитировании:

Именно об этом предупреждал нас академик Д. С. Лихачев.

Еще Виноградов утверждал, что в русском языке есть два рода частиц. Об опасности затопления для петербургского метро говорил еще первый ректор Горного института.

Чему противопоставит общефактическое значение

Еще одна причина затруднений в понимании темы – противопоставление авторами многих пособий общефактического значения так называемому конкретно-фактическому, определяемому как сообщающая функция совершенного вида в прошедшем времени, используемого говорящим для информации о возникновении какого-либо действия в определенной ситуации, с примерами типа: *Я знаю, что он уезжает, он говорил (НСВ) нам об этом. – За обедом он сказал (СВ) нам о своем отъезде.*

Если общий характер рассматриваемого значения – это общее указание на факт действия/ состояния, аспектуальный нуль, «чистое» имя действия/ состояния во времени, то конкретность значения можно увидеть в конкретности характеристик, даваемых действию/состоянию. Однако последний признак очень широк: подобного рода конкретность можно

увидеть в любой аспектуальной характеристике. Тогда можно, видимо, предположить, что общий факт противостоит всем другим аспектуальным характеристикам: повторяемости и однократности, длительности и мгновенности/завершенности/результативности, т.е. реализуется эквивалентное противопоставление одного члена многим. Но в плане употребления вида семантика противопоставления пары прошедшее время несовершенный вид (ПН) – прошедшее время совершенный вид (ПС) гораздо уже.

Рассмотрим, каким значениям ПС реально противостоит значение ПН в дискурсе.

Общезначимое значение частотно в диалогах, где в первой реплике содержится вопрос о знакомстве собеседника с предметом (*Вы знакомы с этой статьей?* – *Да, я ее читала*) или о наличии/отсутствии предмета (*У нас, кажется, нет хлеба?* – *Думаю, есть, я покупала*). Во многих практических курсах РКИ даваемое обычно в диалогах общезначимое значение, выражаемое формой ПН, противопоставляется значению ранее ожидавшегося действия, передаваемому формой ПС, например: а) *Она знает о вашем приезде в Москву?* – *Да, знает, я ей писала*; б) *Кажется, ты хотела написать ей о вашем приезде в Москву?* – *Да, я действительно написала*.

Трактовка подобного противопоставления как констатация факта – совершение (и завершение) действия ранее ожидавшегося вызывает в аудитории ряд вопросов. Во-первых, само противопоставление объединяет, как кажется, слишком разнородные смыслы. Казалось бы более логичным противопоставить совершение ранее ожидавшегося действия действию ранее не ожидавшемуся. Кроме того, в приводимых учебных пособиях диалогов сама идея ожидавшегося действия иногда кажется спорной. Напр.: *Ты так ничего не узнал от него?* (что ожидалось: что узнал или не узнал? – О.Г.) – *Нет, в конце концов он рассказал мне эту историю. Ты опять забыла про хлеб?* (что ожидалось: что забыла или что купила? – О.Г.) – *Нет, я купила*.

В целом ряде диалогов первую реплику никак невозможно свести к идее ожидавшегося действия, т.к. она звучит как чистый вопрос и предположения спрашивающего никак не проявляются, напр.: *Вы можете дать мне журнал?* – *Да, я его прочитал. Ты не забыл сообщить об экскурсии?* – *Нет, я позвонил*.

Ответная реплика, между тем, довольно часто содержит две глагольные формы, и первая из них является прямым ответом на поставленный вопрос, а вторая его мотивацией:

[I] – *Она знает о вашем приезде в Москву?* – *Да, знает: я ей писала.*

– *У нас, кажется, нет хлеба?* – *Есть/Должен быть: я покупала.*

Эти примеры выявляют причинно-следственные отношения внутри ответной реплики. Современный русскоязычный диалог дает и образчики употребления формы СВ в ответной реплике:

[II] – *Она знает о вашем приезде в Москву?* – *Я ей уже написала и она в курсе.*

У нас, кажется, нет хлеба? – *Нет, я только что купила два батона, и хлеб не мог так быстро кончиться.*

Характерно то, что действие, названное в ответной реплике, не обязательно ожидаемое. И в этом случае причинно-следственные отношения

налицо. В перечисленных ситуациях в ответных репликах мы имеем дело с конкуренцией видов. Мы употребляем форму ПН тогда, когда сообщаем сначала о следствии, а потом о причине (см. [I]: *Да, знает, я ей тисала*). Мы употребляем форму ПС в ответной реплике, когда сообщаем сначала о причине, а потом о следствии, как в [II] (*Я только что купила два батона (т.е. 'много'), и хлеб не мог так быстро кончиться*). При этом следует признать, что реализация первого типа логической связи более частотна, чем реализация второго типа.

Рассмотрим еще ряд примеров.

Расскажите им, как добраться до вокзала!

Вызовите врача, ребенок заболел!

Алеши серьезно простудился.

– Выпей с нами чаю!

- *Я рассказывал* (общий факт + отмена аналогичного действия)

- *Я уже рассказал, они знают* (причина – следствие)

- *Мы уже вызывали* (общий факт + отмена повторного действия)

- *Мы уже вызвали, врач скоро придет* (причина – следствие)

- *Температуру ему измеряли или мне измерить?* (вопрос о бытии действия)

- *Температуру измерили? Сколько?* (вопрос о результате)

- *Аспирин давали или мне ему дать?*

- *Аспирин дали? Температура снизилась?*

- *Спасибо, я уже пила* (констатация факта + отмена аналогичного действия)

- *Спасибо, я только что выпила две чашки, больше не хочется* (причина – следствие)

Диалоги свидетельствуют, что в одной и той же ситуации возникает необходимость в одних случаях указать на то, что действие имело место в прошлом и повторять его не имеет смысла (здесь необходима форма ПН) или обозначить действие как завершенное с перфектным значением, т.е. как действие, имеющее определенные последствия (тогда необходима форма ПС). В подобных случаях **общефактическое значение противопоставлено результативности, перфектности, а не ожидавшемуся действию.**

Ожидавшееся действие, как правило, маркируется в дискурсе определенным образом. Типовым началом первой реплики являются *Ты уже + СВ? Ну как, вы ... + СВ?* А началом ответной реплики служат *Еще не + СВ и Да, СВ...*

Почему нельзя ограничиваться в речи значением общего факта

Множество разнообразных ошибок в выборе вида, связанных со значением общего факта, можно было бы свести к одной полужутливой гипотезе иностранной стажерки, утверждавшей, что если есть такое «хорошее» значение, как общий факт, и «хорошая» форма ПН, то почему бы

не заменить этим значением все остальные в разговоре о прошлом, почему бы не отказаться от сообщения дополнительных характеристик действия/состояния, ограничившись его бытийностью. Итак, почему это невозможно. На это есть несколько причин.

а) Есть глаголы, несовместимые с этим значением: *Она *рождалась в деревне, воспитывалась у доброй тетки.*

б) Значение общего факта специфично тем, что оно не завершает рассказа, в конце рассказа предполагается некий итог. Напр.: *Сегодня был несчастливый день. Я ездила в ИНИОН, там я получила (лучше: получила) не свою книгу. На дороге видела человека, лишенного чувств. Мне было жаль. Я ездила на автобусе и ждала в пробке.* *Так я теряла полдня (нужно: потеряла, в резульативном смысле).

в) Идея общего факта не подходит для обозначения последовательности действий. Напр.: *Ему говорили, что это слишком большой блок, он не для одного, и теперь он ищет соседа (нужно: *сказали*, для обозначения звена в цепочке действий, в резульативном перфектном смысле), **Я была на выставке «Цветы и красавицы», обедала в ресторане «Елки-палки», покупала кассеты, встречалась с другом.* **А после этого мы поехали в общежитие.* (нужно: убрать последнюю фразу, маркирующую последовательность действия, оставить текст как рассказ о фактах). **Сначала я обращала внимание на название статьи, потом думала об идеях* (нужно: *обратила, подумала*, так как это последовательность).

г) Общий факт не может заменить перфектного значения СВ, так как первый не предполагает дальнейшего сообщения о результате действия (**Лингафонный кабинет, запертый лаборантом, потерявшим ключ, дарили университету иностранные гости, поэтому достать ключ-копию было непросто* (Говорящий утверждал: «Дарили – потому, что это было»). Нужно: *подарили*, так будет обозначено действие, имевшее последствия, и реализовано перфектное значение формы ПС).

д) Значение общего факта несовместимо с идеей внезапности. Поэтому невозможно: **Вдруг мне звонили из Китая* (Говорящий объясняет свой выбор, выбор видовой формы тем, что «это было»; нужно: *позвонили*).

Общий факт в отношениях нейтрализации

Значение общего факта вступает в отношения нейтрализации с несколькими другими аспектуальными значениями. Часто это позиция различения значений общий факт и длительность: *Няне Груше ужасно много лет. Она воспитывалась у графини, служила няней и поварихой. В ее седенькой голове хранятся тысячи рассказов.* Т. Толстая (за формой служила может стоять и общий факт, и длительность).

Второй позицией различения является позиция общий факт/повторяемость/однократность: [Вечером того же дня учительница французского языка приводит меня из группы к маме] – *Мамочка, ваш ребенок совершенно не подготовлен. Она показывала язык другим детям, рвала картинки. Приходите на следующий год.* Т. Толстая (из контекстов неясно, было ли действие однократным или многократным).

Причину создания позиций нейтрализации можно увидеть в том, что как внутренняя количественная характеристика действия/состояния длительность, так и внешние количественные характеристики дейст-

вия/состояния однократность и повторяемость легко сочетаются с общим указанием на бытие действия, поскольку в основе первых лежит бытийность.

Общезначимое значение, как уже утверждалось выше, противопоставлено семантически всем прочим аспектуальным значениям, как немаркированный член оппозиции – маркированным, как аспектуальный ноль – значимому.

При этом внутри эквиополентной оппозиции это значение связано с другими значениями отношениями разного рода.

Проявляется ли общезначимое значение в других глагольных формах

Значение общего факта связывается главным образом с утвердительным предложением. Лишь на периферии соответствующего раздела пособий РКИ можно встретить значение отрицания действия. Между тем значение отрицания бытия действия/состояния, с одной стороны, кажется не менее актуальным, а с другой стороны, нуждается в одной существенной оговорке.

Итак, необходимость констатировать идею общего факта возникает и в ситуациях, связанных с идеей отрицания, прежде всего при выражении общего отрицания бытия действия/состояния или участия субъекта в действии с помощью частицы *не* при личной форме глаголы ПН (*Я не читала его работу. Кто оставил словарь в аудитории? – Не знаю, я не оставлял*).

Надо подчеркнуть, что это утверждение касается, главным образом, предложений без обстоятельств: в них введение приглагольного отрицания, логической частицы *не*, создает однозначное утверждение типа 'неверно, что Р', где Р – смысл, выражаемый глаголом. В предложениях же с обстоятельствами, выраженными чаще всего качественно-количественными наречиями, картина гораздо сложнее. В старославянском языке наречие составляло единое целое с глаголом, в современном русском языке они более разъединены, но тем не менее нередок тот факт, что не только глагол, но и наречие реагирует на введение приглагольного отрицания, в результате чего зачастую возникает многозначность и далеко не всегда значение общего факта. То же может произойти и при наличии обстоятельств, выраженных предложно-падежными сочетаниями.

Рассмотрим некоторые примеры предложений с наречиями.

Он почти опаздывал.

Отклонения от 'опаздывал' настолько незначительны, что можно думать, что 'опаздывал'. Возможные варианты толкования: 1) единичное действие, воспринимаемое как фоновое: *Он почти опаздывал, когда позвонил друг и предложил подвезти его на машине*; 2) повторяющееся действие [Он приходил на тренировки вовремя?] – Нет, *почти опаздывал*.

Он почти не опаздывал

Семантика логической частицы *не* взаимодействует не только с глаголом, но и с наречием, возникает многозначность толкования фразы: 1) отклонения от 'не опаздывал' так незначительны,

что можно считать, что 'не опаздывал';
2) отклонения от 'никогда' так незначительны, что можно считать, что 'никогда'

При анализе текста необходимо помнить, что 1) наречия и некоторые предложно-падежные сочетания в функции обстоятельств могут присоединяться как к аспектуальному, так и к неаспектуальному смыслу глагольной формы; 2) наречие в сочетании с глаголом V может быть однозначно, а в сочетании с не + V многозначно, т.к. семантическая валентность наречия может заполняться разными компонентами значения сочетания не + V; 3) некоторые обстоятельства не способны относиться к сочетанию не + V (Богуславский 1979:61–62).

Значение общего факта выражается также при отрицании необходимости действия в предложении с составным глагольным сказуемым и частицей не перед инфинитивом, причем при любом временном плане и разных наклонениях: *Учитель просит не приносить с собой словари. Экзаменаторы попросят/будут просить/попросили бы абитуриентов не приносить в аудиторию словари.* Так как аспектологическая традиция не привязывает названных случаев к значению общего факта, то перечисленные ситуации вызывают множественные ошибки в речи инофонов, намеренных и в предложениях с отрицанием передать разнообразные аспектуальные смыслы, свойственные предложениям утвердительным: *Мы договорились сегодня не остаться в гостях позже одиннадцати. Я решила сначала не сказать ему это. Катя решила ни о чем не спросить брата: у него было такое мрачное настроение (намерение передать однократность). *Мы решили не обидеться на плохие слова (намерение передать идею ненужного результата). *Мальчик клялся больше не поссориться с сестрой. Я обещала родителям не сдать экзамены в Москве плохо (намерение передать идею цели).

Общефактическое значение реализуется также в простом предложении трех синтаксических структур, включающих инфинитив:

1) *InfV₁ Курить запрещалось. Рекомендуется ходить пешком. Участвовать не следует.* Это предложения с модальным значением запрещения, рекомендации и под., они включают личную форму модального глагола в сочетании с инфинитивом несовершенного вида. Запрещения и рекомендации касаются осуществления действия в целом, действия как такового, а не какого-то конкретного его воплощения.

2) *InfCopN₂.../Adv Молчать некстати. Кататься весело. Бегать по утрам полезно.* Инфинитивные предложения с наречиями, включающие так называемый императив темы.

3) *InfCopAdj_{adv} Уговаривать его было излишне (излишним). Грустно нам слушать осеннюю вьюгу* (Некрасов). Инфинитивные предложения с прилагательными.

В предложениях последних двух структур наречия и прилагательные носят оценочный характер, оценке при этом подвергается действие как таковое.

Общим критерием нашего определения значения глагольной формы инфинитива как общефактического является возможность замены ее отглагольным существительным в конверсных предложениях: *Курение запрещалось. Рекомендуются пешее походы. Участие нежелательно.*

Молчание было некстати. Бег по утрам полезен. Все эти существительные употреблены нерферентно, как общее имя действия. Здесь происходит ровно такая же трансформация, как в хрестоматийных образцах трансформации предложений с общефактическим значением, выраженным формой ПН: *Хирург вчера принимал? – Да у него был прием.*

Подобное расширение сферы функционирования значения общего факта генерализует аспектуальную картину в сознании инофона.

Общий факт и прошедшее время несовершенного вида глаголов движения

Значение общего факта свойственно и глаголам движения, но у них оно может иметь своеобразные проявления.

[Разговор в учебном корпусе, по соседству с поликлиникой, не в ней] – *Какими судьбами вы сегодня здесь? У вас же по пятницам нет занятий.* – а) *Да вот, приезжала в поликлинику;* б) *Да вот, приехала в поликлинику.*

В каком случае отвечающий уже был в поликлинике? Только в первом. Приставочный глагол с недифференцированным значением общего факта/аннулированного результата употреблен здесь, хотя обратный путь до исходного пункта движения еще не совершен, для обозначения достигнутой в момент речи цели. Во втором случае приставочный глагол СВ употреблен отчасти вопреки семантике приставки при-: при неполном достижении цели движения.

Прошедшее время несовершенного вида в авторских ремарках художественного текста.

Не нашел еще объяснения факт употребления формы ПН в авторских ремарках (термин использован в его широком значении – О.Г.) художественного текста при обозначении однократного действия. На наш взгляд, эти формы прошедшего времени, как и настоящего, несут в художественном тексте определенную стилистическую нагрузку. Если форма настоящего несовершенного в функции настоящего исторического – это способ «приблизить» действие, произошедшее в прошлом, к читателю, сделать его более ярким, то форма прошедшего несовершенного – стилистическое средство придания диалогу торжественности, плавности, величавости, соседствующее с лексикой высокого стиля. Форма ПН в этом случае конкурирует с формой ПС, являющейся нейтральным средством передачи значения однократности. Не любые глаголы употребляются в этом случае в форме ПН.

[I] - *Да как же, милостивый государь, - говорил князь, - да как же он осмелился?* (Л. Толстой)

[II] *Приглашенная в первый раз на обед она истуканом сидела в торце длинного накрахмаленного стола. Стыло бульонное озерцо.*

- *А вы, Соня. – сказали ей – а вы, Соня, что же не кушаете?*

- *Перцу дожидаясь, - строго отвечала она ледяной верхней губой.* (Г. Толстая)

Высокого стиля книжная лексика, высокий социальный статус героя, чопорность речи героини являются стилеобразующими элементами наряд-

ду с видовой формой глагола. Сравните невозможность формы ПН в следующих отрывках:

- [III] *Тут Шарик огрызнулся. – Да как же, – крикнул (*кричал) он Матроскину, – да как же я тебе фоторужье доверю?! (Успенский)*
- [IV] [Учительница частной группы французского языка – матери пятилетнего ребенка]
- Ваш ребенок совершенно не подготовлен... Приходите на следующий год. До свидания! О ревуар!
*- Не до свидания! – ответила (*отвечала) я, – Будьте нездоровы! Не ревуар! (Т. Толстая)*

Вместо заключения.

Значение общего факта, понимаемое как общее указание на факт действия/состояния без характеристик последнего, проявляется не только в утвердительных предложениях, как это принято считать, но и в предложениях общего отрицания, как с личной формой глагола (но без обстоятельств, выраженных качественно-количественными наречиями), так и с неличной формой при составном глагольном сказуемом в различных временных планах и наклонениях.

Нами выделены также три структуры простых предложений современного русского языка, реализующих это значение.

Значение общего факта является глагольным средством проявления категории определенности/неопределенности (в данном случае неопределенности протекания во времени).

Литература

Богуславский И. М. О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке. М., 1979

Т. В. Белошапкова

ТЕКСТ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ КАТЕГОРИИ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

Категория аспектуальности привлекает внимание ученых уже более ста лет. За это время несколько раз менялся взгляд на способы передачи этой категории. Вначале единственным способом передачи этой категории считался словообразовательный (образование способов глагольного действия). Затем с появлением работы Ю. С. Маслова (Маслов 1965), где говорилось, что существуют «морфемно выраженные и морфемно не выраженные СД глагола (характеризованные и нехарактеризованные, обозначенные и необозначенные)» (Маслов 1965: 71) и введения понятия функционально-семантического поля были осознаны еще два способа передачи этой категории: лексико-синтаксический (лексические показатели – *иногда опаздывать, слегка биться, немного покраснеть*) и синтаксический (союзы, уточняющие конструкции, деепричастные обороты – *чем она реклама ярче, изобретательнее и назойливее, тем выше спрос, эти истины ... не раз в той или иной форме высказанные, нуждаются вновь и вновь в подтверждении*).

Текст как способ передачи категории аспектуальности ученые в этот период не выделяли, хотя всеми признавалось, что «категориальные

грамматические значения совершенного и несовершенного вида реализуются в разных условиях контекста» (РГ 80:604), при этом в некоторых работах, созданных в этот период, говорилось о том, что отдельные составляющие категории аспектуальности – однократность, повторяемость, результативность – могут передаваться в контексте (Гайдуков 1989, Рошина 1977, Кузина 1991).

Интерес к тексту как способу передачи категории аспектуальности возник у А. В. Бондарко и проходит через многие его работы. А. В. Бондарко считает, что «фактически вся аспектуальная семантика, находящая выражение в высказывании и передаваемая с помощью не только видовых форм, но и аспектуального контекста, а также (в части случаев) лексического значения глаголов, может быть представлена и описана в форме АС (аспектуальной ситуации)» (Бондарко 2001:191). А. В. Бондарко считает, что «АС – это особая область исследований, представляющая весьма перспективной» (Бондарко, там же).

Последние десятилетия XX века можно охарактеризовать как время лингвистического исследования текста. Здесь нужно указать работы И. Р. Гальперина, А. И. Новикова, В. В. Одинцова, С. Г. Ильенко. Работа С. Г. Ильенко (Ильенко 1985) представляет для нас наибольший интерес, так как в этой статье вводится понятие «композиционно-смысловых типов речи», представленных в языке художественного произведения, которые определяются как «текстовые сегменты, типизированные в темпорально-функциональном и композиционно-языковом отношении» (Ильенко 1985: 11). С. Г. Ильенко выделяет три таких типа: **демонстрационный, информационный, сентенционный**, а художественное произведение ею определяется как набор определенных комбинаций этих типов. В данной работе определяются связи композиционно-смысловых типов с определенным структурным отображением действительности. Демонстрационный тип «связан с показом действительности, пошаговым ее изображением, при котором события, развивающиеся в незначительный хронологический период, представлены весьма детально» (Ильенко 1985: 11). Информационный тип «связан с рассказом о действительности (часто достаточно кратким). Изложение, посвященное событиям нескольких десятилетий, может уместиться в двух-трех высказываниях» (Ильенко 1985: 12). Сентенционный тип «представляет собой сентенцию по поводу действительности, обобщение, основанное на типических фактах и типических проявлениях в поведении людей. Это своеобразные авторские отступления, облеченные в строгие грамматические формы предложения, а в ряде случаев сложное синтаксическое целое» (Ильенко 1985: 12).

Из трех композиционно-смысловых типов речи только демонстрационный тип может содержать текст, передающий категорию аспектуальности. Это утверждение было сделано в результате проведенных наблюдений над языком следующих писателей XX века: К. Г. Паустовского (Белошапкина 2001), М. А. Шолохова (Белошапкина 2002), К. Симонова (Симонова 2003), А. И. Бунина (Белошапкина 2003). Нужно отметить, что количество собранного материала невелико – около 40 примеров. Следует обратить внимание и на тот факт, что проведенный анализ показал, что текстом может передаваться не вся в целом категория аспектуальности, а лишь отдельные ее параметры: интенсивность, длительность, фазовость в

параметре 'продолжение', множественность в параметре 'итеративность'¹.

Собранный материал позволяет сделать несколько наблюдений. **Наблюдение первое:** категория множественности в параметре 'итеративность' является самой частотной: она встречается в языке произведений всех привлеченных к анализу авторов. Приведем и проанализируем примеры, где используется эта категория:

1. ... *думал он о том, что здесь, у Дона, наконец-то закончится это горькое отступление, и работа на этот раз вовсе не показалось ему такой надоедливо-ностылой, как бывало прежде...* (М. Шолохов «Они сражались за Родину»). В этом тексте передается информация о повторяемости в прошлом совершаемого в настоящем действия. Она передается посредством предположно-надежного сочетания *на этот раз*, наречия *прежде* и глагола *бывать*.

2. *Война была объявлена, и с тех пор жизнь для Степана (кота) потеряла всякую прелесть. Нечего было думать о том, чтобы лениво тереться мордой о косяки разошедшихся дверей или валяться на солнце около колодца. Ходить приходилось с опаской, на цыпочках, почаще оглядываться и всегда выбирать впереди какое-нибудь дерево или забор, чтобы вовремя ударить от Фунтика (собаки)* (К. Паустовский «Жильцы старого дома»). Итеративная множественность передается посредством сообщений о невозможности совершения в настоящем действий неоднократно повторяемых в прошлом.

3. *Ему не однажды приходилось в строю Академии Фрунзе проходить через Красную площадь. Но тогда это были совсем другие трибуны: веселые, штатские, с детьми, поднятыми на плечи, с цветными шариками над головой, с приветственно летящими по воздуху платочками и косынками.*

Сейчас на трибунах на каждого штатского приходилось по двое или трое военных (К. Симонов «Живые и мертвые»). В этом тексте итеративная множественность передается посредством сообщений о повторяемости в прошлом совершаемого в настоящем действия.

4. *Из году в год жила, делала свое огромное дело Москва. Что-то делал, зачем-то жил на свете и он. Часов в девять он уходил, в пятом возвращался. О чем-то тихо, но ничуть не печально думая, он снимал с гвоздя в швейцарской свой ключ, поднимался на второй этаж по коленчатому коридору* (И. Бунин «Далекое»). В этом тексте передается информация о регулярной повторяемости действия субъектов, составляющих жизнь города Москвы (итеративная множественность). Для ее передачи используются глаголы несовершенного вида в неограниченно-кратном типе. Предположно-надежное сочетание *из году в год*, являющееся детерминантом первого предложения, по сути является детерминантом всего текста.

Наблюдение второе: категория интенсивности также встречается в языке всех писателей, но у М. А. Шолохова, К. Паустовского она представлена параметром 'усиленность', у И. А. Бунина, напротив,

¹ Данное исследование входит в круг работ автора, посвященных описанию функционирования категории аспектуальности. О принципах выделения параметров, входящих в категорию аспектуальности. См. Белошапкова 1997.

параметром 'ослабленность', а у К. Симонова двумя параметрами: и 'ослабленность', и 'усиленность'. Параметр 'усиленность': 1. *послышался далекий гул моторов. Он рос, ширился и звучал все отчетливее и грознее, этот перекачывающийся низко повисший над землей гром* (М. Шолохов «Они сражались за Родину») – в этом тексте передается информация о возрастающей интенсивности признака (звучание моторов). Это происходит путем противопоставления ситуаций *гула и грома*.

2. *Зимой Минька выходил из дому в темноте. Колючие звезды дрожали от стужи, трещали сосны, снег скрипел под ногами, и у Миньки сжималось сердце: как бы не услышали волки* (К. Паустовский «Ленька с малого озера»). Здесь представлено несколько событий. Для нас важно то, что было очень холодно. Это информация передается посредством передачи информации о том, что *«колючие звезды дрожали от стужи, трещали сосны, снег скрипел под ногами»*.

3. *Даже грусти не вышло. Так только, слабая жалость какая-то* (И. А. Бунин «В ночном море»). В этом тексте второе предложение уточняет слабую степень интенсивности признака, представленного в первом предложении (противопоставлением ситуаций *грусти и жалости*).

Параметр 'ослабленность'. 1. *Что обстрел сильный и точный, они поняли сразу. Все кругом гудело от близких разрывов* (К. Симонов «Живые и мертвые»). В этом тексте второе предложение уточняет степень интенсивности признака, представленного в первом предложении. Это происходит путем введения формально не выраженной причинно-следственной пропорции (*Почему мы можем говорить о том, что обстрел был сильный? Потому что все гудело. Обстрел был сильный, и поэтому все гудело*).

4. *Над лесом с медленным густым гулом проплыли шесть громадных ночных четырехмоторных бомбардировщиков ТБ-3. Казалось, они не летели, а ползли по небу* (К. Симонов «Живые и мертвые»). В этом тексте второе предложение, передавая авторскую оценку, уточняет и подчеркивает (интенсифицирует) слабую степень интенсивности действия (путем противопоставления действий *лететь – ползти*).

Наблюдение третье: категория длительности встречается в языке М.А. Шолохова, К. Симонова, И.А. Бунина. Эта категория может передаваться двумя типами текстов. Текст первого типа строится следующим образом: второе предложение раскрывает и дополняет содержание первого: 1. *Так проходили минуты, измеряемые для него часами. Он не видел, как с юга на той стороне балки на немецкие автомашины обрушились «КВ», сопровождаемые пехотой мотострелковой бригады, и до его помраченного сознания не сразу дошло, почему немцы, лежавшие цепью в каких-нибудь ста метров от его окопа, вдруг ослабили огонь, стали поспешно отползать, а потом поднялись и беспорядочно побежали, но не назад, к балке, а на северо-запад к глубокому оврагу* (М. Шолохов «Они сражались за Родину»). В этом тексте передается информация о границах временного промежутка (ограниченной длительности по А. В. Бондарко), границы которого весьма условны: первое предложение определяет границы временного промежутка (*так проходили минуты*), в котором описывается определенное положение дел, представленное во втором предложении.

2. *Подарив полку три первых утренних часа тишины, немцы весь день вознаграждали себя за это. Ровно двенадцать часов – с девяти ура*

до девяти вечера — на позиции полка пикировать немецкие бомбардировщики, сменяя друг друга и ни разу больше, чем на полчаса не прерывая своей смертельной молотбы. Тяжелые полторные и четвертьтонные бомбы. Весом в сто, пятьдесят и двадцать пять килограммов, кассеты с мелкими, сытавшимися как горох, трех- и двухкилограммовыми бомбами — все это с ура до вечера валилось с неба на позиции серпилинского полка.

Текст второго типа строится иначе: здесь границы временного промежутка передаются наречием все 'до сих пор' (это часть второго предложения в тексте), а определенное положение дел, относящееся к этому временному отрезку, передается всеми остальными предложениями, составляющими данный текст. *Они прошли два километра по лесной дороге, до ее пересечения с Минским шоссе. Синцов все ждал, что они остановятся у одной из спрятанных под деревьями машин и поедут на ней, он пропустил мимо ушей слова батальонного комиссара про сгоревшую в машине шинель. И только когда они вышли на Минское шоссе ... [пограничник сказал «Сейчас проголосуем до Ориш», — Синцов понял, что у батальонного комиссара нет никакой машины и они будут добираться на попутной]* (К.Симонов Живые и мертвые).

Наблюдение четвертое: категории однократности и фазовости в параметре 'продолжение' встречаются только в языке И. А. Бунина («История с чемоданом», «В Париже»). Анализируя способы передачи этих категорий, нельзя не обратить внимания, что они передаются иначе, чем все остальные. Здесь можно провести параллель с выделением М. М. Бахтиным первичных (простых) и вторичных (сложных) речевых жанров. Здесь сам сюжет рассказов «История с чемоданом» и «В Париже» представляет собой либо единичность определенного круга событий¹, либо разные фазы одного и того же события — борьбы с чемоданом. Анализируя текст с точки зрения передачи параметра однократности, следует обратить внимание на то, что в нем наречие *однажды* в значении 'как-то раз, когда-то' выполняет текстообразующую роль. Проиллюстрируем это примерами: *Однажды в сырой парижский вечер поздней осенью он зашел пообедать в небольшую русскую столовую. Дело происходит в старое время, однажды весной ... (это первая фраза рассказа «История с чемоданом», все содержание рассказа — и есть объяснение этому 'однажды')*.

Категория фазовости, параметр 'продолжение'. Возможность использования текста в качестве передачи этого параметра является уникальной. Она наблюдается только в рассказе «История с чемоданом», где все основное действие представляет повествование о том, как главный герой во время шторма пытался поставить на место свой чемодан; можно сказать, что описываются разные фазы «борьбы с чемоданом». Так, для описания срединной фазы употребляется следующий текст:

¹ Вторичные (сложные) речевые жанры — романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п. — возникают в условиях более сложного и относительного высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) — художественного, научного, общественно-политического и т.п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения. (Бахтин 1986: 430).

«Продолжать ли рисовать эту гнусную битву?» и далее целый абзац посвящен описанию этого этапа битвы (Ей не было конца и края. Я тоже потерял рассудок, тоже остервенился. Сперва я еще думал, что все это только игра моего воображения, – что чемодан мне только показался живым, одушевленным; сначала я испугался лишь корыстно, – того, что он весь изобьется, обдерется, кинется к нему, в сущности на помощь, чтобы облегчить ему возможность где-нибудь приткнуться, задержаться... Но нет, он вовсе не был лишь игрушкой, забавой волн и ветра, бессмысленной вещью, безвольно вверх и вниз летавшей вместе с каютой! Он, видимо, сознательно был счастлив всем этим адом качки, давшей ему столь чудесный случай сорваться на пол и пуститься в свои беснования, раззадорить меня ими, вовлечь в схватку и начать нещадно гвоздить чем попало ... Я бился не на живот, а на смерть ...).

Данные наблюдения позволяют говорить о тексте как о способе передачи категория аспектуальности и позволяют увидеть следующую нерешенную здесь задачу – типологию текстов, передающих эту категорию

Литература

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. М., 1986.
- Белошапкова Т.В. Аспектуальные выразители в языке М.А.Шолохова (на материале романа «Они сражались за Родину») // Шолоховские чтения сборник научных трудов. Вып. 2. М., 2002.
- Белошапкова Т.В. Аспектуальные значения как одна из составляющих семантики высказывания // Синтаксис: изучение и преподавание М., 1997.
- Белошапкова Т.В. Категория аспектуальности в языке И.А.Бунина // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Первые Андреевские чтения. Межвузовский сборник. М., 2003. (в печати).
- Белошапкова Т.В. Категория аспектуальности в языке К. Паустовского // Текст. Структура и семантика. Доклады межд. конф. т. 11. М., 2001.
- Белошапкова Т.В. Категория аспектуальности в языке К.Симонова // Проблемы культуры речи. Сборник научных статей. Владикавказ. 2003. (в печати).
- Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. С.-Пб., 2001.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии М., 2001
- Гайдуков В.Г. Значение однократности действия и средства его выражения в современном русском языке. АКД., М., 1989.
- Ильенко С.Г. Предложение в текстовом аспекте // Предложение в текстовом аспекте. Вологда 1985.
- Кузина М.В. Средства выражения результативности действия в русском языке. АКД., М., 1991.
- Маслов Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
- Рощина Л.М. Способы выражения повторяемости действия в современном русском литературном языке. АКД., Ташкент, 1977.
- Русская грамматика М., 1980 т. 1.

**СЛОЖНОЕ СЛОВО КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОЛОГИИ, СЛОВООБРАЗОВАНИЯ,
МОРФЕМИКИ И МОРФОЛОГИИ**

1. Постановка проблемы

На каждом уровне языковой системы имеют место как базисные, элементарные, так и комплексные (сложные) единицы. В фонетике это соответственно звук (фонема) и сочетание звуков (фонем), в синтаксисе – простое и сложное предложение. На уровне слова чрезвычайно важным представляется противопоставление двух структурных типов слов – простого и сложного слова.

Сложное слово – особая единица лексической и словообразовательной систем русского языка, природа которой требует специального рассмотрения. Мы исходим из того, что сложное слово – один из **основных** объектов лексики и словообразования, точно так же, как сложное предложение – один из основных объектов синтаксиса. При всем многообразии описаний подсистемы сложных слов (Василевская 1962; Грамматика 1980; Земская 1992 и др.) сложное слово как таковое – явно недостаточно изученный в теоретическом плане объект лингвистического анализа.

Это поразительно, но при изучении сложного слова обычно игнорируется то обстоятельство, что разные разделы языкознания видят и изучают в слове как единице языка свой аспект; ср. такие понятия, как «лексема» в понимании Ю.Д.Апресяна («лексическое слово»), «фонетическое слово», «морфологическое слово» (грамматический вариант многозначного слова), «синтаксическое слово» (синтаксема). Все эти разграничения стали привычными при исследовании простого слова и отчего-то неактуальны для слова сложного. Недифференцированный подход к сложному слову может служить источником досадных недоразумений (см. ниже). Мы полагаем, что необходимо различать лексический, словообразовательный, морфемный и морфологический аспекты изучения сложного слова. При этом разные виды лингвистического анализа позволяют выделять разные объекты: сложное слово с точки зрения морфематики не то же самое, что сложное слово с точки зрения словообразования, лексикологии или морфологии.

С другой стороны, сложное слово обычно рассматривается вне соотношения с другими типами слов, как бы само по себе. Это также не вполне корректно. Чтобы понять природу сложного слова, нужно противопоставить сложное слово слову «несложному».

2. Слово простое и слово сложное

Чему противопоставлено сложное слово? Этот вопрос в современной науке недостаточно хорошо разработан. Адекватное трудности проблемы сложного слова решение, на наш взгляд, предполагает структурно-типологический подход к сложному слову.

Естественным «антиподом» сложного слова является **простое** слово (точно так же, как типология предложений строится на антиномии «простое предложение – сложное предложение», и синтаксисты давно уже пришли к выводу, что понять природу сложного предложения невозможно без предварительного углубленного анализа языковых

свойств простого предложения).

Понятие простого слова достаточно часто обсуждается в специальной литературе. Нам необходимо хотя бы кратко рассмотреть это понятие для решения задач нашего исследования.

Можно установить два разных подхода к установлению природы простого слова. Одни ученые полагают, что простое слово – это понятие словообразовательного анализа. Они характеризуют простое слово как слово неизпроизводное, основа которого равняется корню.

Свойства простых (в подобном понимании) слов раскрываются в суждениях ряда ученых. «Простые (непроизводные) слова не разложимы на более мелкие единицы – морфемы», – пишет М.Д. Степанова (Степанова 1953: 57)¹. «Простые слова, – полагает Е.А. Земская, – подобны химическим элементам... Из них составляются все прочие слова. Значение простых слов никак не связано с их звуковым обликом, не вытекает из него, о нем нельзя догадаться, его надо знать» (Земская 1963: 6).

Подобное использование термина *простое слово* не дает, как кажется, практически ничего нового по сравнению с термином *непроизводное слово*. Опираясь на это определение, мы не сможем отличить аффиксальный дериват типа *южный* от сложного деривата типа *юго-запад* – оба деривата в противопоставлении с простым словом *юг* будут в той или иной степени «непростыми» (=«сложными»?), что противоречит общепринятым представлениям о природе сложного слова.

Другое понимание термина *простое слово* связано с идеями не словообразовательного, а морфемного анализа. В соответствии с таким пониманием, простое слово – это «слово (производное или неизпроизводное), в составе которого имеется не более одного корня» (Немченко 1985б: 102). Подобная точка зрения высказывалась ранее также Н.М. Шанским (Шанский 1968: 86) и другими учеными. Именно такой подход к простому слову удобен для характеристики слова сложного. Об этом хорошо пишет В.В. Лопатин в энциклопедии «Русский язык»: «В зависимости от количества корней <...> в слове все слова делятся на простые и сложные: в простых словах (*нар, засуха, слепой*) – один корень, в сложных (*пароход, засухоустойчивый, слепоглухонемой*) – более одного» (Русский язык 1979: 116). Итак, простое слово не является нечленимым словом. Все нечленимые слова являются простыми (*здесь, ура, но*), но не все простые являются нечленимыми (*жи-ть, чит-а-ть, на-де-ть* и т.п.).

Специфика простого слова при рассматриваемом подходе связана с характером центрального элемента его морфемной структуры. Понятие морфемной («морфологической») структуры слова было введено Г.О. Винокуром (Винокур 1959). Центральным, стержневым элементом морфемной структуры слова является корень. Центр морфемной структуры простого слова составляет одна корневая морфема. Морфемная структура простого слова – моноцентричная, однокорневая. Слова,

¹ Это, на наш взгляд, не вполне корректное утверждение: многие «простые» в указанном смысле слова являются членимыми на морфемы – ср.: *стен-а, окн-а, зна-ть, жи-ть, бел-ый* и т.п. В рассматриваемом М.Д. Степановой случае нужно говорить о «простоте» (=нечленимости) не самих неизпроизводных слов, а их основ. Кстати, в действительности у многих неизпроизводных слов и основы являются членимыми: *чит-а(ть), на-де(ть), нар-ок(ий)* и мн. др. Следовательно, определение простого слова с точки зрения производности требует более детального обсуждения.

включающие один корень, являются простыми (независимо от количества периферийных элементов морфемной структуры – аффиксов): *лес, перелесок, степь, степной, синий, синеть, зеленый, зеленотый*. Иначе строится морфемная структура **сложного** слова. Она принципиально полицентрична, т.е. включает в свой состав несколько корневых морфем.

3. Сложное слово с позиций морфемки и словообразования

Нужно заметить, что при дефиниции сложного слова (как и слова простого, см. выше) одни ученые опираются на данные морфемного состава сложных слов, другие же принимают во внимание словообразовательные характеристики лексем этого типа. С учетом того, что данные морфемного и словообразовательного анализа слова не всегда совпадают и в принципе не должны совпадать – это разные виды лингвистического анализа (Милославский 1980: 26), можно сделать вывод, что разные ученые понимают под сложным словом достаточно серьёзно различающиеся объекты языка. И в этом нет ничего удивительного. Как и при определении простого слова, морфемный и словообразовательный подходы к сложному слову дадут разные результаты, приведут к разным определениям такого типа слов. Слов со сложной морфемной структурой гораздо больше, чем слов, образованных в результате операции сложения компонентов производящей базы. Известно, что не всякое слово, имеющее в составе два корня или больше, образовано сложением (*водопроводчик* – не сложное по своему образованию, а суффиксальное образование). Всё сказанное требует самого пристального внимания к разграничению (а затем, на более высоком уровне анализа, при моделировании системы сложных слов – к синтезу) словообразовательного и морфемного подходов в характеристике сложного слова.

Самое широкое понимание сложного слова, коррелирующее приведенному в предыдущем разделе нашей статьи определению простого слова, связано с результатами **морфемного анализа** слова. Согласно определению Е.А.Василевской, автора первого и до сих пор единственного опубликованного монографического исследования, посвященного сложным словам русского языка, «сложное слово – это состоящая из двух или нескольких знаменательных элементов лексическая единица, характеризующаяся единством значения и соотносимая в лексико-грамматической системе русского языка с той или иной частью речи» (Василевская 1962: 22). В данном определении в качестве основного дифференциального признака сложного слова отмечается то, что в его структуре объединены несколько корневых (= «знаменательных») элементов.

Под это определение могут быть подведены не только различные типы бесспорно сложных слов (*лесопарк, сумасшедший, диван-кровать, АО*), но и такие слова с «несколькими знаменательными элементами»; как аффиксальные дериваты от сложных слов (*лесопарковый*, поэт. *сумасшедшинка* и т.п.). То обстоятельство, что слова последнего типа принято называть «ложными композитами» (Ахманова 1966: 202) – дериватами, образованными не операцией сложения элементов производящей базы, а другим (суффиксальным) способом словообразования, на данном уровне рассмотрения материала не имеет принципиального значения: и ложные композиты включают в состав основы более чем один корень, т.е. отвечают основному критерию выделения сложного слова.

Более узкое понимание сложного слова является следствием подхода к такому слову с позиций не морфемики, а **словообразования**. При таком подходе сложным словом называется слово, образованное способом сложения элементов производящей базы (*лесостень*). Опыт определения сложного слова с учетом данных не морфемного, а словообразовательного анализа (как деривата, в словообразовательную структуру которого входит не меньше двух производящих основ) мы находим в целом ряде исследований. Ср.: «Сложное слово – слово, имеющее более чем одну мотивирующую основу...» (Русский язык 1997: 514). Подобные определения также требуют существенной корректировки. Это связано с рядом обстоятельств.

1. Прежде всего, сложное слово представляет собой результат объединения не только основ слов (*лесопарк*); могут объединяться также: слова (*диван-кровать*), словоформы (*сумасшедший ← с ума сшедший*). Поэтому в нашей работе сложное слово будет пониматься не только как результат «чистого» сложения основ, но и как результат сложения целых слов или же сращения словоформ исходного словосочетания.

2. Из приведенного определения неясно, следует ли признать сложными такие слова, которые образованы сложением элементов производящей базы с одновременным использованием аффиксальных средств. Одни ученые называют сложными только производные слова – результат чистого сложения (Арутюнова 1961: 8). Другие лингвисты справедливо полагают, что при образовании сложных слов наряду с операцией сложения могут участвовать и аффиксальные форманты. Ср.: «Сложные слова бывают как бессуффиксные ... так и суффиксальные – *конькобежец, громкоговоритель...*» (Немченко 1985а: 165). Последняя точка зрения нам кажется более адекватной тому многообразию типов сложных слов, которые реально существуют в языке.

С учетом предложенных дополнений можно с позиций словообразования определить сложное слово как такой многокорневой дериват, в котором словообразовательный формант представляет собой: 1) операцию сложения элементов производящей базы или же 2) включает, помимо сложения элементов производящей базы, также аффиксальный дериватор. Это рабочее определение сложного слова позволяет строго отграничить производные сложные слова типа *лесопарк, конькобежец* от «ложных композитов» – аффиксальных многокорневых образований типа *лесопарковый, конькобежный*.

С другой стороны, в отмеченных вариантах определения сложного слова постулируется неперемная производность такого слова, связь с реально существующими в языке производящими основами. Поэтому под приведенное определение сложного слова, если понимать производность вслед за Г.О.Винокуром как такое отношение между словами, когда деривату непременно должно соответствовать производящее в виде самостоятельно существующего языкового знака (Винокур 1959), не подойдет обширный и активно пополняемый в современном русском языке класс сложных непроизводных слов или же слов с «проблемной» (тресбующей доказательств) производностью. Дело в том, что во многих случаях сложные слова не соотносятся ни с какими производящими (мотивирующими) основами (см. об этом ниже).

4. О кардинальном различии морфемного, словообразовательного и морфологического подходов к сложному слову (проблема квазикомпозитов)

Слово *филология* – один из «хрестоматийных» примеров сложных слов (Русская грамматика 1980). Однако в русском языке нет производящего слова с основной *фил-*, как нет и производящего слова с основной *логиц(а)*: это связанные компоненты, которые сами по себе не формируют основу слова – только в сочетании с другими свободными или связанными основами. Нельзя не считаться с тем обстоятельством, что в русском языке выделяется класс сложных слов, преимущественно иноязычного происхождения, которые являются со словообразовательной точки зрения производными (Крысин 1998).

Очевидно, слова типа *филология*, *гастроскотия*, *катамаран*, *макромир*, *текстология*, *видеотека* – часть общей системы сложных слов русского языка. В то же время эти слова не отвечают (полностью – как слова типа *катамаран*, или отчасти – см слова типа *макромир*) критерию производности слов, сформулированному Винокуром, и поэтому не входят (или же входят лишь при условии дополнительной аргументации) в число сложных слов – дериватов. Таким образом, существует особая проблема, анализа сложных слов со связанными компонентами, которые мы называем квазикомпозитами (Клобуков, Гудилова 2001).

Все лексикографические издания, от классических (БАС, МАС, Ож., СИС и др.) до новейших (БТС, НС, ОШ, ССИС, ЯИ, Тихонов 1985, СНС и др.), рассматривают образования типа *макромир*, *фильмотека* в качестве цельноформленных сложных слов – самостоятельных единиц лексико-графического описания. В этих же словарях обычно представлены и составные компоненты таких слов, ср.: МАКРО... [от греч. *μακρός* – большой]. Первая часть сложных слов. 1. Вносит зн.: большой, крупный. *Макромолекула*, *макромысль*, *макропористый*, *макропроект*, *макрорајон*, *макрорельеф*, *макрорешение*, *макроструктура*, *макросъемка*, *макротираж*, *макрошум*. 2. Вносит зн.: связанный с изучением больших предметов, величин. *Макробиотика*, *макроскотия*, *макроэкономика* (БТС: 515); ФИЛЬМО... – начальная часть сложных слов, вносящая значение сл.: *фильм*, *фильмовый* (*фильмоскоп*, *фильмостат*, *фильмотека* и т.п.) (НС: 904).

Решение о лексической целостности, неразрывности таких слов принимается лексикографами, очевидно, с учетом целостности семантики квазикомпозитов и практики написания (слитного или дефисного) таких слов, в которой отражаются интуитивные представления о квазикомпозитах как цельноформленных единицах лексической системы. Ср. рассуждения А.А.Зализняка о критериях вычленения слова из потока речи: «Поскольку мы исходим из письменной формы речи, под сегментом [т.е. под словом. – Е.К., С.Г.] понимается любая цепочка букв от пробела до пробела с проставленным знаком ударения» (Зализняк 2002: 19).

В современном языкознании высказывается и иной взгляд на структуру квазикомпозитов. По мнению многих ученых, есть основания признать компоненты типа *макро-*, *радио-* и т.п. не частями сложных слов, а самостоятельными словами – аналитическими прилагательными, которые лишь по традиции пишутся слитно с предметными определяемыми словами типа *мир* (*макромир*), *мачта* (*радиомачта*) и

т.п. Наиболее развернутая аргументация в пользу существования аналитических прилагательных как особого грамматического класса слов (особой части речи современного русского языка) представлены в работах М.В.Панова (Панов 1968; 1971).

М.В.Панов трактует аналитические прилагательные как «аналитические определители, несклоняющиеся прилагательные» (Панов 1999: 152). Автор, представляя аналитические прилагательные как «единый, целостный класс слов ... (не частиц, не прилеп и т.д.)», указывает на их основной признак – свободную (нефразеологическую) сочетаемость с неограниченным рядом лексических единиц¹, и второстепенные признаки, в числе которых называет, во-первых, отдельное словесное ударение, во-вторых, особые (не характерные для морфемного шва в «обычном» слове) фонетические явления на границе аналитического прилагательного и следующего слова, в-третьих, способность сегментов с такими прилагательными включать в себя частицы: *сель-то совет, спец бы паек* (Панов 1999: 160-161).

М.В.Панов выделяет 16 групп аналит-прилагательных, в каждой из которых слова объединены «по их происхождению: откуда они взялись в эту часть речи» (Там же: 153). Анализируемые нами слова-квазикомпозиты содержат связанные компоненты, входящие по классификации М.В.Панова во вторую группу аналит-прилагательных, к которой относятся также компоненты типа *аэро-, макси-, мини-, фото-* и др. Сложные слова со связанными компонентами рассматриваются в качестве полилексемных образований, содержащих аналитические прилагательные, и в ряде фонетических исследований (Крысин 2000).

Вслед за М.В.Пановым теоретическая возможность трактовки сложных слов типа *макромир* в качестве неоднословных сочетаний, включающих аналитические прилагательные, рассматривается и в работах по словообразованию. Так, Е.А.Земская (Земская 1992: 58) полагает, что подобные слова представляют собой нечто среднее между словом и словосочетанием.

Мы не ставим перед собой задачу проверки истинности теории аналитических прилагательных. Эта теория оправдала себя во многих направлениях лингвистического анализа. Признавая теоретическую правомерность подобного подхода с позиций морфологии и фонетики, мы тем не менее полагаем, что самостоятельное «морфологическое» и «фонетическое» слово (каковым и является аналит-прилагательное) на ином, более привычном уровне рассмотрения, а именно с позиций лексикологии (и лексикографии), а также морфемики и словообразования может рассматриваться как элемент сложного слова. Именно поэтому квазикомпозиты типа *спецчасть* могут трактоваться как **сложные слова**, а не как сочетания аналитических прилагательных с существительными.

При этом мы опираемся на следующие рассуждения.

1. Лексическая целостность квазикомпозитов подтверждается **формальными** критериями определения слова. П.С.Кузнецов определял самостоятельность слова, используя следующую систему логических

¹ Этот критерий выделения аналитических прилагательных может подвергаться сомнению. В рецензии на «Позиционную морфологию русского языка» М.В.Панова один из авторов данной статьи писал, в частности, что и свободные, и фразеологически связанные сочетания компонентов наблюдаются как в пределах слова, так и на уровне словосочетания (Клубуков 2000: 63-64).

рассуждений: 1) «Звуковая последовательность, могущая быть ограниченной паузами любой длины, есть звуковая последовательность, которая содержит по крайней мере одно самостоятельное слово»; 2) «Звуковая последовательность, определенная указанным выше способом, внутри которой не может быть вставлена другая звуковая последовательность, определенная таким же способом, и есть самостоятельное слово» (Кузнецов 1964: 75).

Слова типа *видеотека* полностью удовлетворяют данным критериям. Вставка частиц внутри квазикомпозитов типа *видео же тека* (ср. доводы М.В.Панова в пользу расширения класса аналитических прилагательных за счет частей сложных слов: *сель-то совет* и пр.), на наш взгляд, в литературном, нормированном языке невозможна, это всегда результат языковой игры, которая допускает различные трансформации слова, неприемлемые с точки зрения литературной нормы (Гридина 1996; Санников 2002).

2. Об однословности квазикомпозитов свидетельствуют данные **орфографии**. В стандартном случае слитное написание свидетельствует об однословности сегмента: «... части слова пишутся слитно, отдельные слова в словосочетании – раздельно» (Касаткин 2001: 444-446).

3. Об этом же свидетельствуют и данные **лексикографической практики**, т.е. словники всех без исключения словарей русского языка, в которых квазикомпозиты всегда фиксируются именно как слова, а не как сочетания слов.

4. Мы полагаем, что лексикографическая практика отражает вполне реалистичный взгляд на природу таких слов, не противоречащий **языковой интуиции**. О важности интуитивных критериев при оценке возможности применения на практике лингвистических гипотез А.А.Зализняк писал в свое время так: «Гипотеза... является первым приближением к решению ... вопроса. Это приближение обладает значительными достоинствами, однако в части случаев ... оно явно расходится с нашими интуитивными представлениями о границах лексемы, отраженных в многочисленных конкретных описаниях. В этих условиях за данной гипотезой можно признать самостоятельную ценность, однако, как и в прочих подобных случаях, нельзя требовать, чтобы наше интуитивное представление о границах лексемы изменилось в соответствии с нею» (Зализняк 2002: 56-57).

5. Включение квазикомпозитов в структуру сложных слов теоретически интересно для теории слова, позволяет **расширить представления о природе сложного слова**, поставить по-новому вопрос о структуре такого типа слов, о степенях членимости и т.п. Напротив, изучение квазикомпозитов как словосочетаний, включающих аналитические прилагательные, если оно будет проведено на уровне изучения не слов, а сочетаний слов, лингвистически неинтересно, даст весьма тривиальные результаты с точки зрения возможностей исчисления типов сложных слов.

6. Трактовка квазикомпозитов в качестве сочетаний предметных слов с аналитическими прилагательными уязвима с позиций **морфемки и словообразования**. Так, теоретически можно допустить, что в случае *радиорубка* (как и во всех других квазикомпозитах, строящихся по модели *связанный + свободный компонент*) представлено словосочетание

существительного *рубка* с аналитическим прилагательным *радио-*. Но как быть с квазикомпозитами типа *радиолиз*, у которых оба компонента связанные? Опорный компонент данного квазикомпозита (*-лиз*) ничем не отличается по своей природе от опорных компонентов типа *-дром*, *-тека*. Однако сторонники теории аналитических прилагательных уверенно называют такие сегменты суффиксами (см.: Земская 1992). Не значит ли это, что квазикомпозиты типа *радиолиз* представляют собой сочетание аналитического прилагательного с ... суффиксом? Какая же языковая единица в таком случае получается? А.И.Смирницкий писал по поводу подобных случаев, что «если в каком-либо языковом образовании АВ единица А (или В) есть часть слова, то и единица В (или А) также есть часть слова...» (Смирницкий 1952: 192-193).

Всё сказанное выше позволяет сделать следующие выводы. Популярная в настоящее время в морфологии теория аналитических прилагательных, безусловно, имеет целый ряд достоинств. Ее истинность с позиций морфологического и фонетического слова не подлежит сомнению. В то же время эта теория не учитывает и ряд контраргументов, связанных с лексикографической практикой, с логикой морфемного и словообразовательного анализа. Следовать этой теории на уровне словообразования и морфемики означало бы нивелировать различия между разными типами слов, игнорировать принципиальную неоднородность этих типов, априорно отрицать возможность существования сложных слов с взаимно связанными компонентами.

5. Структура морфолексического поля сложных слов в русском языке (лексический аспект сложного слова)

Сложные слова русского языка, как видно из всего сказанного, неоднородны по своей природе. Они, как мы полагаем, образуют особую, достаточно сложно организованную подсистему в лексике – **систему сложных слов**. Структура этой системы заслуживает специального внимания. Нагляднее всего можно представить систему сложных слов в виде **поля**. Под полем понимается «совокупность языковых (гл. обр. лексических единиц), объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей)...» (ЛЭС 1990: 381).

Сложные слова, на наш взгляд, образуют особое лексическое поле, которое можно было бы на основании принципов его выделения назвать **морфолексическим**. Понятие **морфолексического поля** вводится нами для объединения в одну систему всех слов с одинаковыми структурными свойствами – а именно с общими свойствами морфемной структуры, включающей две или более корневых морфемы (ср. сходное, но нетождественное понятие морфосемантического поля в понимании П.Гиро как класса слов с общими аффиксальными показателями или тождественным строением основы: ЛЭС 1990: 381).

В отличие от семантических полей (Й.Трир) и функционально-семантических полей (А.В.Бондарко), морфолексическое поле сложных слов формируется прежде всего на основании общности **формальных** показателей (как следует из приведенного выше определения поля, этот признак может служить основанием для выделения поля), а именно **наличия в морфемной структуре слова более чем одной корневой морфемы**.

Подобно любому полю, морфолексическое поле характеризуется

своим центром (ядром) и периферией (ближней и дальней). **Центральный**, наиболее четко структурированный сегмент морфолексического поля сложных слов составляют **производные сложные слова**, образованные той или иной разновидностью сложения как способа словообразования или же комбинацией сложения с аффиксальными словообразовательными средствами. Это собственно **словообразовательное поле композитов** (о важности понятия словообразовательного поля см.: Ревзина 1969).

Помимо центрального, ядерного сегмента, словообразовательное поле сложных слов включает и удаленные от центра поля пласты лексики. Мы имеем в виду бесспорно производные сложные слова со связанными компонентами (в нашей терминологии – **квазикомпозиты**; см. подробнее в разделе 4) типа *филология*. Непроизводность (Л.П.Крысин 1998) или, с другой, менее жесткой точки зрения, ослабленная (в ряде случаев весьма значительно) производность таких сложных слов не позволяет включать их в ядерный сегмент словообразовательного поля сложных слов. В то же время обосновываемая в специальной литературе трактовка таких слов в качестве производных (Грамматика 1980 и др.) делает возможным рассматривать квазикомпозиты как **приядерный** сегмент словообразовательного поля сложных слов.

Можно считать, что **композиты и квазикомпозиты составляют соответственно центр и периферию словообразовательного поля сложных слов**. Это словообразовательное поле составляет, в свою очередь, **центральное звено общей морфолексической системы сложных слов**.

За пределами словообразовательного поля композитов (но в рамках морфолексической системы сложных слов) находятся так называемые ложные композиты, о которых уже шла речь выше: *железобетонный* ← *железобетон*, *новгородский* ← *Новгород* и т.п. Все лексемы, входящие в словообразовательное поле композитов, должны обладать одним свойством, которое позволяет отграничить истинные сложные слова (*лесопарк*) от так называемых «ложных сложных слов» («ложных композитов»), типа *лесопарковый*, в которых также выделяется несколько корневых элементов. Если слово с несколькими корневыми морфемами является производным, то операция сложения основ должна непременно входить в состав словообразовательного форманта этого слова (а не характеризовать его производящую базу).

Обладая многокорневой основой, ложные композиты образованы не способом сложения, а являются аффиксальными дериватами. Поэтому все дериватологи отрицают их принадлежность к классу сложных (в словообразовательном отношении) слов. Таким образом, сложное (с морфемной точки зрения) слово может быть аффиксальным дериватом в плане словообразования.

За пределами морфолексической системы сложных слов находятся непроизводные и нечленимые в русском языке заимствованные слова типа *блокбастер*, *бобслей*, *кидненинг*.

Итак, структурный тип сложных слов в современном русском языке неоднороден и включает лексические единицы, которые требуют особого внимания с позиций различных разделов лингвистики. Все основные

выводы традиционной теории морфемки и словообразования получены в основном в результате изучения лишь одного из двух структурных типов слов, а именно слов простых. Взгляд на сложное слово как самостоятельный объект научного анализа и как компонент особого морфологического поля позволяет углубить представления о членимости и производности основ русских слов.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961.
- Ахманова О.А.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Василевская Е.А.* Словосложение в русском языке. М., 1962.
- Винокур Г.О.* Заметки по русскому словообразованию // *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Грамматика 1980: Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. Т. 1: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М., 1980.
- Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
- Гудилова С.В.* О степенях членимости квазикомпозитов // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики / Ученые записки Ульяновского государственного университета. Серия Лингвистика. Выпуск 1(6). Ульяновск, 2001.
- Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. Изд. 2-е. М., 2002.
- Земская Е.А.* Как делаются слова. М., 1963.
- Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Касаткин Л.Л.* Графика и орфография // Русский язык. М., 2001.
- Клобуков Е.В.* Рец. на кн.: Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999 // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2000, № 4.
- Клобуков Е.В., Гудилова С.В.* Языковая специфика непроемких сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей. Выпуск 20. М., 2001.
- Крысин Л.П.* Словообразование или заимствование? // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е.А.Земской. М., 1998.
- Крысин Л.П.* Новые аналитические прилагательные и явление хиатуса // Активные языковые процессы конца XX века. Тезисы докладов международной конференции. IV Шмелевские чтения (23-25 февраля 2000 года). М., 2000.
- Кузнецов П.С.* Опыт формального определения слова // Вопросы языкознания, 1964, №5.
- Миловский И.Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
- Немченко В.Н.* Основные понятия словообразования в терминах. Красноярск, 1985а.
- Немченко В.Н.* Основные понятия морфемки в терминах. Красноярск, 1985б.
- Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М.В.Панова. М., 1968.
- Панов М.В.* Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А.Реформатского. М., 1971.
- Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Резина О.Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969.
- Русский язык. Энциклопедия / Отв. ред. Ф.П.Филин. М., 1979.
- Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е / Гл. ред. Ю.Н.Караулов. М., 1997.
- Саянников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. Изд. 2-е. М., 2002.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема отдельности слова) // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.

Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953.

Шанский Н.М. Основы словообразовательного анализа. М., 1953.

Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.

СЛОВАРИ-ИСТОЧНИКИ

БАС: Словарь современного русского языка в 17 томах. М.- Л., 1950-1965.

БТС: Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.

ЛЭС 1990: Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.

МАС: Словарь русского языка в 4-х томах/Гл. ред. А.П.Евгеньева. Изд. 2-е. М., 1981-1984.

НС: Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х томах. М., 2000.

Ож.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 21-е. М., 1989.

ОПФ: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

СИС: Словарь иностранных слов. 7-е изд. / Под ред. А.Б.Спиркина и др. М., 1980.

СНС: Словарь новых слов русского языка (середина 50-х-середина 80-х годов) / Под ред. Н.З.Котеловой. СПб., 1995.

ССИС: Современный словарь иностранных слов. М., 1993.

Тихонов А.Н. 1985: Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. Т. 1-2.

ЯИ: Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под. ред. Г.Н.Скляревской. М., 2001.

Г. А. Битехтина

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОТЕНЦИЙ ГЛАГОЛА И ЕГО АДВЕРБИАЛЬНЫХ РАСПРОСТРАНТЕЛЕЙ В РЕЧЕВОМ АКТЕ

В современных описаниях русского языка в прагматических, прикладных целях все больше внимания уделяется проблемам коммуникативного (динамического) синтаксиса, включая актуальное членение, порядок слов, интонационное оформление высказывания. Изучение роли адвербиальных распространителей при глаголе в процессе развертывания высказывания также является объектом внимания исследователей.

Наречия – часть речи, роль которой в реализации коммуникативного намерения говорящего, в представлении картины мира средствами русского языка чрезвычайно велика. «Рассмотрение предложения в контексте речевого акта создаст увлекательное поприще для анализа разного рода частей и наречий»¹ (Падучева 1985: 33).

Наречия активно проявляются на всех уровнях организации предложения (см. Распопов И.П., Крылова О.А. и др.):

– на конструктивно-синтаксическом уровне, отражающем формально-синтаксическое устройство предложения, наречия могут функционировать как предикаты (*сегодня холодно*), как обязательные компоненты при информативно недостаточном глаголе при предикате (*Работать там оказалось нетрудно. В бюро новость встретили нормально*), как адвербиальные распространители всего предложения или его компонентов (*Завтра утром мы уезжаем. Сидеть взаперти ему не нравилось*);

– на коммуникативно-синтаксическом уровне, где выявляется темо-рематическая организация высказывания (актуальное членение);

– на семантико-синтаксическом уровне, где реализуются некоторые обобщенные смыслы, передаваемые конкретными лексическими единицами, словоформами, «занимающими определенные синтаксические позиции: субъект, объект, локализатор, признак (статический, динамический, состояние) и т.д.» (Крылова О. А., 1992: 7). Семантические элементы могут быть выражены эксплицитно или имплицитно, проявляясь в результате взаимодействия лексических, грамматических и семантических составляющих предложения в процессе его речевой реализации.

Знаменательные слова имеют две функции: номинативную и синтаксическую. В наречии эти функции очень жестко спаяны, и обычно значение наречного слова уже указывает на его функцию:

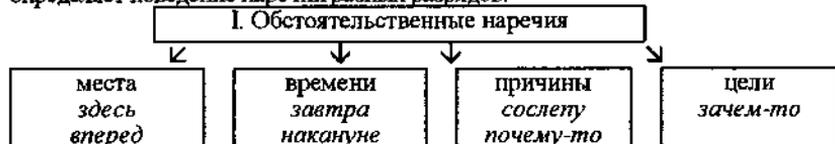
прекрасно – качественная характеристика;

очень – высокая степень признака;

вчера – время и т.д.

Содержанием синтаксической функции наречия является выражение определенных отношений адвербиального, качественно-адвербиального характера в строе предложения. Словоформы, выполняющие разные функции, занимают в предложении разные позиции (о позиционной структуре предложения писали Т. П. Ломтев, В. М. Панов, С. Д. Кацнельсон и др.).

1. Наречие как неизменяемый класс слов представляет нам наглядный пример расширения проявлений аналитизма в русском языке. Это связано с тем, что для наречия возможность замещения той или другой позиции при слове или в структуре предложения, сигнализируется не формальными показателями, присущими словоформе, а дистрибуцией наречия, т.е. связями и семантико-синтаксическими отношениями с другими элементами контекста. Каждая позиция при слове (глаголе или имени) предъявляет к замещающему позицию наречию определенные требования и накладывает ограничения на замещение позиции. Овладение этими закономерностями особенно важно в процессе овладения языком. Каждая открывающаяся при слове позиция характеризуется (содержательно и материально) набором форм, способных ее замещать. А поскольку для наречия наиболее частотным является употребление в качестве распространителя, то для него актуальной оказывается не столько активная сочетаемость (*долго – очень долго*), сколько пассивная, т.е. способность замещать открывающиеся при главном слове позиции, что во многом определяет поведение наречий разных разрядов.

При работе с наречиями первое, на что мы обращаем внимание? – это значение наречия, его принадлежность к определенному разряду, каковы его парадигматические связи (т.е. в какой ряд слов оно может быть поставлено), что позволяет понять функциональные возможности наречия. Второе – это особенности главного слова, его семантико-синтаксические потенции, которые существенно различаются у глаголов активного действия и неактивных глаголов (статальных, характеризующих, глаголах состояния и др.). Ср.: *Здесь комары очень кусаются*. **Ребенок стоит, а комары очень кусают его*.

Активный глагол обычно не допускает характеристики по степени проявления признака.

Помимо семантических характеристик глагола важны и его грамматические показатели (вид, способ глагольного действия, а также формы выражения актуального/неактуального времени). Определяющим нередко оказывается то, в каком контексте выступает глагол:

**Виктор сидит за столом и хорошо пишет.*

В предложении представлено актуальное действие: в этой контекстной реализации в глаголе нет ориентации на объект (*пишет что?*) и поэтому позиция качественной характеристики может быть замещена лишь наречиями, ориентированными на субъект (*пишет увлеченно, вдохновенно* и т.п.):

Виктор / хорошо пишет (неактуальное время: дается характеристика способности: умеет писать); *хорошо пишет* – единый качественно характеризующий комплекс, в основе которого лежит некое представление об эталоне хорошего письма.

Ср.: *Виктор пишет* (занимается писательством)

Виктор / хорошо пишет (характеристика способности)

Виктор / пишет хорошо (оценка деятельности)

Виктор пишет / хорошо (оценка деятельности. Наречие единолично выступает как рема).

В последних двух примерах наблюдается рематическое употребление наречия, где наречие является смысловым центром высказывания. Здесь наглядно представлена коммуникативно активная роль наречия на коммуникативно-синтаксическом уровне в темо-рематической организации высказывания.

Взаимодействие глаголов с качественными наречиями в определенных условиях может приводить как к изменению значения наречий (нейтрализации некоторых компонентов их значения, перегруппировке сем, актуализации потенциальных сем), так и к изменению значения глагола (к утрате информативной значимости, к сближению с информативно недостаточными глаголами).

2. Наречное слово очень гибко, оно способно приспосабливаться к тем условиям, которые предъявляет занимаемая им позиция. Так, открытую позицию при глаголе могут занять:

- наречия, предложно-падежные и другие конструкции, отвечающие условиям замещения данной позиции: *Он пришел рано, в 9 часов. Он работает хорошо, с огоньком (без отдыха, как кто)*;

- наречия, способные в определенных условиях (под влиянием окружения, контекста) выявлять, эксплицировать некие смыслы, потенциально в нем содержащиеся (потенциальные семы), усиливать, актуализировать их. Примером может служить мощный процесс перехода качественных наречий в разряд качественно-количественных наречий (интенсивов): *Я ужасно голоден. Она жутко боится мышей*.

Вследствие того, что при данных предикатах открыта только позиция для интенсива (наречия степени), в качественном наречии, оказавшемся в этой позиции происходит нейтрализация конкретной качественной семы и усиливается компонент, обозначающий высокую степень признака.

Аналогичные процессы происходят в речевых построениях, где есть запреты на употребление наречия качественно характеризующего, но открыта позиция модального наречия (она может быть при любом глаголе) или позиция наречия отношения (точки зрения):

Он серьезно работает над статьей (качественная характеристика)

Он серьезно увлекся цирком (степень признака)

Я серьезно не понимаю этого (модальные отношения)

Различия между этими высказываниями манифестируются не на конструктивном, а на семантико-синтаксическом уровне.

Он практически освоил новый метод (фразовое ударение на наречии, обозначается способ действия).

Он практически здоров (фразовое ударение на предикате. Наречие отношения уточняет подход, точку зрения).

Он практически завалил работу (можно воспринять как модально усилительное наречие: реально, на самом деле, в действительности).

Частотное употребление наречий одного разряда в позиции, имеющей иную направленность, ведет к формированию вторичного значения наречия.

Ср.: *Они живут далеко (близко).*

Гости разошлись далеко за полночь.

Ей уже далеко за тридцать.

Деньги эти у него далеко не последние.

Здесь наблюдается перенос пространственной характеристики в сферу временных или качественно-количественных представлений.

Нередко наречие обгоняет мотивирующее его прилагательное и по частотности употребления и по разнообразию даваемых характеристик:

На переезде поезд двигался медленно (характеристика движения по скорости: км/час).

Он шел медленно (медленным шагом, т.е. неспешно).

Работа продвигалась медленно (характеристика развертывания действия во времени. Соответствующие прилагательные менее частотны и обычно употребляются при отглагольных существительных. Ср.: *медленное развитие*).

3. Влияние наречий на семантическую структуру глагола, определяемого наречием, проиллюстрируем на примере такого речевого акта как утверждение, в основе которого лежит пропозиция-суждение.

Утверждение понимается как «речевой акт, назначение которого состоит в расширении информационного фонда (единого для говорящего и слушающего), общего фонда их знаний о мире» (Е.В.Падучева, 1985, с. 26). Средством «расширения информационного фонда» высказывания служат разные словоформы и словосочетания, и в том числе наречия, входящие в многочисленные функционально-семантические разряды наречий:

Все были в сапогах, все в поддевках, все шли тяжело (В.Распутин).

Глагол *идти* не имеет позиции обязательного адвербиального распространителя и появление наречия при глаголе отражает некую коммуникативную задачу. В данном случае актуализируется не та информация, которая содержится в глаголе (*все шли*, т.е. двигались). С помощью акцента на наречии круг передаваемой информации расширяется: мы узнаем не только о характере движения (*шли тяжелым шагом*), но и о состоянии субъекта (*все были усталыми*). При этом значимость самого глагола ослабляется (Ср. конструкции типа: *Она сидела усталая*).

В такой же роли могут выступать наречия других разрядов:

Дверь раскрыта настежь (Ср.: *Дверь настежь*).

Дом стоит здесь давно.

Праздники прошли быстро.

Нередко, чтобы подчеркнуть важность дополняющей информации и передающего ее компонента, эта информация выносится в отдельное сообщение.

Налоги увеличили. Увеличили вдвое.

Товар продали. Продали выгодно (с выгодой).

И вот он уехал. Уехал навсегда.

Здесь наречный распространитель-уточнитель становится основной целью высказывания.

В коммуникативном фокусе высказывания довольно часто бывают цели глагольно-наречные комплексы:

Выгодно продать товар – дело непростое.

В таких построениях наречия служат для уточнения иллокутивной функции высказывания, т.е. уточняется речевое намерение говорящего. При этом происходит, с одной стороны, **информативное обогащение**, т.е. расширение, конкретизация и детализация передаваемых смыслов, а, с другой стороны, мы наблюдаем **сужение круга (объема) понятий**, которые представлены в высказывании.

Рассмотрим фрагмент из фильма Л.Гайдая Кавказская пленница:

Жить, как говорится, / хорошо!

А хорошо жить еще / лучше.

Жить хорошо – наречие в позиции предиката, коммуникативная задача – утверждение, что сам процесс жизни прекрасен – оценочное суждение. Во втором случае – предикат *лучше* передает сравнительно-оценочное утверждение. А в качестве объектов сравнения выступают два понятия: *жить* и *хорошо жить*. Последнее сочетание не является равнозначным, равноуровневым понятию *жить*, поскольку словосочетание не равно сумме составляющих. Оно рассматривается как единое, в данном случае социально осмысленное понятие, более сложное семантически и в то же время более узкое по объему.

В глагольно-наречных сочетаниях могут происходить и другие изменения.

Сопоставим ряд предложений:

В Мурманске нас встретили. *В Мурманске нас встретили хорошо.* – т.е. отнесли к нам хорошо. При реализации более общего смысла 'отнесли' конкретный компонент, связанный со встречей, снимается.

Нашу программу приняли. *Нашу программу приняли хорошо.* – т.е. отнесли к программе позитивно, с одобрением.

В данных примерах глаголы *встретить*, *принять* в сочетании с качественным наречием не только семантически сближаются с глаголом *отнестись*, но приобретают и некоторые структурные особенности лексико-семантической группы слов, выражающих смысл 'относиться' и характеризующихся наличием позиции обязательного качественного распространителя.

На коммуникативном уровне при совместном употреблении глаголов с наречиями идет активный процесс взаимодействия и взаимовлияния, что ведет к развитию, совершенствованию и обогащению системы выражения коммуникативных целей, намерений, а также к расширению функциональных возможностей наречий, к обогащению семантических потенций как наречий, так и глаголов.

Литература

Е.В.Падучева «Высказывание и его соотносительность с действительностью». М., 1985

КАК ОБРАЗУЮТСЯ НОВЫЕ РУССКИЕ НАРЕЧИЯ?

(О системе продуктивных словообразовательных типов наречий-неологизмов)

Изменения, происходящие в системе русского языка во второй половине XX века, давно обращают на себя пристальное внимание лингвистов. Активно обсуждаются черты аналитизма в современном русском языке (см.: [Русский язык 1968; Русский язык 1996; Земская 1979; Панов 1999 и др.]). В грамматике тенденции к аналитизму проявляются в ослаблении склонения (в особенности – склонения числительных), в экспансии именительного падежа в склонении существительных, активизации конструкций с предлогами. Аналитические тенденции в грамматике сопровождаются заметными изменениями в лексике: наблюдается активный рост двух классов несклоняемых имен: аналитических прилагательных (в частности таких, что обычно рассматриваются как составная часть сложных слов: *шоу-бизнес, топ-модель, веб-дизайнер*) и аббревиатур (*СМИ, НТВ, ОПТ* и пр.).

С учетом того, что аналитизм связан с морфологической неизменяемостью слова, обращает на себя внимание основной (самый большой) класс неизменяемых слов в русском языке, а именно класс наречий. Наречия – это очень продуктивная часть речи в современном русском языке. В частности, переход предложно-падежных конструкций существительных в грамматический класс наречий – это «проявление общей тенденции к аналитизму в морфологической системе языка» [Панов 1999: 152].

Появление в русском языке новых наречных лексем вносит существенные коррективы в представления о качественном и количественном соотношении словообразовательных типов, характеризующих деривационную систему современного русского языка, как она представлена, например, в академической «Русской грамматике» [Грамматика 1980]. Появляются новые словообразовательные типы наречий. Некоторые типы, охарактеризованные в Грамматике 1980 как непродуктивные, фактически становятся продуктивными. Другие типы, согласно Грамматике 1980 продуктивные, реально утрачивают свою продуктивность. Все эти факты требуют своего научного осмысления. Между тем словообразование наречий-неологизмов (в отличие, например, от существительных или глаголов) не стало до сих пор объектом специального внимания дериватологов, что не соответствует роли наречий в нашей речи, их системной функции «флагмана» аналитических тенденций в русской морфологии и, что самое главное, их деривационной активности в сфере новой лексики русского языка.

В данной статье представлены результаты изучения наречий-неологизмов, охарактеризованы продуктивные словообразовательные типы современных русских наречий. Нами описаны также новые способы образования наречий, ранее не отмеченные в работах по русскому словообразованию. Изучение наречий-неологизмов проводилось нами прежде всего на материале сплошной выборки наречий из «Словаря новых слов

русского языка 1950 – 1980 гг.» под ред. Н.З.Котеловой (в дальнейшем сокращенно: СНС). Помимо этого источника использовались также: 1) опубликованный в 1998 г. «Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения» под ред. Г.Н.Скляревской (в дальнейшем сокращенно: ЯИ-XX); это издание дополняет корпус узусальных неологизмов, представленный в СНС, лексемами, появившимися в языке с началом перестройки; 2) отдельные выпуски лексикографических материалов «Новое в русской лексике» (за 1985, 1986, 1987, 1988 гг. – сокращенно НРЛ), содержащие интересный пласт «потенциальной» лексики, которая, вероятно, в основной своей массе не войдет в словари узусальных слов, но она тем не менее отчетливо демонстрирует тенденции развития словообразовательной системы русского языка.

Словари неологизмов как источник анализируемого материала выбраны нами не случайно. То, что отражено в словаре, как правило, является уже не только элементом речи, но и элементом системы языка. Помимо работы со словарями неологизмов мы наблюдали и за теми языковыми явлениями, которые отражаются в современной периодике и в разговорной речи. Эти наблюдения подтверждают наши общие выводы о развитии словообразовательной системы русских наречий во второй половине XX века. Данные словарей неологизмов сопоставляются нами с данными наиболее полных толковых словарей русского языка, в частности Большого академического словаря (БАС) и «Большого толкового словаря русского языка» (БТС), а также со словником двухтомного «Сводного словаря современной русской лексики» (СССРЛ).

При классификации словообразовательных типов наречий нами учитывается, прежде всего, часть речи, от которой образовано новое наречие (именно так представлена словообразовательная система русского языка в Грамматике 1980). На следующем этапе рассмотрения материала важен способ словообразования. При этом мы будем вслед за Е.В.Клобуковым различать аффиксальные, операционные и смешанные способы словообразования (с последующей дифференциацией: суффиксация, префиксация и т.д.), см.: [Касаткин, Клобуков, Лекант 1995; Современный русский язык 2002]. Конечной единицей классификации материала является словообразовательный тип, установленный с учетом конкретного словообразовательного форманта – дериватора, используемого при образовании наречий-неологизмов.

Опираясь на результаты проведенного нами исследования, мы считаем возможным выделить следующие продуктивные словообразовательные типы современных русских наречий.

Отадъективные наречия

В этой группе дериватов продуктивны лишь два аффиксальных способа образования: суффиксация и префиксально-суффиксальный способ (операционное словообразование и комбинация аффиксальных и операционных средств при образовании отадъективных наречий-неологизмов не используются).

Суффиксация представлена наречными дериватами с суффиксом -*о(-е)* типа *прицеленно, структурно, обескураживающе*. В СНС зафиксировано 151 наречие на -*о* и 5 наречий на -*е*. В ЯИ-XX содержится еще 26 подобных дериватов (заметим, что всего в данном лексикографическом источнике представлено 43 наречия): *антирыночно, децентрализованно,*

недемократично, самопально, эксклюзивно и т.п. Наконец, в сборниках НРЛ находим 77 потенциальных наречий такого образования: *скорогово-рочно, всепогодно, натюрмортно, погребально* и др.

Дериваты с суффиксом *-и* (от прилагательных на *-ск-*) также достаточно частотны: *волюнтаристски, деревенски, сейсмически, энергетически*. В СНС нами обнаружено 15 наречий этого типа. Подобные лексемы зафиксированы и в ЯИ-XX (9 наречий: *биоритмически, пропутчистски, экологически, юридически* и т.п.), и в НРЛ (21 наречие такого строения: *технократически, генотипически, культурологически, представительски* и др.).

Иные виды суффиксального образования отадективных наречий (ср. отмечаемые в специальной литературе типы: *живой* → *живьем, нагой* → *нагишом, полный* → *полностью, белый* → *белым-бело* [Грамматика 1980: 399-400]) в корпусе современных наречий-неологизмов не реализуются.

Префиксально-суффиксальный способ представлен дериватами с префиксом *по-* и суффиксом *-ому (-ему)* типа: *по-перестроечному, по-рыночному, по-совковому, по-черному, по-садовому, по-смешному, по-строительному* и т.п. (всего более 20 лексем).

Достаточно частотны и дериваты с префиксом *по-* и суффиксом *-и* (от прилагательных на *-ск-*) типа: *по-житейски, по-социалистически*. В СНС обнаружено 5 таких наречий. В сборниках НРЛ находим 23 образования такого типа: *по-алкашески, по-полицейски, по-мильковски, по-парламентски*, чем подтверждается вывод Грамматики 1980 о высокой продуктивности данного типа.

Отмечаются также интересные в лингвистическом отношении дериваты с префиксом *по-* и суффиксом *-о* типа *позскадрильно*. В СНС содержится одно наречие данного словообразовательного типа, который, кстати, вообще не фиксируется в Грамматике 1980, хотя в специальном языке (в частности, в речи военных) давно уже используются наречия типа *побатальонно, побатарейно, повзводно* и т.п., многие из них фиксируются толковыми словарями, например БТС; см. также СССРЛ. В выпусках НРЛ нами выявлено 4 таких образования: *погрядочно, покомнатно, порегионно, почастёво*. Заметим, что все подобные дериваты могут быть рассмотрены и как отсубстантивные образования (*грядка* → *по грядочно*). Однако в Грамматике 1980 данный тип наречного образования не значится и среди отсубстантивных наречий.

Нами отмечены также отадективные образования с префиксом *в-* и суффиксом *-ую* типа: *вкруговую, впрямую*. В СНС находим 2 таких наречия, а в сборниках НРЛ и в ЯИ-XX подобный словообразовательный тип не представлен (ср. справедливый вывод лишь о «некоторой продуктивности» данного типа. Грамматика 1980: 404).

Удалось обнаружить в одном из сборников НРЛ также одно наречие с префиксом *на-* и суффиксом *-е*: *насвеже*. Подчеркнем, что в Грамматике 1980 такой тип охарактеризован как непродуктивный (с. 405). Наш материал опровергает это суждение: тип не является высокопродуктивным, однако отмечен среди неологизмов. То же можно сказать и о якобы непродуктивном, согласно Грамматике 1980, типе отадективных наречий с префиксально-суффиксальным формантом *за...-о*: в НРЛ отмечается наречие *засухо*.

Итак, отадъективные наречия – достаточно продуктивный класс новой адвербиальной лексики, при этом используются лишь два аффиксальных способа словообразования: суффиксация (с двумя типами) и префиксально-суффиксальный способ (с семью словообразовательными типами, из которых один вообще не отмечен Грамматикой 1980, а еще два характеризуются в ней как непродуктивные, что опровергается данными нашей картотеки).

Отглагольные наречия

Отглагольные наречия в целом образуются реже, нежели отадъективные (или рассмотренные ниже отсубстантивные и отадвербиальные). Как и при образовании отадъективных наречий, в сфере отглагольной деривации наречий продуктивна лишь аффиксация, причем в тех же двух разновидностях – суффиксация и префиксально-суффиксальный способ словообразования.

Суффиксация представлена, в частности, наречиями с суффиксом -ом: *бросом* (*бросать бросом*), *ором* (*орать ором*) – примеры из СНС; кстати, последний пример может быть отнесен и к сфере отсубстантивного словообразования, ср. разг. существительное *ор* 'крик' (ОШ; СССРЛ).

Довольно продуктивны образования с суффиксом -е от действительных причастий настоящего времени: *изучающе*, *поощряюще*, *обвиняюще*, *щадяще*. Отмечаются также образования от страдательных причастий прошедшего времени с суффиксом -о типа *распахнуто*, *пренебрежимо*. Особенно много таких наречий обнаруживается в сборниках НРЛ: *скоординированно*, *скукоженно*, *опьяненно* и т.п.

Префиксально-суффиксальный способ характеризует прежде всего образования с префиксом *в-* и суффиксом *ку-* или же нулевым словообразовательным суффиксом (*вприглядку*, *впривязку*, *впристыжку*; *вприсест*, *вприскок*).

Интересно отметить наречие *по-натасканному* (НРЛ), образованное от страдательного причастия прошедшего времени с префиксом *по-* и суффиксом -ому. Грамматика 1980, между прочим, такой словообразовательный тип не выделяет.

Отсубстантивные наречия

В отличие от отадвербиального и отглагольного словообразования наречий, при деривации отсубстантивных наречий используются не только аффиксальные (суффиксальный и префиксально-суффиксальный), но также операционные и смешанные способы образования.

Аффиксальные способы образования представлены прежде всего **суффиксацией**.

Начнем с рассмотрения двух типов отсубстантивных дериватов с суффиксальными формантами -ом (-ем), -ами (-ями), омонимичными флексиям творительного падежа склонения мотивирующего слова: *днём*, *вечерами* [Грамматика 1980: 400]. В ЯИ-XX представлено лишь одно такое наречие: *оттом*, зато в СНС и в сборниках НРЛ мы находим 9 подобных образований, относящихся к разговорной или даже просторечной сфере общения (преимущественно с суффиксом -ом): *наличманом*, *силодёром*, *дуриком*, *пролетом*; *местами*, *днями*. Заметим сразу же, что словообразовательные типы деинструментальных наречий с другими суффиксами, отмечаемыми в Грамматике 1980 (например, -ой, -ю: *весной*,

ночью), в наших словарях-источниках не фиксируются, что может свидетельствовать об их непродуктивности.

Представляют интерес также наречия с суффиксом *-но* (иногда представленным в виде алломорфа *-арно*) типа *акульно* (←*акула*), *галочно* (←*галочка*), *пушкарно* (←*пушка*). В Грамматике 1980 такой словообразовательный тип не выделен. Мы полагаем, что подобные наречия следует рассматривать как образованные от существительных, поскольку прилагательные типа **акульный*, **галочный*, **пушкарный* словарями (включая словари неологизмов) не фиксируются. Контексты, в которых употреблены эти наречия, отражают тесную связь подобных дериватов со значением тех существительных, от которых они образованы: *акульно заглатывать скромную зарплату* (=заглатывать, как акула); *делать что-либо формально, галочно* (=делать что-либо "для галочки"); *отбиваться пушкарно* (=как из пушки – в речи футбольных комментаторов).

Отметим также представленные единичными примерами два типа суффиксальных отсубстантивных наречий, в Грамматике 1980 не фиксируемые: *запичиво* (*запик(а) + -иво*), *томливо* (*томлений(е) + -иво*, с усечением производящей основы); *техницистски* (*технизм + истски*, также с морфологическим усечением производящего).

Среди отсубстантивных наречий, образованных **префиксально-суффиксальным** способом, наиболее продуктивен тип дериватов с префиксом *в-* и нулевым словообразовательным суффиксом, омонимичным флексии винительного падежа типа: *встык, впрыск, вприсест*. Нами обнаружено 12 таких наречий (ср. близкий по происхождению тип с комплексным дериватором *в-...-у*, представленный лишь одним неологизмом *внатяжку*).

Отмечаются также немногочисленные дериваты с префиксом *на-* и с нулевым словообразовательным суффиксом (типа разг. *напроход, наперелет*), а также с префиксом *на-* и с суффиксом *-у* (*напеременку*) или же *-и* (*наперемени*). Малопродуктивен и тип наречий с префиксом *по-* и с суффиксом *-е* (*попеременке*).

Особо отметим дериваты с префиксом *без-(бес-)* и суффиксом *-но*. В Грамматике 1980 такой тип образования отсубстантивных наречий не выделен, однако СНС фиксирует 3 подобных образования, а в сборниках НРЛ содержится 6 таких наречий; ср.: *безблатно, безнажмико, бессловно, беситрафно*. Следовательно, данные словарей неологизмов подтверждают довольно высокую продуктивность этого типа.

Перечислим также эмпирически продуктивные типы префиксально-суффиксальных отадективных наречий, единичные по составу образуемых дериватов (нужно заметить, что в Грамматике 1980 дериваты подобного строения не фиксируются): *допредельно* (*до-...-но*), арг. *западло* (*за-...-о*), *прилюдно*: (*при-...-но*), *предвзяточно* (*пред-...-но*), а также по традиции пишущийся «в два слова» целостные адвербиальные лексемы с *ветерком* (*с-...-ом*) и, особенно интересный случай, с *двойны* (от сочетания *до войны*, с «тройным» аффиксальным дериватором *с-до-...-ы*).

Операционные (неаффиксальные) способы образования отсубстантивных наречий представлены лишь одним, но весьма интересным, дериватом: *авиа* в значении «авиационной почтой»: *Она вкладывала письмо в конверт и первым делом писала в левом верхнем углу "авиа"* (В.Шефнер.

Холодная ковка); *Почальонца оглянулась, крикнула: "Мода, все авиа от-правляют"* (В.Кукушкин. Хозяин).

В СНС образование этого наречия объясняется следующим образом: "от *авиачота* усечение и адвербиализация формы Т.п. существительного". Здесь необходимо отметить, что усечение, или сокращение производящей основы, – это неаффиксальный способ словообразования. Но усечение обычно не приводит к изменению частеречной характеристики деривата по сравнению с производящим. Следовательно, наречие *авиа* демонстрирует совершенно новый операционный способ адвербиального словообразования – одновременно а) сокращение производящей основы и б) конверсия. Попутно заметим, что возможна и иная трактовка образования наречия *авиа* – от омонимичного аналитического прилагательного *авиа* (*конверт авиа*). В таком случае перед нами чистая конверсия.

Смешанные способы образования отсубстантивных наречий характерны для нескольких словообразовательных типов, прежде всего для продуктивного типа префиксально-суффиксально-сложных наречий, образованных по следующей модели: *в-пол...-а* (*вплонакала, вполнеба, вполуха, вполсердца, вполиага*; в сборниках НРЛ также находим подобные дериваты, правда, они характеризуются ограниченной сферой употребления: *вполстекла, вполума*). Ср. также близкий по словообразовательной структуре дериват *вполдуши*, при образовании которого использован суффикс *-и*.

Особого внимания требует разговорное наречие *вась-вась* 'запанибрата, по-свойски': *Последнюю газету Сурен Вартамыч унес. Он с газетчиком дружит прямо вась-вась* (И.Зверев. Романтика для взрослых). Образование данного наречия составители СНС трактуют следующим образом: "От разговорной звательной формы личного имени *Василий (Вась)* – повтор". Но нужно заметить, что сложение имен (сложносоставной способ образования) сопровождается здесь и одновременной конверсией – от существительного образуется благодаря повтору основы не новое существительное, а слово другой части речи, а именно наречие. Этот смешанный способ словообразования также не был до сих пор объектом внимания дериватологов.

Итак, при образовании отсубстантивных наречий существенно расширяется круг используемых способов словообразования. Тем не менее основная масса отсубстантивных дериватов образована, как было показано выше, аффиксальными средствами. Но и в этой сфере, как показывают результаты проведенного нами исследования, неологизмы нередко образуются формантами, которые не учитываются стандартной словообразовательной теорией.

Отадвербиальные наречия

Для этого класса наречий характерен самый широкий спектр способов образования: используются разные аффиксальные способы словообразования, включая префиксацию, а также операционные и смешанные способы. Кроме того, представляет интерес и группа наречий, относящихся к так называемому «семантическому словообразованию» в понимании В.В.Виноградова и Д.Н.Шмелева, т.е. к образованию новых лексем благодаря радикальному изменению лексической семантики у уже существующих наречий.

Аффиксальные способы образования отадвербиальных наречий представлены префиксацией и префиксально-суффиксальным способом.

Префиксация реализуется прежде всего в многочисленных узуальных и потенциальных дериватах с префиксом *не-* типа *незастраду, некорректно, неумутчно, неэффективно, невыговоренно, неприлюдно, незаиоренно*. Очевидно, что для многих наречий с суффиксом *-о* можно предположить двойственную мотивацию: *некорректно* может соотноситься не только с наречием *корректно*, но и с прилагательным *некорректный*.

Довольно активно образуются дериваты с префиксом *на-*: *напрочно, наперек, накоротко, насвежо*. В СНС находим целых 4 таких наречия. Это очень любопытно, так как в Грамматике 1980 тип охарактеризован как непродуктивный. Словари неологизмов фиксируют также образования с префиксом *по-* типа *повдоль*. В СНС находим одно наречие такого строения. В НРЛ также содержится одно такое наречие: *пововсе* (с пометой: «из обл.»). В Грамматике 1980 этот тип также охарактеризован как непродуктивный, что вызывает, с учетом приведенных данных, сомнения. Ясно, что словообразовательный тип проявляет некоторую продуктивность.

Префиксально-суффиксальный способ образования отадвербиальных наречий-неологизмов представлен лишь одним типом, для которого словари-источники фиксируют буквально единственный пример: *понарошке* (← *нарочно*, с морфонологическим варьированием в конце производящей основы). Данный тип Грамматикой 1980 не отмечен; в качестве альтернативы неологизму *понарошке* Грамматика 1980 фиксирует наречие *понарошку*, трактуемое как «стилистически сниженный синоним мотивирующего наречия *нарочно*» [Грамматика 1980: 407].

Суффиксация в сфере отадвербиального образования новых русских наречий также почти непродуктивна, представлена одним арготическим неологизмом *всухаря* (в речи спортивных комментаторов – о счете «всухую»). При этом небезынтересно заметить, что в целом в системе русского отадвербиального наречного словообразования суффиксация считается продуктивной, Грамматика 1980 отмечает целый ряд продуктивных типов (*рано* → *рановато*; *часто* → *частенько*; *ровно* → *ровненько* и *ровнешенько*; *вприкуску* → *вприкусочку*). Однако ни один из этих типов не представлен в наших словарях-источниках, т. е. продуктивность этих типов достаточно проблематична.

Операционные способы образования отадвербиальных наречий представлены разновидностями сложения – чистым сложением (сложением основ) и сложносоставным способом (сложением слов).

Чистое сложение характеризует наречия с инициальными компонентами *полу-* и *квази-*: *полувопголоса, полупародийно, полуподпольно, квазиофициально*. Все подобные наречия на *-о* одновременно могут рассматриваться и как мотивированные соответствующими прилагательными: *квазиофициально* ← *официально* и *квазиофициальный*.

Сложносоставной способ словообразования, в целом более характерный для имен существительных (*музей-квартира*) или числительных (*сто двадцать пять*), реализуется и в сфере адвербиального словообразования. Ср.: *абстрактно-теоретически, смиренно-сдержанно, издавательно-нахально, придирчиво-строго, сердечно-больно, роскошно-*

рассточительно и т.п. В сборниках НРЛ отмечено более 30 таких наречий. Но всё это (в отличие от сложносоставных существительных и числительных), очевидно, потенциальные, а не узуальные слова. Не случайно ни в СНС, ни в ЯИ-XX как словарях нормативного типа такие наречия не фиксируются.

В связи с проблемами операционного словообразования заслуживает внимания разговорный дериват *нараспах*, где, по всей видимости, наблюдается усечение наречия *нараспашку* (с морфонологическим чередованием *ш/х*). Это усечение, между прочим, может трактоваться двояко:

1) как сокращение – особый способ образования стилистических дериватов; однако такой способ словообразования, как отмечается в специальных исследованиях [Грамматика 1980: 256; Улуханов 1996: 33-35], характерен лишь для образования существительных (ср.: *университет* → *универ*), но не наречий;

2) как десуффиксация – симметричный суффиксации особый способ «обратного» окказионального словообразования [Улуханов 1996: 39-44]; при такой трактовке место рассматриваемому примеру – среди случаев аффиксального, а не операционного словообразования.

Справедливости ради нужно заметить, что ни десуффиксация, ни сокращение основы по аббревиатурному типу не отмечаются И.С.Улухановым среди способов адвербиального словообразования. Поэтому обе возможности трактовки имеют одинаковое право на существование. В любом случае перед нами интересное явление, до сих пор не привлекавшее внимания специалистов в области образования русских наречий.

Смешанные способы образования отадвербиальных наречий представлены лишь суффиксацией с одновременным сложением основ, что наблюдается в словообразовательной структуре следующих «потенциальных» наречий: *всезаборно, плотинообразно, психодокументально, стогоподобно*. Все примеры подобной неузуальной производной лексики – из сборников НРЛ (нами зафиксировано 12 таких дериватов). Отметим попутно, что вновь перед нами явление множественной мотивации, так как многие из таких дериватов одновременно могут быть трактованы как суффиксальные образования от потенциально возможных (но не фиксируемых словарями) прилагательных типа *плотинообразный*.

Особняком стоит наречие *собственноножно*, которое воспроизводит словообразовательную структуру узуального наречия *собственноручно* (здесь имеет место явная языковая игра, а не образование узуального или потенциального деривата).

Семантическое образование наречий.

Это очень интересный вид словообразования, внимание к которому было привлечено исследованиями В.В.Виноградова. Особенность восприятия результатов подобного словообразования – в неразработанности критериев отграничения дериватов от ЛСВ одного и того же многозначного слова. Рассмотрим, например, ситуацию с наречием *железно*. Словарь фиксирует три новых значения этого наречия; приводим их вместе с контекстами:

1. 'сильно, крепко, плотно': *Косов вплотную подошел к нему... железно стиснул локоть* (Ю.Бондарев. Тишина);

2. 'отлично, отменно, образцово': *Служил железно. К концу срока стал командиром танка* (Советская Россия, 1966);

3. 'твердо, непоколебимо': *Четыреста тысяч!* – *Только миллион!* – *железно стоит на своем Виктор*" (Г.Холопов. Гренада).

Только второе из указанных значений, на наш взгляд, не связано метафорическими отношениями с исходным значением наречия *железно* 'как железо, подобно железу' (БАС) и может рассматриваться в качестве деривата, тогда как первое и третье значения лишь расширяют внутренний семантический потенциал исходного наречия, т.е. не связаны со словообразованием.

Нет отношений словообразовательной производности и в следующих случаях: *наверх* 'в руководящую инстанцию': *Звони Пикину, пусть дальше, наверх докладывает* (К.Симонов. Солдатами не рождаются); *налево* 'на сторону, на стороне, используя служебные возможности с корыстной целью': *У нас в Москве за работу налево милиция права отбирает* (К.Федин. Костер); *потом* 'более позднее время': *откладывает на потом; так (так на так)* – 'в целом, одинаково' (при сравнении): *Здоровьем они не уступали друг другу, Кунгурцев чуть помоложе, Путя чуть полоче, и, в общем, у них все получалось так на так* (Ю.Нагибин. Чужая).

Но в СНС отмечается и целый ряд семантических неологизмов, которые уже оторвались по своему значению от производящего. Таковы, например, наречия:

где-то в значении 'приблизительно, тогда, столько в пределах, указанных далее'. По классификации В.В.Виноградова, это «наречие-частица» [Виноградов 1986: 548];

туго (в выражении *знать что-либо туго*) 'очень хорошо': *Участковый пошел по деревенному тротуару свечечкой, с такой презрительной стипной, которая говорила: «Плевали мы на вас! Мы свое дело знаем туго!»* (В.Липатов. И это все о нем).

Выводы

Итак, в результате изучения русских наречий-неологизмов на основе сплошной выборки из словарей-источников система продуктивных типов образования новых наречий русского языка предстает в следующем виде.

1. Начиная с середины XX столетия наречия в русском языке образуются только от четырех частей речи – от прилагательных, существительных, глаголов и наречий. При этом наиболее активно идет образование адвербиальной лексики от прилагательных и наименее активно – от глаголов.

2. Наибольшее разнообразие способов образования новой наречной лексики характеризует отсубстантивные и отадвербиальные наречия, которые могут образовываться аффиксальными, операционными и смешанными способами. Для отглагольных и отадъективных наречий характерны лишь аффиксальные способы словообразования: суффиксация и суффиксально-префиксальный способ.

3. Некоторые типы образования наречий, охарактеризованные в Грамматике 1980 как продуктивные, в нашем материале не представлены, что оставляет вопрос об их актуальной продуктивности открытым. Так, например, непродуктивными являются образования от глагола с суффиксом *-мя* (*ливня*); от наречий с суффиксами *-овато* (*рановато, грязновато*), с суффиксами *-енько/ -онько* (*давненько, аккуратненько, ранёхонько*); от наречий с суффиксами *-ком, -кой, -ку, -ко*, выражающие экспрессивное ласкательное значение (*рядком, сторонкой, вразвалочку, легонеч-*

ко); от прилагательных с префиксом *из-* и суффиксом *-а/-я* со значением цвета (*иссиня, изжелта*) и целый ряд других словообразовательных типов.

4. Опираясь на изученный нами материал, можно считать реализацией продуктивных словообразовательных типов (которые вообще не отмечались Грамматикой 1980) образование следующих дериватов: от прилагательных с использованием префикса *по-* и суффиксом *-о* (типа *повзводно, подетально, пофамильно*); от существительных с суффиксом *-но* (*акульно, галочно; тушкарно*); от существительных с префиксом *без/бес* и с суффиксом *-на* (*безблатно, беситрафно*); от страдательных причастий прошедшего времени с префиксом *по-* и суффиксом *-ому* (*попатаस्कанию*) и ряд других типов, которые по традиции не учитываются при описании адвербиальной лексики, что, на наш взгляд, неправомерно.

5. Наконец, некоторые из словообразовательных типов наречий, характеризующиеся Грамматикой 1980 как непродуктивные, в последние десятилетия проявляют свою продуктивность: ср. тип отадективных наречий с префиксом *на-* и суффиксом *-е*: *насвеже*, с префиксом *за-* и суффиксом *-о*: *засухо* и др. (см. подробнее выше).

Все эти факты явственно отражают динамику развития словообразовательной системы русских наречий в конце XX столетия по сравнению с предшествующим периодом.

Литература

- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 3-е. М., 1986.
- Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
- Касаткин Л.Л., Клубуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. Изд. 2-е. М., 1995.
- Современный русский язык / Под ред. П.А.Леканта. Изд. 3-е. М., 2002.
- Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М.В.Панова. М., 1968.
- Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М. 1999.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. Т.1. М., 1980.
- Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Под ред. Е.А.Земской. М. 1996.
- Удханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Словари-источники

- БАС: Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М., 1950-1965.
- БТС: Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб., 1998.
- НРЛ 85: Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1985. СПб., 1996.
- НРЛ 86: Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1986. СПб., 1996.
- НРЛ 87: Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1987. СПб., 1996.
- НРЛ 88: Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1988. СПб., 1996.
- ОШ: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

СНС: Словарь новых слов русского языка (1950-1980 гг.) /Под ред. Н.З.Котеловой. СПб., 1995.

ССРЯ: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах. М., 1995.

СССРЛ: Сводный словарь современной русской лексики /Под ред. Р.П.Рогожниковой. М., 1991.

ЯИ-XX: Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения /Под ред. Г.Н.Скляревой. СПб. 1998.

М. В. Михенькова

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ

Языковая игра (далее ЯИ) – это «форма жизни языка» [Красильникова 1975: 227]. Сам факт появления в последние годы большого числа работ, посвящённых ЯИ, свидетельствует о повороте лингвистики от изучения «языка вообще» к исследованию живого творчества языковой личности, со всеми его индивидуальными особенностями и кажущимися неправильностями. Именно те речевые произведения, где язык автора не вполне соответствует рафинированной схеме идеального языка, позволяют постичь законы функционирования языка, «...чётче определить норму и отметить многие особенности русского языка» [Санников 1999: 13], которые иначе могли бы остаться незамеченными.

Данная статья посвящена исследованию механизмов ЯИ на словообразовательном уровне.

Различные учёные подходят к изучению игры со словообразовательным механизмом языка с разных сторон. Так, например, Е.В.Красильникова в статье «Почему не говорят?» анализирует всего один вид ЯИ, а именно, игру, распространённую «... в кругу друзей и учеников Г.О.Винокура и С.М.Бонди» [Красильникова 1975: 221], которая состоит в разложении слов на части, каждая из которых равняется слову. Вот лишь один из примеров такого разложения: «Почему не говорят: Фрегат рая? – Потому что говорят: Бриг ада (бригада)» [там же]. Таким образом, в этой работе Е.В.Красильниковой рассматриваются примеры игрового псевдочленения слов. В другой публикации того же автора обсуждаются некоторые приёмы индивидуального словообразования А.А.Реформатского [см. Красильникова 1989: 169], практически без исключения все эти приёмы – игровые (повторение аффикса, каламбурное членение слов, присоединение стилистически возвышенного аффикса к сниженному корню и наоборот).

В.В.Лопатин анализирует различные способы окказионального словообразования таких частей речи, как глагол, прилагательное, но больше всего автором проанализировано окказиональных существительных. Рассматривая окказионализмы и потенциальные слова, автор вскользь отмечает, что иногда «...окказиональные слова претендуют только на то, чтобы создать комический эффект... На этой почве нередко создаются каламбуры, неожиданные сцепления и скрещения слов, различного рода игра словами» [Лопатин 1973: 127]. Задача проанализировать особенности игрового словообразования автором не ставилась.

В коллективной монографии «Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис» отмечается, что «...окказиональные слова служат типичным средством языковой игры, ...

они производятся с нарушением законов словообразования, как правило, намеренно и с установкой на творчество, на форму речи» [Земская и др. 1981: 184]. Авторы рассматривают способы образования окказиональных существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Следует признать, что представленные в монографии примеры иллюстрируют, скорее всего, не действие механизмов ЯИ, а проявление деятельностного характера словообразования на уровне текста.

Этой проблематике целиком посвящена монография Е.А.Земской «Словообразование как деятельность» [Земская 1992]. Здесь помимо анализа словообразования узуальных, потенциальных и окказиональных слов, а также демонстрации способов выявления деятельностного характера словообразования в различных видах текстов, рассматриваются несколько случаев каламбурного столкновения слов «...при разного рода „играх“ с языком» [Земская 1992: 198], а также случаи возникновения псевдочленения узуальных слов, попадающих в специально сконструированный контекст. Явлению ЯИ в работе отведено совсем немного места (около двух страниц).

При следующем обращении к этой теме (в коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия») Е.А.Земская уже не берёт слово *игра* в кавычки, раздел «Окказионализмы. Игры со словом» занимает значительное место в книге; там рассмотрены виды и способы окказионального словообразования, но основное внимание автор уделяет всё же не самому процессу обыгрывания слова, а способам, с помощью которых окказионализм образуется [Земская 1996: 128 – 138].

Т. А. Гридиной и В. З. Санниковым осуществляется иной подход к описанию ЯИ: предпринимаются попытки посмотреть на проблему ЯИ в целом, систематизировать и классифицировать языковой «игровой» материал.

Т.А.Гридина предлагает оригинальную классификацию текстов, содержащих установку на игру. Классификация базируется на установленных автором принципах ЯИ. Таких принципов в монографии выделено шесть: 1) ассоциативная интеграция, 2) ассоциативное наложение, 3) ассоциативное отождествление, 4) имитация, 5) ассоциативная выводимость и 6) ассоциативная провокация (см. [Гридина 1996: 16 – 17]).

Остановимся на анализе того, как рассмотрены в данной монографии случаи ЯИ, опирающейся на механизмы словообразования.

В книге Т.А.Гридиной нами обнаружено приблизительно сто примеров обыгрывания словообразовательной структуры слова, однако ЯИ со словообразовательным механизмом не представлена в данной работе как целостное явление, все обнаруженные примеры отнесены автором к разным рубрикам предлагаемой в книге классификации. При этом нередко сходные, на наш взгляд, случаи рассматриваются как неоднородные, и наоборот.

Рассмотрим несколько примеров из монографии:

«Кто такой мультимиллионер? – Уолт Дисней, так как созданные им мультфильмы сделали его миллионером» [Гридина 1996: 28];

«Ваша киска кутила бы «Viscas», а наша киска кутила бы сосискас» [там же: 29].

Очевидно, что в первом случае происходит псевдочленение узуального слова *мультимиллионер*: попав в один контекст со словом

мультифильм, оно приобрело новое значение 'мультипликатор, ставший миллионером'. Во втором же случае образуется окказионализм *сосискас* по аналогии с «*Viscas*», причём релевантно с точки зрения ЯИ не значение слова (оно очевидно: корень *сосиск-* бросается в глаза), а его формальные показатели. Между тем оба эти примера связываются Т.А.Гридиной с принципом «ассоциативной выводимости», который определяется как "... частный конструктивный принцип ЯИ, моделирующий контекст восприятия слова, ... в результате чего слово получает различную интерпретацию" [там же: 27].

Рассмотрим ещё два примера.

«—*Это-то мне не работается, голова болит...*

- *Ты, наверное, есть хочешь?*

- *Точно, а как ты догадалась о моей интенции?*

- *А ты мне хорошо проинтенировала»* [там же: 18].

«*Вчера я болела и создала ахворизм (от слова хворать): «Кто не работает, тот хворает». Вообще-то чувствуется, что мой афоризм рожден в хворости»* [там же, 18].

Здесь в обоих случаях происходит образование новой формы для нового содержания: *проинтенировать* – 'передать интенцию с помощью интонации', *ахворизм* – 'афоризм, созданный хворающим человеком'. Представлялось бы логичным отнести эти примеры в один раздел классификации, но Т.А.Гридина помещает первый из них под рубрикой «Ассоциативная интеграция», а второй – под рубрикой «Имитация». Основания для принятия подобных решений не всегда ясны читателю книги.

Несколько иной подход к классификации случаев ЯИ реализован в монографии В.З.Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры». Целью своей работы автор видел «извлечение из языковой игры лингвистически содержательных выводов» [Санников 1999: 36].

Конечно, для нас основной интерес снова представляет осмысление В.З.Санниковым ЯИ на словообразовательном уровне (что касается общей характеристики данного исследования, то она дается нами в рецензии: [Михенькова 2001]).

Прежде всего заметим, что раздел словообразования незаслуженно, на наш взгляд, «обиден» автором. Многие словообразовательные примеры рассмотрены в других главах. По нашим наблюдениям, добрая половина всех анализируемых В.З.Санниковым случаев ЯИ в той или иной степени может быть объяснена действием механизма словообразования. Вот пример из первой же главы: «*Все стоящие на пути всеобщего счастья лица были раскулачены, расказачены, расстреляны»* [Санников 1999: 45]. Автор сообщает только, что в данном случае повторяются словообразовательные языковые единицы [там же: 43], имея в виду, вероятно, повторение префикса *рас-*. Но при внимательном рассмотрении можно увидеть, что всё не так просто. Конечно, в каждом из выделенных глаголов данного фрагмента присутствует префикс *рас-*, но каждый из них заслуживает отдельного анализа. *Раскулачен* – краткое причастие от узального глагола *раскулачить*, образованного префиксально-суффиксальным способом от существительного *кулак*, префикс *рас-* имеет значение 'лишить признака, который назван мотивирующим словом' [Ефремова 1996: 427]. *Расказачен* – краткое причастие от окказионального глагола **расказачить*, образованного от существительного *ка-*

зак по словообразовательной модели предыдущего слова, префикс *рас-* имеет то же значение. *Расстрелян* – краткое причастие от глагола *расстрелять*, образованного префиксальным способом от глагола *стрелять* при помощи префикса *рас-*, имеющего в данном случае значение ‘уничтожить с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’. Следовательно, вряд ли в этом примере можно говорить о простом повторе, скорее, мы видим многообразное проявление действия механизма словообразования, и было бы уместнее поместить этот фрагмент в соответствующую главу.

То же может быть сказано и в случае с примером «*оБЩАРПанная элита*» [Санников 1999: 56], где, как представляется, имеет место не «шутливое нарушение принципов употребления прописных и строчных букв» [там же], а графическое выделение части обыгрываемой словоформы для понимания её нового смысла (ср.: [Клобуков 2001]). То есть в данном случае на первый план выходит скорее не графика, а словообразование.

Вообще говоря, хотелось бы отметить, что все примеры, иллюстрирующие переосмысление, разложение и переразложение словоформ было бы логичнее отнести к словообразованию. Например, фрагмент из пьесы Маяковского: «*Что?! Издеваться? И над своим непосредственным, ответственным начальством и над посредственной... да нет, что я говорю! над безответственной тенью Маркса...*» [Санников 1999: 67]. Как представляется, здесь имеет место не «попытка шутливого переосмысления “обрубков” расчленинной словоформы» [там же: 66], а интересный случай парной мены словоформ: лексическая пара *слово с отрицательным префиксом – слово без префикса* (*непосредственный – ответственный*) заменяется коррелятивной парой *слово без префикса – слово с отрицательным префиксом* (*посредственный – безответственный*). Префиксы *не-* и *без-* в данном контексте следует признать синонимичными (значение ‘признак, характеризующийся противоположностью качества по сравнению с тем, что названо мотивирующим прилагательным’) [Ефремова 1996: 81–82]. В указанном текстовом фрагменте сопоставляются также слова, близкие по звучанию, но различные по значению: *непосредственный* (‘прямо следующий после кого-нибудь, без посредствующих звеньев’ [Ожегов 1990: 408]) – *посредственный* (‘среднего качества, заурядный’ [там же: 567]) и *ответственный* (‘облечённый правами и обязанностями’ [там же: 466]) – *безответственный* (в значении ‘безответный’). Автор отводит словообразовательным механизмам ЯИ весьма скромную роль, во всех подобных случаях обращая внимание лишь на лексические аспекты ЯИ.

В книге В.З.Санникова выделяются два основных способа обыгрывания словообразовательных единиц: это переосмысление словообразовательной структуры уже существующих слов и создание новых слов. При анализе окказиональных слов автор ссылается на мнение Е.А.Земской (см. [Санников 1999: 151]), причём делает это не совсем, по нашему мнению, оправданно: когда Е.А.Земская утверждает, что «окказиональное словообразование ... часто выступает как явление антиагглютинативное, нарушающее принципы той “шкалы технических средств”, которая присуща естественной морфологии» [Земская 1992: 204], она говорит только о стремлении узуальных слов современного русского языка к аналитизму

и об отсутствии подобной тенденции у окказионализмов, а вовсе не о моделях, по которым образуются или не образуются окказиональные слова.

В таких фрагментах, как «*Но, видимо, свершилось здесь и некоторое "пере"*» [Санников 1999: 163] и «*...А дома целую неделю отмываться, отсыпаться, отъедаться... и ещё десять "от"*» [там же], следует, на наш взгляд, говорить не об обратном словообразовании, не об усечении основы слова, а об отделении аффиксальной морфемы и её субстантивации в контексте.

Несомненно, что собранные В.З.Санниковым примеры ЯИ действительно иллюстрируют действие игровых возможностей языка на всех его уровнях, но так же несомненным представляется и то, что ни в этой, самой содержательной монографии по ЯИ, ни в других работах пока не было предложено всеобъемлющей классификации случаев ЯИ на уровне словообразования. В последующем изложении мы предпримем попытку обоснования принципов такой классификации. Эта классификация основывается на семасиологическом подходе к фактам языка (т.е. строится в направлении от формальных показателей производного слова к выражаемым этим словом значениям).

Мы исходим из того очевидного факта, что в ЯИ может вступать как окказиональное, так и узуальное слово.

При этом окказиональное слово может быть релевантным для ЯИ лишь по своим формальным показателям, в таком случае значения, уже выражаемые в системе языка иными словами, передаются при помощи новой языковой формы. В результате создаётся слово, синонимичное узуальному, обладающее (а иногда, как мы увидим, и не обладающее) некоторым сдвигом в семантике или прагматике.

Окказионализм может обладать также одновременно и формальными, и семантическими характеристиками, релевантными с точки зрения ЯИ, то есть для нового, контекстуально актуального содержания создаётся новая языковая форма.

Если же в ЯИ вступает узуальное слово, то оно приобретает в сконструированном контексте новое значение, вследствие чего может осуществляться отрыв «игровой» лексемы от исходного слова. При этом новое, возникающее в результате ЯИ, значение «старой» формы может быть получено словом либо в результате каламбурного столкновения с созвучными (или родственными) словами, либо в результате попадания слова в неожиданный контекст (без указания на «родственные» связи).

Сказанное можно представить в виде следующей схемы:

Проиллюстрируем рубрики этой классификация примерами ЯИ, обнаруженными в прозаических и стихотворных произведениях известного поэта Александра Аронова, которые мы сгруппировали в соответствии с полученной классификацией.

1. В ЯИ вступает окказиональное слово с формальными показателями, релевантными с точки зрения языковой игры.

В изученных поэтических текстах А.Аронова нам встретился ряд случаев, когда уже выраженное в языке значение передано автором при помощи новой формы. Рассмотрим один из них:

*Пусть будет, как он был, необъясним,
Не нам судить, и что мы за всеведы,
Уже не отличая вместе с ним*

Любое поражение от победы [Аронов 1989: 116].

Слово *всевед*, более короткое, чем узуальное *всеведущий*, и не имеющее отрицательного коннотативного оттенка значения (в отличие от узуального *везнайка*), образовано способом сложения с нулевой суффиксацией; в качестве первого компонента сложения выступает местоимение *весь*, в качестве второго – усечённая основа глагола *ведать*: *весь + ведать* → *всевед-Ø*. Интересно, что академическая грамматика не приводит ни одного примера, где бы слово подобной структуры было произведено с помощью нулевого словообразовательного суффикса (см. [Русская грамматика 1980: 246-249]).

Отдельно следует рассмотреть следующий пример, так как тут в ЯИ вступает не слово, а целое словосочетание:

*По пустым магазинам гоня,
Вся в кошелках, стихийная сила,
Ты в беспамятстве это меня*

«Пуцадь Плошкина где тут?» – спросила [Аронов 1989: 57].

Окказиональное словосочетание *пуцадь Плошкина* образовано путём обмена первыми слогами компонентов словосочетания *площадь Пушкина*. При этом значение словосочетания не изменилось от такой постановки, не случайно герой стихотворения понял, о чём его спрашивают, и дал ответ.

2. В ЯИ вступает окказиональное слово, являющее собой новую форму для нового содержания.

В рассмотренных нами текстах обнаружено очень много примеров такого типа.

*Меня мой раб приказом строгим
Был принуждён изобразить
Отвислобрюхим, кривоногим,
Не смея правду исказить!* [Аронов 1989: 160].

Прилагательное *отвислобрюхий* образовано сложно-суффиксальным способом. Подобные прилагательные с опорным компонентом – основой существительного имеют значение ‘обладающий тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения’ [Русская грамматика 1980: 325]. Такой тип словообразования очень продуктивен, в особенности в художественной речи [там же], и, следовательно, нет необходимости фиксировать все подобные слова в словарях. Что касается значения данного деривата, то полных синонимов

среди узуальных слов он не имеет. В данном тексте опорой, образцом для словообразования послужило слово *кривоногий*.

Ср. также:

... «Пришельцы», наконец. Почти невыносимо.

Давайте создадим гипотезу Ушельцев [Аронов 1989: 77].

Слово *ушелец* образовано автором по образцу слова *пришелец* от основы прошедшего времени глагола с помощью суффикса *-лец-* [Русская грамматика 1980: 145] для обозначения фиктивной, придуманной им реалии.

Заметим, что И.С. Улуханов отмечает другую возможность интерпретации образования подобных дериватов: депрефиксация + префиксация (как, например, в словах *застегнуть* → *растегнуть*) [Улуханов 1996: 72, 87]. Следует, правда, отметить, что И.С. Улуханов считает такой способ словообразования отмеченным только для глаголов, а в рассматриваемом примере перед нами окказиональное существительное.

3. В ЯИ вступает узуальное слово, приобретающее новое значение в новом контексте.

К сожалению, в изученных текстах А.Аронова примеров данного типа нами не обнаружено, но на основании анализа примеров из монографии Т.А.Гридиной можно сделать вывод о том, что изменение словом своего значения в специально сконструированном контексте, часто включающем в себя слова, которые объясняют, мотивируют новое значение слова, – достаточно распространённый приём ЯИ. Он используется в разного рода «бестолковых» (псевдоэтимологических) словарях, помещаемых газетами и журналами в рубрике «Сатира и юмор».

Рассмотрим один из примеров, приведённых в работе Т.А.Гридиной: «*Терпеть не могу это пошло – соберут всех в актовом зале и заставляют хоровые песни петь*» [Гридина 1996: 29-30]. В данном контексте слово *пошло* имеет значение 'хор'. Такое окказиональное значение приобретается словом в контексте, описывающем ситуацию пения и дополнительно подкреплённом стоящими рядом родственными словами *песни* и *петь*. Изменение значения возможно потому, что основа настоящего времени глагола *петь* (*-пој-*) сближается по звуковому составу с корнем существительного *пошло*, образованного суффиксальным способом от глагола *поить* (см. [Тихонов 1990, т. 1: 752-753]).

Важным для поэтики А.Аронова представляется факт, что такого приёма ЯИ нет не только в поэтических, но и в прозаических текстах данного автора.

4. В ЯИ вступает узуальное слово, изменяющее своё значение в результате столкновения с родственными или одноструктурными словами.

Примеров такого типа в рассмотренных нами текстах большинство, в них реализуется деятельностный характер словообразования, и, следовательно, все примеры могут быть разделены на группы, иллюстрирующие действие разных сторон механизма словообразования, в соответствии с классификацией, предложенной Е.А.Земской в работе «Словообразование как деятельность» (см. [Земская 1992: 164]).

Рассмотрим по одному примеру каждой группы.

4.1. Актуализация словообразовательной структуры слова.

Я клянусь тебе: ты это

Сделал, выдержал, сумел! [Аронов 1989: 120].

Повторение в двух рядах стоящих словах префикса *с-* способствует актуализации значения 'довести до результативного завершения действие, названное мотивирующим словом' [Ефремова 1996: 437]. Значение результативного завершения долго длившегося действия усиливается благодаря тому, что автор в тот же контекст помещает слово с префиксом *вы-* со значением 'выгнать в течение какого-то времени, совершая действие, названное мотивирующим словом' [там же: 108].

4.2. Функционирование в одном контексте однокоренных слов, имеющих разные деривационные значения.

...От ненависти, злобы, злости

Меня спаси и сохрани [МК, 17.10.97].

В этом фрагменте происходит двойное попарное повторение морфемных составляющих в структуре дериватов: в словах *ненависть* и *злость* – суффикса *-ость/-ть* со значением отвлечённого признака [Русская грамматика 1980: 164], а в словах *злоба* и *злость* – корня. При этом существительные *зло* и *злость* образованы от прилагательного *злой* суффиксальным способом с помощью суффиксов, образующих слова со значением отвлечённого признака: *-б-* процессуального, а *-ость-* – непроцессуального.

4.3. Каламбурное столкновение родственных слов, слов, имеющих омонимичные неморфемные сегменты, или просто созвучных слов.

Преподавать литературу –

Как будто предавать ее [Аронов 1987: 99].

Только «Словарь морфем русского языка» выделяет общий корень *-да-* у современных русских слов *преподавать* и *предавать* [Кузнецова, Ефремова 1986: 107, 109]; в других источниках отмечается изменение морфемной структуры некогда однокоренных слов *преда-ва-ть*, *преподава-ть* [Тихонов 1990; ср. Тихонов 1985, II]. Таким образом, столкновение этих двух слов в одном контексте способствует выявлению их исторического родства и оживлению внутренней формы, что ещё более подчёркивается актуализируемыми в поэтическом контексте одинаковыми префиксами глаголов: *пре-*.

4.4. Семантическое противопоставление однокоренных слов.

Вот он встанет, накинёт пальто

(Раз уж дома ему не лежится).

Одинокие птицы – не то.

Вот летит однокрылая птица. [МК, 30.11.95].

В данном контексте слово *однокрылый* приобретает значение 'крайне одинокий'. Автор рисует образ абсолютного одиночества. Если существо уже *одиноко*, то как ещё более усилить впечатление одиночества? Надо **отнять** часть существа – и автор отнимает крыло, самое важное, то, что делает птицу птицей; она станет непохожей на других и, следовательно, ещё более одинокой. Возможно, таким был ход авторской мысли.

Среди собранного и изученного материала обнаружено несколько примеров, в которых в процессе ЯИ актуализируются несколько сторон

механизма словообразования. Следовательно, логичным выглядит появление следующей группы примеров ЯИ.

4.5. Объединение различных приемов ЯИ.

Во сне, во вне.

Наяву и внутри [МК, 01.12.97].

Здесь наблюдается актуализация обстоятельственного значения префикса *в-*, предлога *в* и синонимичного им префикса *на-* [Ефремова 1996: 87-88, 274], а также псевдочленение (подчёркнутое раздельным написанием) наречия *вовне*, которое в данном контексте, рядом с предложно-падежной формой *во сне* членится на окказиональное „существительное” с предлогом *в*. Одновременно актуализируется лексическое значение корня *-вне-*.

Подведём некоторые итоги всему сказанному. Благодаря разграничению формального и семантического аспектов ЯИ удастся, как кажется, более системно представить различные типы ЯИ с использованием словообразовательных средств. Систематизация проявлений ЯИ способствует более точному уяснению роли ЯИ в организации текста, особенно текста поэтического.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. Екатеринбург, 1996.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995) / Под ред. Е.А.Земской. М., 1996. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Клобуков Е.В. Строчная или прописная? (О семантике, прагматике и словообразовательных следствиях графического эксперимента) // Языковая система и её развитие во времени и в пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М., 2001.

Красильникова Е.В. Почему не говорят? // Развитие современного русского языка: 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Красильникова Е.В. Словарь // Опыт описания языковой личности. А.А.Реформатский // Язык и личность / Под ред. Д.Н.Шмелёва. М., 1989.

Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973.

Михенькова М.В. Рсц. на кн.: В.З.Санников. Русский язык в зеркале языковой игры (М., 1999) // Мир русского слова. 2001, № 4.

Русская грамматика. М., 1980. Том 1.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Словари

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.

Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985.

Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка. М., 1996.

Источники материала

Аронов А.Я. Островок безопасности: Стихи. М., 1987.

Аронов А.Я. Тексты: Стихи. М., 1989.

Е.А.Кузьмина

ИЗ ОПЫТА ДЕКОДИРОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ТОЛКОВАНИЙ АЗБУКОВНИКА

*Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.*

А.С.Пушкин

Значительную часть вокабулярия азбукovníков, служащих в XIII-XVI вв. толковыми словарями «несудобопознаваемых речей» (т. е. непонятных слов), встречающихся в книгах Священного писания, составляет *onomastica sacra* – библейские антропонимы и топонимы.

Наряду с теми способами толкований и комментариев, которые применяются в словарях разных типов и в современной лексикографии: а) перевод (64. *авесалом* *Шцъ миръ*¹ [евр. *Авишалом* – «отец мира»²], 617. *самшо* «*санце*» [евр. *Шимшон* – «солнечный»], 692. *ома* «*анзнец*» [арам. *Тома* – «близнец»]; б) синоним (52. *арара* «*арарскы арменскы*», 103. *византѣ црѣ гра*, 677. *весалончки селѣнь*); в) этимологический анализ (434. *новхѣносоръ... нозу ельбиньски сава. хѣ*, *коза. носоръ. прокаженъ*); г) энциклопедический комментарий к называемому лицу или месту (190. *елмъ... а стѣнтъ Ш синанскѣ горы пл*³ *поприц*), для многих сакральных онимов азбукovníков предлагает *символическую* интерпретацию, восходящую к традициям средневековой библейской экзегетики.

Символическое толкование онима в азбукovníке представляют собой краткое, иногда однословное «напоминание» библейской ситуации, связанной с лицом или местом, названным этим онимом. При этом если в одних случаях даваемые интерпретации очевидны для любого носителя когнитивной базы общеевропейской христианской культуры (ср. 62. *адамъ родитѣль*, 725. *хам дерзын*), то в большинстве других они требуют декодирования (почему, например, имя Иосиф истолковывается в азбукovníке как *одежа ноготы ницаго*, а название города Иерихон – как *схоженѣ*?).

Некоторые результаты декодирования зашифрованных в азбукovníке библейских сюжетов представлены в настоящей статье.

68. *аврамъ прѣходникъ*

прѣходникъ - пришелец, *transitori*, *περατικός* (*ператѣс*) (Срезневский 1989: т. II, стлб. 1712).

¹В исследовании используется материал азбукovníка конца XVI в. (по списку ГБД МДА 173 (35)), изданного Л.С.Ковтун (Ковтун 1975: 268-312). Перед каждой цитируемой словарной статьей указывается ее порядковый номер.

²Здесь и далее переводы еврейских и арамейских по происхождению имен приведены по: Ринкер Ф., Майер Г. Библейская Энциклопедия Брокгауза. Электронная версия размещена на сайте: www.bible-center.ru.

Аврам [от евр. *Аврахам* – «(мой) отец возвышен», причем под словом «отец» может подразумеваться Бог] был первым человеком, названным в Библии евреем (Быт. 14: 13). В Септуагинте слово «еврей» может обозначать того, кто «перешел», «преступил», кто «происходит с той стороны (Евфрата)», и соответственно «перешел (Евфрат)» (Христианство 1993: 31), что совпадает с данными о жизни Авраама, которого Господь переводит на другую сторону Евфрата. Аврам вместе со своим отцом Фаррой, женой Сарой и Лотом уходит из Ура, расположенного на северном берегу Евфрата, направляясь в Ханаан – землю обетованную. На пути вверх по Евфрату они сначала поселяются в Харране, откуда в возрасте 75 лет Авраам, повинаясь зову Господа (Быт. 12: 1-3), следует дальше, к первоначальной цели своего странствования, Ханаану. А для того, чтобы попасть в Ханаан, ему необходимо было перебраться на южный берег Евфрата (Быт. 12: 4).

СѦА глеть гдѣ бѣ ѿ нѣевъ: ѡб онѣ странѣ рѣки жнша отцы ваши исперва, ѡара отецъ авраамовъ и отецъ нахворовъ, и слѣжнша во гмѣхъ ннѣмъ: и поухъ отца вашего авраама ѡ ѡб онѣ странѣ рѣки, и во духъ его по всей земли ханаанстей: и оумножихъ сѣма егѡ, и дахъ емѣ ѿсаака (Нав. 24: 2-3)¹.

620. сарра послѣшество

Сарра [от евр. «госпожа многих»), жена Авраама, во всем повиновавшаяся своему мужу. Так, в Египте, послушная воле Авраама, опасавшегося за свою жизнь, Сарра становится женой фараона (Быт. 12: 10-20): Рече арамъ сарѣ женѣ своей: вѣмъ азъ, какъ жена доволнчна еси; бѣдетъ оубо егда оубидатъ тѣ егѡптѣнѣ, рекѣтъ, какъ жена егѡ есть сѣа: и оубѣютъ мѣ, тебе же снабдатъ: рцы оубо, какъ сестра емѣ есмь, да довро ми бѣдетъ тебе ради, и бѣдетъ жива дѡша моя тебе ради (Быт. 12: 11-13), и позднее в Гераре в силу этих же обстоятельство – женой Авимилеха (Быт. 20).

Послушание Сарры Аврааму особо отмечает в своем послании апостол Петр: сарра послѣшаше авраама, господина того зовѣши (1Пет. 3: 6).

269. ѿковъ послѣднѣи

В основе интерпретации, предложенной в Азбуковнике, история рождения Иакова – младшего из сыновей-близнецов патриарха Исаака и Ревеки, брата-близнеца Исав. Первым родился Исав, вторым, т.е. последним, Иаков, который держался за пятку брата: изыде же сынъ первенець черменъ, весь, какъ кожа, косматъ: и нарече имя емѣ исавъ: и посемъ изыде братъ егѡ, рѣка же егѡ придержася платѣ исавовѣ: и нарече имя емѣ ѿковъ (Быт. 25: 25-26).

418. манасѣа проданъ или противасѣа

продати - продать в рабство; подчинить (Срезневский 1989: т. II, стлб. 1522-1523).

противитисѣа – противиться, сопротивляться; противодействовать; нарушать; отворачивать (Срезневский 1989: т. II, стлб. 1591).

Данное в азбуковнике толкование имени Манасия (евр. *Менаше* – «дающий (возможность) забыть») отсылает к одному из четырех его но-

¹Здесь и далее библейский текст цитируется по изданию: Библия сирѣчь книги священнаго писанѣя ветхаго и новаго заветѣа СІІ6, 1900.

сителей в Ветхом Завете – к иудейскому царю, сыну и преемнику царя Езекии. В 12-летнем возрасте Манасия стал соправителем своего отца и правил в Иерусалиме в течение 55 лет (696-642 гг. до н.э., с 687 г. – в качестве царя), больше других царей Иудеи и Израиля (4Цар. 21: 1). В отличие от набожного отца, Манасия отвратился от единого Бога, нарушил Его заповеди и предался языческому идолослужению: И сотвори лубкавое пред очима гднима, и хоуждаше вслѣдъ мерзостей азыкъвъ, и хуже Шринъ гдъ ѿ лица сынѡвъ илєвъихъ (4Цар. 21: 2).

Затем пришло возмездие. Манасия был пленен в Иерусалиме неким ассирийским военачальником и продан в рабство: И наведе гдъ на нѡхъ начальники воевъ цара ассѣрска, и таша манассю во оузахъ, и связаша егѡ шкѡбы ножными, и ѡведоша въ вавѡны (2Пар. 33: 11).

607. сисара дѣволъ

Сисара [евр. *Сисра* – «ретивый», «резвый»] – военачальник ханаанского царя Иавина, правившего в Асоре (Суд 4), притеснявший израильтян в течение 20 лет и ставший впоследствии символом врага. Так, в 82 псалме Давид просит Господа поступить с врагами так же, как и Сисарой: врази твои возшумѣша, и ненавѣдации тѣ воздвигоша главы... Сотвори имъ акѡ мадіамъ и сѣсаръ, акѡ іавимъ въ потоцѣ кіссѡвѣ (Пс. 82: 2, 10).

В церковнославянском языке слово врагъ в одном из своих значений – «дьявол» (Срезневский 1989: т. I, стлб. 310). Врагом называет дьявола Иисус Христос, объясняя своим ученикам притчу о семенах и плевелах: а врагъ всѣлѡви ихъ [плевелы] естъ дѣволъ (Мф. 13: 39). Таким образом, «враг» Сисира становится в азбуковнике «дьяволом» (Сисара = враг, враг = дьявол ⇒ Сисара = дьявол).

690. фѣлппъ вѣжа оуста

Фитипп (греч. "любитель лошадей" – *φιλέω* «любить» и *ίππος* «лошадь») – один из семи дьяконов иерусалимской церкви и апостол из числа семидесяти. Он назван Божиими устами как Благовестник, проповедник Евангелия. Самый известный эпизод его миссионерской деятельности – крещение вельможи эфиопской царицы Кандакии, которому он истолковал смысл книги пророка Исаии, и тот сам захотел принять крещение: и се, мѡжъ мѡрѣнъ, євнѡхъ силєнъ кандакѣи царницы мѡрѣнскѣи... сѣда на колесницѣ своей, чѣташе прѡрока исайю... Притѣкъ же фѣлппъ оуслыша его чѣтѡца прѡрока исайю и рече: оуѡв разѡумѣеши ли, таже чѣеши. Онъ же рече: какѡ оуѡв могъ (разѡумѣти), аще не кто наставитъ ма; Обѡли же фѣлппа, да возшедъ сѣдетъ съ нимъ... ѡвѣщавъ же каженикъ къ фѣлппѡ, рече: молю тѣ, ѡ комъ прѡрокъ глаголетъ сѣ; ѡ себѣ ли, или ѡ инѣмъ нѣкоемъ; ѡверзъ же фѣлппъ оуста своѣ и начєнъ ѡ писанѣа сегѡ, благѡвѣсти ємѡ иса (Деян. 8: 26-39).

265. іванъ гласо

Толкование гласѡ – символ, связывающий имя Иван (Иоанн) с одним из его носителей в Новом Завете, Иоанном Крестителем. Иоанн Предтеча, согласно христианским представлениям, последний в ряду пророков – предвозвестников прихода Мессии, непосредственный предшественник Иисуса Христа (Мифологический словарь 1991: 250). Из Иерусалима к Иоанну Крестителю прислали священников и левитов, чтобы выяснить,

кто он. Иоанн ответил им, что он не Илия, не пророк и не Христос; он – «глас вопиющего в пустыне», призванный возвестить о приходе Мессии (Ин. 1: 19-27): И сѣ естъ свидѣтельство Іоанново, егда послаша жидове ѿ Іеранма Тереевъ и левитѣвъ, да вопросятъ его: ты кто еси; И исповѣда и не ѡвръжеса: и исповѣда, акъ нѣсмь азъ хртосъ. И вопросиша его: что оубо; ꙗвѣ ли еси ты; И ѡвѣща: ни. Рѣша же емъ: кто еси; да ѡвѣтъ дамы пославшимъ ны: что глаголаши шъ тебѣ самѣмъ; Рече: азъ гласъ вопиющаго въ пѣстыни: исправите пѣть гдень, якоже рече ꙗсаѣ пррокъ (Ин. 1: 19-23). Новозаветное толкование относит к Иоанну ветхозаветное пророчество Исаиай: Гласъ вопиющаго въ пѣстыни: оуготовайте пѣть гдень, правы сотворите стези бга нашего (Ис. 40: 3).

271. Іосифъ приложеніе, или одежда наготы нищаго

Первое толкование представляет собой перевод имени Іосиф (от евр. *Иосеф* – «Он (Бог) прибавит (еще детей)» (ср. приложение прибавление; увеличение (Срезневский 1989: т. II, стлб. 1423)).

Второе толкование носит символический характер и связано с новозаветным носителем имени Іосиф – Іосифом Аримафейским, членом синедриона. Он был праведным человеком, ожидавшим Царства Божиего, тайным учеником Иисуса Христа, не принимавшим участия в суде над Ним. Іосиф похоронил распятого Иисуса в гробнице, которую приготовил для себя, предварительно завернув его в плащаницу (Мф. 27: 57-60; Мк. 15: 43-46; Лк. 23: 50-53) или (в Евангелии от Иоанна 19: 38-42) в ризы, т.е. одежду (Срезневский 1989: т. III, стлб. 120).

Приде Іосифъ, иже ѿ аримафеа, благошразенъ советникъ, иже и той бѣ чаа цртва вѣла, дерзнувъ вниде къ пѣлатъ, и проси тѣлесѣ іисова. Платъ же... даде тѣло Іосифови. И купивъ плащаницу и снемъ его, шевитъ плащаницю; и положи, его во гробъ, иже бѣ изсѣченъ ѿ камене: и привали камень надъ двери гроба (Мк 15:43-46).

По сихъ же моли пѣлата Іосифъ, иже ѿ аримафеа, сынъ оучникъ Іисовъ, потаенъ же страха ради Іудейска, да возметъ тѣло Іисово: и повелѣ пѣлатъ. Приде же и взатъ тѣло Іисово. Приде же и нѣкѣдимъ, пришедый ко Іисови ношю прежде, послъ смѣшеніе смурнено и алойно, акъ аѣтръ сто. Приста же тѣло Іисово, и шевиста е ризами со ариматы, якоже швычай естъ Іудеимъ погребати (Ин. 19: 38-41).

Ситуации, тем или иным образом связанные с одеждой, были определяющими и в жизни другого, ветхозаветного, Іосифа – одиннадцатого сына Иакова и первенца от Рахили. Отец любил Іосифа больше других своих сыновей, так как он родился, когда Иаков был уже в преклонном возрасте (Быт 37: 3). Иаков сшил Іосифу дорожку одежду: Іаквъ же любаше Іосифа паче всѣхъ сыновъ своихъ, акъ сынъ въ старости емъ бысть: и сотвори емъ ризы пестры. Видѣвше же братѣ егъ, акъ любитъ егъ отецъ паче всѣхъ сыновъ своихъ, возненавидѣша его и не можахъ глаголати къ немъ ничтоже мирно (Быт 37: 3-4).

Предпочтение, которое отец отдавал Іосифу, пробудило в его братьях зависть (ст. 4,8,11), и они решили его убить. Желая спасти юношу, один из братьев, Рувим, отговорил остальных от кровопролития, и они

ограничились тем, что бросили Иосифа в пересохший ров. Вернувшись домой, братья показали Иакову одежду Иосифа, которую предварительно испачкали кровью козла, сказав, что нашли ее в таком виде: Взѣмше же ризѣ ѿсифовѣ, заклаша козлицѣ ѿ козѣ и помазаша ризѣ кровію: и послаша ризѣ пестрѣю, и принесоша ко отцѣ своему и рекоша: сїо шрѣтохомъ: познавай, аще риза сына твоего есть, или ни; И позна ю и рече: риза сына моего есть: звѣрь лють снѣде его: звѣрь восхити ѿсифа (Быт. 37: 31-33).

417. моисей водѣвзати

Толкование имени вождя израильского народа Моисея [евр. *Моше* – «выводящий», «извлекающий»] соответствует библейской интерпретации этого имени. Мать Моисея объясняет значение имени Моисей усыновившей его дочери фараона тем обстоятельством, что младенца нашли в воде: Возмѣжавшѣ же отрочатѣ, введе є ко дщери фараоновѣ, и бысть ей въ сына, и нарече имя емѣ муисей, глаголющи: ѿ воды взяхъ его (Исх. 2: 10).

538. пѣтръ разрешаѣ

разрѣшати - развязывать; отпускать, прощать; разгадывать, разъяснять (Срезневский 1989: т. III, стлб. 51)

Данное толкование греческого имени Петр (пѣтрѣс, ѡ «камень») основывается на обещании, данном апостолу Петру Иисусом Христом: и дамъ ти ключи цѣтва небагъ: и еже, аще свѣжешѣ на земли, бѣдетъ свѣзано на нестѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, бѣдетъ разрѣшено на нестѣхъ (Мф. 16:19).

255. Иерихон схождение

Предложенная в Азбуковнике интерпретация названия города Иерихон (обычно считается, что это слово происходит от евр. *יריחו* – «луна», т.е. «город луны») опирается на первые слова известной притчи о милосердном самарянине: Человѣкъ нѣкій сходяще ѿ Иерлма во Иерихонъ... (Лк. 10: 30-38). Иерихон расположен на 250 м ниже уровня моря, Иерусалим же находится на Иудейском нагорье (770 м над уровнем море) (Атлас 1999: 47-48), следовательно, путь из Иерусалима в Иерихон представляет собой «схождение».

671. Фаворъ ходѣ ѿ дѣа

Несмотря на то, что в тексте Нового Завета Фавор не упомянут, церковное предание признает гору Фавор горой Преображения Господня. Евангелисты, повествуя об этом событии (Мф. 17: 1-13; Мк. 9: 1-12; Лк. 9: 28-36), говорят о высокой горе, на которой Иисус Христос явил трем ученикам – апостолам Петру, Иакову и Иоанну свою божественную природу. И по днѣхъ шестнѣхъ поатъ исъ петра и Іакова и Іоанна братѣ егѣ, и возведе ихъ на горѣ высоку едину, и превратисѣ предъ ними: и просвѣтисѣ лице егѣ акѣ солнце, ризы же егѣ быша бѣлы акѣ свѣтъ. И се, явистасѣ имъ муисей и Іаїа, съ нимъ глаголюща. ѿвѣщавъ же пѣтръ рече (ко) ѿсѣви: гдѣ, добро есть намъ здѣ быти: аще хочешѣ, сотворимъ здѣ три стѣни, тебѣ единѣ, и муисеви единѣ, и единѣ Іаїи. ѿще (же) емѣ глаголющѣ, се швакѣ свѣтелъ шѣни нхъ: и се, гласъ из швакѣ глѣ: сей есть снѣ мой возлюбленный, ш немже благовахъ: тогѣ послѣшайте (Мф. 17: 1-5).

Фавор воспринимается и толкуется как символ Преображения, как место, исполненное божественного, «фаворского» света, исходящего от Господа.¹

712. хевро^н видѣнїе вѣчно

Хеврон [евр. «(место) союза»] – город, в котором поселился родоначальник еврейского народа Авраам: **Авраамъ, пришедъ, вселенсѣ оу дѣба мамврїйскагѣ, нже баше въ хевронѣ; и созда тѣ жертвенникѣ гдѣ** (Быт. 13: 18).

В основе толкования – ключевые события библейской истории: именно в Хевроне Господь неоднократно является Аврааму в видениях, в одном из которых христиане увидели первое раскрытие тайны триничности божества (Мифологический словарь 1991: 11), заключает с ним завет, обещая сделать его потомство большим народом и предоставить ему в вечное владение всю Ханаанскую землю.

Бысть слово гдѣ къ аврамѣ въ видѣнїи ношїю, гла: не бойса, авраме: азъ защищаю тѣ, мзда твоѣ многа бѣдетъ эѣло: азъ (есмы) бгъ изведый тѣ ѿ страны халдейскѣ, акъ дати тѣбѣ землю сїю наследствовати (Быт. 15: 1,7).

Ибвнса же емѣ бгъ оу дѣба мамврїйска, сѣдациѣ емѣ предъ дверми сѣни своеѣ въ полѣдни. Воззрѣвъ же очима своимѣ, видѣ и се, трѣ мѣжѣ столѣхѣ надъ нимъ: и видѣвъ притече въ срѣтенїе имъ ѿ дверей сѣни своеѣ; и поклонисѣ до земли и рече: гдѣ, аще оубв шрѣстохѣ владѣти предъ тобою, не мнѣ раба твоѣш (Быт. 18: 1-3).

Рассмотренные герменевтические коллизии библейского ономастического пространства азбуковника со всей очевидностью выдвигают проблему функционирования библейского текста в разных видах метаязыковых сочинений XV–XVII вв. Как мы смогли убедиться, в лексикографических трудах библейский текст может служить не только источником иллюстративного материала (так он функционирует в орфографических и грамматических трактатах), но и основой для интерпретации языковых фактов, а, значит, действовать на уровне метаязыка. Механизмы и формы этого действия требуют своего дальнейшего исследования.

Литература

- Атлас библейской истории. Российское Библейское Общество, 1999.
Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII вв. Л., 1975.
Мифологический словарь 1991 – Мифологический словарь. Гл. редактор Е. М. Мелетинский. М, 1991.
Срезневский 1989 – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. I–III. М.: Книга, 1989. Репринтное издание: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1912.
Христианство 1993 – Христианство. Энциклопедический словарь. Т. I. М., 1993.

¹Ср. слова Бориса Пастернака о празднике Преображения Господня, который празднуется 6 августа (19 по новому стилю):

*Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора...*

УЧЁТ СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С МОДАЛЬНЫМИ МОДИФИКАТОРАМИ ДОЛЖЕНСТВАНИЯ И ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ РКП

Модальное значение необходимости/долженствования входит в категорию внутрисинтаксической категории модальности, которая определяется как отношение между субъектом – носителем признака и предикативным признаком (Золотова 1973:143). Как и другие виды внутрисинтаксической модальности, это значение выражается лексическими средствами (модальными модификаторами): глаголами (*приходится – придётся, следует*), прилагательными (*должен, обязан, вынужден*), предикативными наречиями (*нужно, надо, необходимо*). В зависимости от выбора модального модификатора тип предикативной конструкции основной модели или сохраняется (*Я сделаю это. – Я должен/обязан/вынужден сделать это*), или трансформируется (*Я сделаю это. – Мне нужно/надо/необходимо/придётся/следует сделать это*). Наличие в русском языке номинативной и дативной конструкций, способных выразить ситуацию долженствования, уже вызывает затруднения иностранцев и приводит к ошибкам типа **Я нужно продлить визу. *Ему должен разобратся в этом вопросе*. Источником подобных ошибок является то, что в родном языке учащихся (европейцев) ситуация долженствования описывается преимущественно номинативными глагольными конструкциями.

При рассмотрении способов лексического выражения модальности долженствования прежде всего возникает вопрос о тех признаках контекста, коммуникативной ситуации и конкретного замысла говорящего, которые определяют выбор того или иного модального модификатора. Наряду со случаями, когда взаимозамена модальных модификаторов в минимальном контексте не приводит к искажению основного смысла высказывания или замысла говорящего (*Я должна навестить подругу. – Мне нужно навестить подругу*), в более широком контексте подобные взаимозамены могут привести к несоответствию способа вербализации ситуации естественному замыслу говорящего в данной ситуации общения. **Раньше он хотел стать моряком, но теперь ему нужно расстаться с мечтой о море. Для рассказа нужно существовать какому-то действию и счастливому или несчастливому концу. Все ждали от него ответа на вопрос, что такое философия. Ведь философу нужно ответить на этот вопрос*.

В определении критериев выбора модального модификатора ведущую роль играют мотивировка модальности (детерминирующая ситуация) и характер её восприятия субъектом (нейтральный, положительный, отрицательный). Коротко остановимся на этих критериях выбора.

1. Мотивировкой долженствования являются внешние стимулы: соблюдение законов, традиций, выполнение воли другого лица; и внутренние: чувство долга, моральной обязанности. Мотивы не зависят от волеизъявления субъекта, отношение субъекта к реализации пропозиции (действия, выраженного инфинитивом) объективно-нейтральное. Центральные

средства выражения этой ситуации – прилагательные *должен, обязан*. *Обязан* подчёркивает побудительную силу долженствования и его независимость от волеизъявления субъекта. *В моих горах есть обычай – всадник не вскакивает в седло у порога сакли. Он должен вывести коня из аула (Гамзатов). Не сердись. Я должна так поступить. Я не могу иначе (Грин). Я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, о его страданиях, о его будущем (Чехов).*

2. Мотивом долженствования являются внешние стимулы, не зависящие от волеизъявления субъекта, которые воспринимаются им как непреодолимые. Отношение субъекта к реализации пропозиции – отрицательное. Центральные средства вербализации этой ситуации – глагол *приходится* – *придётся* и прилагательное *вынужден*. *И тут поднялся такой шум, что Вале пришлось уйти с его подарком (Каверин). Командование вынуждено всё в большей мере делать упор на контрактников (газ).*

При поддержке контекстом эта ситуация может быть описана словом *должен*. *Волей-неволей мы должны были отказаться от первоначального намерения пройти во Владивосток вдоль берегов Сибири (Каверин).*

3. Мотив – личная потребность субъекта в действии, необходимость его для достижения какой-либо цели. Отношение субъекта к реализации пропозиции – положительное. *Ты давай мне самые злые, самые дорогие лекарства, мне, брат, обязательно выздороветь надо (Горький). Он понял, что мне надо побыть одной (Каверин). Ты знаешь, я не за весельем туда еду. Мне нужно поговорить о векселе (Чехов).*

Использование для описания этой ситуации прилагательного *должен* в большинстве случаев не искажает общего смысла высказывания, но некоторый семантический сдвиг при этом всё-таки происходит: в дативной конструкции подчёркивается внутреннее осознание субъектом необходимости выполнить действие, его заинтересованность в действии. Это различие можно показать на таком примере: *На многое я не замаскируюсь, нет, мне надо завершить одну вещь! Я должен это сделать, я просто обязан, потому что этого никто не сделает кроме меня (Вампилов).* Эксплицитно выраженная мотивировка модальности (*никто этого не сделает кроме меня*) показывает объективный характер необходимости, не зависящий от волеизъявления субъекта, в то время как начало высказывания (*Мне надо...*) этого смысла не содержит.

4. Мотив долженствования – целесообразность действия в данной ситуации. При непосредственном обращении ко второму лицу – желание дать совет, рекомендацию. *Именно с этого ей следовало начать (Рекемчук). Мне следовало написать ей, когда она прислала мне привет через Саню (Каверин). Вам следует подумать о своём здоровье.* Этот смысл передается и модификаторами *должен, нужно*, но при этом теряется оттенок назидательности, свойственный глагольной конструкции.

Как видно из приведённого описания, универсальным средством вербализации ситуации долженствования является прилагательное *должен*, универсальным в том смысле, что использование его в тех ситуациях, которые адекватно описываются другими модификаторами, не нарушает правильности высказывания. Однако отсутствие приращений смысла может затемнить мотивировку модальности и отношение субъекта к реализации пропозиции.

С другой стороны, замена модификатора *должен* другими лексемами возможна далеко не всегда. Наиболее общим и характерным случаем та-

кой невозможности является приписывание долженствования неодушевлённому субъекту: *Самолёт должен прибыть через час. У хорошей минеральной воды, как и у хорошего вина, должен быть свой букет (газ).*

Дело в том, что понимание внутрисинтаксической модальности как отношения между субъектом и его действием обуславливает включение в её сферу только высказываний соответствующей семантической структуры – агентивный субъект и его процессуальный признак. Сама ситуация долженствования предполагает осознание долга/необходимости, которое с большей или меньшей степенью вероятности приводит к переходу потенциальной ситуации в реальную. И поскольку осознание долга не присуще неодушевлённым объектам, приведённые примеры, на наш взгляд, следует рассматривать как выражение отношения говорящего к вероятной, возможной или запланированной реализации предикативного признака. То есть это модальность второго типа – модальность субъективная. В пользу такой её интерпретации говорит возможность трансформаций типа: *В этом озере должно быть много рыбы – В этом озере, должно быть, много рыбы.*

Однако и при семантической структуре предложения «агентивный субъект и его признак» данный модификатор может придавать высказыванию значение отношения говорящего к действию как к вероятному или неизбежному: *Я попросил у Сани карту и показал тот путь, который должен был пройти капитан Татаринов (Каверин). В середине марта президент должен своим указом утвердить военную доктрину Российской Федерации (газ). – Ты думаешь, он сдаст экзамен? – Должен сдать, он же весь июнь готовился.* Представляется, что можно определить модальность подобных высказываний как сочетание внутрисинтаксической и субъективной – обязанность субъекта совершить действие + мнение говорящего о вероятности наступления названного факта.

Модальные конструкции со значением долженствования могут быть рассмотрены и с целью выявления степени вероятности реализации пропозиции (действия). Сопоставим высказывания с различными модификаторами по возможности их использования в ситуациях, которые противопоставляются по этому признаку.

1. Он должен был заниматься. 2. Ему нужно было заниматься. 3. Ему приходилось заниматься. 4. Он вынужден был заниматься. 5. Ему следовало заниматься.

а) Ситуация, в которой пропозиция реализуется, может быть продолжена следующим образом: ... и времени на развлечения у него не было.

б) Ситуация, в которой она не реализуется: ..., а он бездельничал.

Нетрудно убедиться, что (1) и (2) возможны в обеих ситуациях; (3) и (4) – только в ситуации а); (5) – только в ситуации б). Если мы обратимся к мотивировкам модальности, которые реализуются в (3) и (4), то увидим, что сила мотивировки здесь максимальна – неизбежность выполнения действия в силу сложившихся обстоятельств. Этот мотив согласуется с реализованностью пропозиции. Точно так же как мотивировка модальности – целесообразность, рекомендация выполнить действие в (5) согласуется с нереализованностью пропозиции.

В инфинитивном предложении значение долженствования, как и другие частные модальные значения, проявляется на фоне общей модальности этого типа предложений – объективной или субъективной предпре-

делённости действия, предстоящего вербализованному или невербализованному субъекту.

Однозначная идентификация частных модальных смыслов – возможности, желательности, необходимости, неизбежности – в инфинитивных предложениях затруднена тем, что семантика их в сильной степени обусловлена контекстом, ситуацией общения, совмещением в речевом намерении говорящего разных модальных значений, употреблением частиц, осложняющих модальный смысл. Так, вопросительное по форме предложение *Что (же) мне делать?* может восприниматься как предложение рефлексивного типа (Золотова 1998: 141). Оно представляет процесс размышления агенса о предстоящих действиях в форме вопроса к самому себе. В иной ситуации оно будет функционировать как собственно вопрос, обращённый к собеседнику с целью получения его распоряжения, совета, рекомендации. *Овоцы я почистила. Что мне делать дальше?*

В предложении: *Нам сегодня хлеб не покупать* отрицается необходимость действия (*нам не нужно покупать хлеб*), а в подобном предложении с частицей *же*: *Не покупать же вещь только потому, что она модная* значение нецелесообразности действия осложняется эмоциональным отношением неодобрения говорящего к возможному действию.

Установлению соотносительности инфинитивных предложений и предложений с модальными модификаторами препятствует высокая степень экспрессивности большей части инфинитивных предложений. Как, например, перевести на язык модальных модификаторов высказывание: *Бегом к маме! Скорей прочесть вдвоём!* (Солженицын). Поэтому попытки передать смысл инфинитивных предложений, используя лексические показатели модальности, в большинстве случаев оказываются несостоятельными.

Однако в практике преподавания русского языка как иностранного приходится прибегать к сопоставлению этих способов выражения модальности. Инфинитивные предложения составляют специфический фрагмент русской языковой системы, они характеризуются отчётливой разговорной и эмоциональной маркированностью, и, не понимая их значения и назначения, иностранные учащиеся, как правило, их избегают и используют для выражения модальных смыслов лексические показатели, что не всегда оказывается адекватным речевой ситуации. Например: *Я должен проводить вас?* вместо: *Проводить вас? Или же вместо Читать вслух?* – *Я читаю вслух?* Разумеется, целью таких сопоставлений является не констатация возможностей взаимозамещения конструкций, а установление их смысловых и стилистических различий и рекомендаций по выбору их в конкретных речевых условиях.

Можно выделить ряд разновидностей высказываний, оформленных по типу инфинитивных предложений, в которых присутствует значение необходимости и которые целесообразно сопоставить с предложениями с модальными модификаторами. Повторим, что это не означает возможности их взаимозамещения, но позволяет интерпретировать модальный смысл высказывания.

1. Вопросительные предложения, в которых «... говорящий сам предлагает совершить названное действие, побуждая собеседника к речевому акту согласия, разрешения, подтверждения его необходимости» (Золотова 1998: 145). – *Мне проводить вас?* – *Спасибо, не надо* (Зорин). – *Так брать мне роль или нет?* – *Не берите* (Алёшин). Употребление предложения с

модальным словом в этой ситуации неуместно, оно подчеркнёт обязанность субъекта. Сравните также: – *Вымыть посуду?* и: *Я должна вымыть посуду?* Иностранцы учащиеся и в ситуации «предложение – подтверждение» употребляют конструкции с модальным словом или строят предположительный вопрос (примеры приведены выше).

В частных инфинитивных вопросах модальный смысл высказывания в большей степени зависит от ситуации общения. – *Где нам выходить?* ~ *Где нам надо выходить?* (в транспорте) – *Куда повесить куртку?* ~ *Куда можно повесить куртку?* (в гостях).

2. В отрицательных инфинитивных предложениях достаточно определённо прослеживается значение ненадобности или невозможности действия. В практике преподавания РКИ используется противопоставление ненадобности и невозможности, связанное с употреблением видов глагола. *Мне не привыкать к морозам, я долго жил на Севере* (~ *не надо привыкать*). – *Мне не привыкнуть к морозам, придётся уезжать отсюда* (~ *невозможно привыкнуть*). Отрицание необходимости действия содержится и в несобственно отрицательных предложениях: – *Он идёт, спрячь меня.* – *Да зачем прятаться. Это странно* (Островский). Однако далеко не все отрицательные инфинитивные предложения с глаголом несовершенного вида можно интерпретировать как предложения ненадобности: Значительную их группу составляют так называемые предложения предстояния: *Нам здесь не жить*.

3. В утвердительных предложениях условием проявления значения долженствования является локализованность действия во времени, которая подчёркивается употреблением темпоральных и темпорально-локальных распространителей: *Притормози, нам в следующий переулок сворачивать* (Рекемчук). *Ему через год в университет поступать*. Локализованность действия во времени может подчёркиваться также частицами *ещё и только*: – *У меня кончился рабочий день.* – *Мне только печать поставить. Ему ещё три года здесь дорабатывать*. Ср.: *Повинуясь дисциплине, он должен был дорабатывать положенные три года по распределению* (газ.). Трансформации последнего предложения в инфинитивное препятствует нелокализованность действия во времени и ограниченность синтаксической парадигмы инфинитивных предложений.

Локализованность действия во времени проявляется и при вербализации значения очерёдности выполнения действий разными субъектами: *Вам ходить* (при игре в шахматы, карты и т.п.) *Сегодня тебе мыть посуду*. Значение долженствования сопровождается здесь общее значение предопределённости выполнения действия, свойственное инфинитивным предложениям.

Значение долженствования присутствует и в тех случаях, когда действии не локализовано во времени при актуализации субъекта действия: *Решиай сама, ведь тебе с ним жить* (~ *тебе с ним придётся жить*). *Смотри сам, тебе с ним работать* (~ *тебе с ним придётся работать*). *Вдруг ты его испугаешь, а мне отвечать* (~ *а мне придётся отвечать*). В инфинитивном предложении акцентируется значение предстояния / предопределённости действия, в предложении с модальным модификатором – значение вынужденности действия.

Значение предопределённости свойственно, например, предложениям с избирательной адресацией действия: *Так и надо, мне смеяться, а тебе плакать* (Островский). *Что поделаешь, Арина Петровна, кому возму-*

щаться, кому дипломатничать – у каждого своя профессия (Арбузов). Подобные предложения не соотносятся с предложениями, в которых модальное значение выражено лексическими средствами и выделяются в особый класс предложений предстояния (Брицын 1990). Лексическим выразителем этого значения может быть предикативное наречие *суждено*.

4. Среди инфинитивных предложений с частицей *бы* выделяются предложения со значением совета, рекомендации, целесообразности действия в данной ситуации: *Ей бы промолчать, а она засорила. (ей следовало, нужно было промолчать...)* *Мне бы расспросить его обо всём, а я постеснялась (Мне следовало, нужно было расспросить ...)*. От предложений с модальными модификаторами эти инфинитивные предложения отличаются мягкостью, некатегоричностью рекомендации. И те, и другие выражают нереализованность пропозиции, которая дублируется содержанием второй части предложения. Если нереализованность специально не эксплицируется, то в этом типе предложений проявляется комплексное значение необходимости / желательности: *Отдохнуть бы тебе. Нам бы попытаться понять друг друга*.

В заключение ещё раз подчеркнём, что сопоставление инфинитивных предложений и предложений с модальными модификаторами имеет своей целью установление смысловых и стилистических различий между ними, которые определяют выбор средства выражения речевого намерения в конкретных условиях общения.

Литература

- Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев, 1990
Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973
Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998

В. А. Кузьменкова

ЗАПРЕТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ ОДНОЙ ИЗ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ФОРМ ПРЕДИКАТА (описательный предикат – однословный предикат).

Описательные предикаты (далее – ОП) принадлежат к числу языковых универсалий и функционируют в научной, деловой, публицистической, художественной и повседневной речи. ОП разных групп поля ОП (ядерной – *заниматься подсчетами – подсчитывать*, близкой к ядру – *издавать крик – кричать*, каузативной – *причинять огорчения – огорчать*, фазисной – *приходить в восторг – восторгаться*, экспрессивной – *осыпать похвалами – хвалить*)¹ в разных функциональных стилях распределяются по-разному.

В науке наметилось два подхода к изучению ОП:

1) традиционный, более узкий подход, когда ОП понимается как словосочетание, состоящее из глагольного компонента (глагола-

¹ 1. Структурно-семантическая классификация поля ОП дана нами в диссертации «Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке». – Дисс....канд.филол. наук М., 2000

экспликатора) и именного компонента и функционирующее в двух структурных разновидностях: сказуемое + дополнение, выраженное существительным в косвенном падеже с предлогом или без предлога: *оказывать содействие – содействовать* -ОП-1, и подлежащее + сказуемое: *происходит рассеяние (частиц) – частицы рассеиваются* – ОП-2 (при этом важно иметь в виду, что на денотативном уровне обе разновидности ОП представляют собой одну денотативную единицу);

2) более широкий подход, когда под ОП понимается не только указанная модель: глагольный + именной компонент, но и некоторые другие, например:

краткая форма прилагательного (присущ, свойствен, характерен, типичен) + существительное в именительном падеже, которое коррелирует с прилагательным: *Маше присуща скромность – Маша скромная*¹.

В связи с существованием нескольких моделей трудно дать краткое и исчерпывающее определение ОП. При более широком подходе удобно принять следующее определение: «Описательными предикатами... мы называем дескрипции, состоящие из двух слов, где семантически главное слово занимает позицию синтаксически зависимого, а синтаксически главное, стержневое слово, на основе которого формально и строится словосочетание, выполняет строевые функции и:

а) либо в значительной степени десемантизировано: *оказать помощь – помочь*;

б) либо является родовым словом по отношению к семантически главному: *синий – синего цвета*².

В литературе об ОП существует понятие об ОП, семантически тождественных однословному предикату – *производить подсчет – подсчитывать*, и ОП, семантически близких – *заливаться смехом – смеяться* (Мордвилко –1956). Однако утверждение о семантической тождественности соотносительных предикатов опровергается функциональной грамматикой.

В самом деле, в речевой реализации обнаруживается семантическая неравнозначность этих синтаксических объектов и выявляются ограничения или даже запреты на употребление одной из соотносительных форм. Будем рассматривать эти ограничения и запреты в рамках традиционного подхода к ОП, т.е., на материале синтаксической модели «глагол + именной компонент»: ОП-1 – *производить вопрос* и ОП-2 – *произошел взрыв*. Определяющим признаком для причисления словосочетания к классу ОП будем считать его главное сущностное свойство: представлять на денотативном уровне одну единицу. На вербальном уровне этот признак проявляется в том, что словосочетание имеет соответствие в виде одного слова, например, *принимать участие – участвовать*.

Запреты на замену могут носить *морфологический, синтаксический, семантический и стилистический* характер. Морфологический характер запретов проявляется в том случае, если особенности глагольной основы препятствует образованию отглагольного существительного (синтаксиче-

¹ Более подробно об этом см. (Всеволодова 2001: 24-31).

² Там же.

ского деривата)¹. Приведем некоторые **морфологические запреты**.

1.1. Не образуются отглагольные существительные (синтаксические дериваты, далее – СД) от глаголов, мотивированных существительными-названиями неодушевленных предметов, образованных от своих производных при помощи суффикса *-ить* и имеющих значение 'действовать подобно предмету, совершать действие, как': *винтить, пружинить, семафорить*. В семантике данных глаголов содержится элемент сравнения: *нарушить* – 2. *надуться от ветра как парус* (МАС, 3,27); *пружинить* – *быть упругим и гибким, прогибаться и распрямляться подобно пружине* (МАС, 3, 549). Образованию СД со значением действия препятствует семантика самого глагола, его метафорическое, переносное употребление 'действовать подобно винту, гвоздю, пружине, семафору'. От приставочных глаголов отглагольные существительные образуются: *привинтить* – *привинчивание*); от глаголов *нарушить* и *пружинить* префиксация невозможна.

1.2. Не образуются существительные СД от глаголов на *-ить*, имеющих значение 'действовать с помощью предмета': *арканить, барабанить, гарпунить, лопатить, шпиргалить, шпилить, шпорить*. От производных этих глаголов СД образуется: *заарканить* → *заарканивание*, но некоторые глаголы вообще не образуют СД, например, *барабанить, шпиргалить*.

Семнадцать следующих глаголов на *-ить*: *багрить, боронить, бурить, жалить, косить, мотыжить, неводить, пилить, рулить, сверлить, стопорить, таранить, трафаретить, утюжишь, ишпорить* – образуют имена действия, присоединяя к своей глагольной основе суффиксы *-б(а)*, *-к(а)*, *-ние/ -ение*, а в случае *грабить* и *бомбить* – *-еж(к'а)*. Имена действия образуются не от всех лексико-семантических вариантов, а только от тех, которые употребляются в своем прямом значении: *пилить* → *тылка* (МАС, 3,122), 2. разг. о насекомых – *кузнечик пилит* – СД не образуется.

1.3. Не образуются отглагольные существительные от глаголов, мотивированных существительными – названиями явлений природы, образованных с помощью суффикса *-ить* и имеющих значение 'действовать подобно тому явлению природы, которое названо мотивирующим словом': *буранить, вьюжить, дождить, маросить, пуржить, снежить, шпорить*.

1.4. Не образуются отглагольные существительные СД от производных инхоативных глаголов, мотивированных существительными – названиями животных, образованных при помощи суффиксов *-ить, -еть*, имеющих значение 'приобретать признаки, свойственные тому, кто назван мотивирующим словом': *воронить, звереть, ишачить, совет*. Появлению СД препятствует признаковое значение данных глаголов.

1.5. Не образуются отглагольные существительные СД от инхоативных глаголов, мотивированных прилагательными со значением цвета с суффиксом *-еть*. Эти глаголы имеют значение 'становление или выявление признака': *алеть, багроветь, багрянеть, белеть, буреть,*

¹ Эта проблема исследовалась Шуваев М. См. Приложение к диссертации В.А. Кузьменковой «Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке». – Дисс... канд. филол. наук. М., 2000.

голубеть, зеленеть, золотеть, краснеть, лиловеть, пунцоветь, розоветь, рыжеть, светлеть, сереть, сизеть, синеть, темнеть, чернеть. Для них характерно пассивное приобретение признака, которое несовместимо со значением отвлеченного действия, присущего дериватам. Отглагольные существительные могут образовываться от приставочных глаголов: *белый* → *белеть* → *0*, но: *побелеть* → *побеление*. Синтаксические дериваты *побеление, покраснение, посинение* формально мотивированы производными глаголами *покраснеть, побелеть, посинеть*, а семантически – глаголами *белеть, краснеть, синеть*.

1.6. Не образуются СД от глаголов, мотивированных качественными прилагательными, образованных от своих производных при помощи суффикса *-еть* и обозначающих 'приобретение признака' (148 глаголов): *беднеть, бледнеть, веселеть, грубеть, густеть, дешеветь, добреть, круглеть, плотнеть, полнеть, редеть, твердеть* и т.д. В роли СД употребляются существительные, образованные от прилагательных (параллельно с глаголом): *веселый* → *веселость; веселый* → *веселеть* → *0*, или отглагольные существительные, образованные от префиксального глагола: *светлый* → *светлеть* → *0*, *светлый* → *посветлеть* – *посветление*.

1.7. Не образуются СД от глаголов на *-ить*, обозначающих 'действие, имеющее отношение к признаку', 'наделение признаком, названным мотивирующим прилагательным': *грязнить, голубить, дырывать, молодить* и т.д. Препятствует образованию СД признаковая семантика глагольной основы, не сочетающаяся со значением действия словообразовательного аффикса. СД могут образовываться от производных глаголов, образованных путем префиксации. Присоединение префикса придает глагольной основе значение действия: *грязнить* → *0*, *загрязнять* → *загрязнение*.

1.8. От глаголов со значением 'проявлять признак, названный мотивирующим прилагательным': *горчить, гнусавить, дерзить, картавить, косолатить* и т.д. СД формально не образуются, но в семантическом плане роль СД выполняют существительные, параллельно с глаголами мотивированные прилагательными или сами производящие существительные: *дерзкий* – *дерзость, дерзкий* – *дерзить*.

1.9. Глаголы, мотивированные существительными-названиями лиц со значением 'совершать действие, свойственное лицу, названному мотивирующим словом', образованные от производящих с помощью суффиксов *-ить, -ать, -овать, -ствовать, -ествовать*, образуют существительные, формально не являющиеся отглагольными именами действия, но на уровне предложений они могут выполнять роль СД: *Его дед долгие годы бурлачил* = *Его дед долгие годы занимался бурлачеством*. Существительные типа *бурлачество, казачество, тиранство, шаманство* по форме мотивированы производящими существительными-названиями лиц, а по смыслу – отыменными глаголами *бурлачить, казачить, тиранить, шаманить*. Подобные существительные имеют значение 'деятельность, поведение'.

1.10. Не образуют отглагольных существительных СД стилистически сниженные глаголы, имеющие просторечный характер: *бултыхаться, колупать, кромсать, валандаться, изгаляться, мордовать* и др. Сюда же относятся производные глаголы совершенного вида, образованные от глаголов несовершенного вида при помощи суффикса *-ануть*, имеющие

значение 'однократно и, как правило, резко, интенсивно или неожиданно совершить действие, названное мотивирующим словом': *давануть, жигануть, копануть, стегануть, сказануть, трепануть, тряхануть, толкануть, хлебануть, черпануть* и т.д.

Логично предположить, что в случае отсутствия отглагольных существительных ОП также не может быть образован, и предикат в подобных случаях выражается только одной глагольной словоформой. *Морфологические запреты* не обусловлены контекстом, как, например, синтаксические и семантические.

Не зависят от контекста также те случаи, когда ОП является единственно возможной формой для выражения какого-либо значения, так как не существует глагольной лексемы, которая бы выражала это значение. Назовем это явление «*лексическими запретами*». В случае с лексическими запретами на замену проблема ОП соприкасается с проблемой аспектуальности, которая в сфере функционирования ОП исследована недостаточно.

Рассмотрим некоторые примеры:

1) ОП *произвести переполох* (с глаголом-экспликатором сов. в. *произвести*) при определенных условиях может быть заменен однословным предикатом *переполошить*. ОП *производить переполох* (с глаголом-экспликатором несов. в. *производить*) не может быть заменен однословным предикатом, так как такого глагола в форме несов. в. не существует.

2) ОП *оказывать сопротивление* (с глаголом-экспликатором несов. в. *оказывать*) имеет соотносительный однословный предикат *сопротивляться*. ОП *оказать сопротивление* (с глаголом-экспликатором сов. в. *оказать*) не имеет соотносительного однословного предиката, значит, замена невозможна.

«*Базаров взял на руки ребенка, который, к удивлению Фенечки и Дуняши, не оказал никакого сопротивления и не испугался*» (Тургенев). В этом предложении возможна только форма ОП.

3) ОП *делать гримасы* (глагол-экспликатор несов. в. *делать*) имеет соотносительный однословный предикат «*гримасничать*».

ОП *сделать гримасу* (глагол-экспликатор сов. в. *сделать*) не имеет соотносительного однословного предиката, следовательно, замена невозможна. «*Ребенка окрестили; причем, он сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник*» (Гоголь). В этом предложении возможен только ОП.

Примечание 1. Довольно часто (но не всегда) именной компонент меняет число (единств/множ) в зависимости от вида глагола-экспликатора, как в последнем примере (делать гримасы – сделать гримасу, наносить удары – нанести удар), однако строгая закономерность в отношении категории числа в этом случае нами пока не установлена.

Примечание 2. Вероятно, к лексическим следует отнести также проблему образования ОП с однопольными и разнонаправленными глаголами. Существует запрет на использование в ОП так называемых разнонаправленных глаголов движения, употребленных в переносном значении. Так, возможен ОП *нести ответственность, потери*, но невозможны ОП **носить ответственность, потери; вести записи, протокол, переписку, переговоры* (при невозможности – **водить записи,*

протокол, переписку, переговоры); идет собрание, заседание (при невозможности – *ходит собрание, заседание).

Примечание 3. Замена ОП на однословный предикат невозможна, если именной компонент выражен сложным словом: *кораблекрушение, землетрясение, теплообмен, оспопрививание*. «На Курилах произошло землетрясение силой в 5 баллов»; «Свидетельство дано повивальной бабке Софье Любимовой в том, что она занималась практическим оспопрививанием и оказала удовлетворительные успехи».

Перейдем к запретам, которые зависят от контекста, -- синтаксическим и семантическим, т.е. опишем условия дополнительной дистрибуции.

1) Если в качестве именного компонента ОП выступает специально определенное понятие из области социальной сферы, религии, искусства или строгий научный термин, то замена на однословный предикат невозможна или, по меньшей мере, нежелательна или ограничена. В предложении «*Маятник совершает крутильные колебания*» терминологическим становится сочетание существительного вместе с определяющим его прилагательным (колебания бывают *малыми, гармоническими, линейными, одномерными, крутильными, синусоидальными, параметрическими*), поэтому замена на однословный предикат нарушает семантику научного текста. В этом случае работает закон сохранения термина. В предложении «*Кстати, сам пострадавший еще после первого покушения не слишком охотно давал показания*» замена на однословный предикат невозможна, так как «*показания*» – термин юриспруденции. Между глагольным и именным компонентом можно вставить определение: «*Сейчас капитан взят под стражу и дает подробные показания*». Возможны «*правдивые, лживые, запутанные показания*». Нежелательны замены в предложениях «*Я решила сделать влажную уборку*»; «*Колхозники ведут подкормку озимых*», «*Прозвезда переворот в науке, Либих произвел переворот и в преподавании химии*», так как именной компонент выполняет роль специально определенного понятия.

В ОП *дать обет, нести послушание, принять схиму* именной компонент также имеет значение специально определенного понятия, поэтому ОП не могут трансформироваться в однословный предикат, так как значение глагола шире, чем значение ОП. Например, слово «*послушание*» в словаре С.И. Ожегова определяется так: 2. *В монастырях: обязанность, которая возлагается на каждого монаха, а также специальная работа, назначенная во искупление греха, проступка*. Приведем примеры: «*Если многие требования монашеской жизни в монастыре, близком к столице и многопосещаемом, не нравились ему, соблазняя его, все это уничтожилось послушанием: не мое дело рассуждать, мое дело нести назначенное послушание*» (Голстой). «*Все, как всегда, были тронуты, а Касатский, помня прошедшее, плакал слезами и дал обет служить любимому царю всеми своими силами*» (Голстой).

2) Как было замечено Ю.Д. Апресяном (Апресян, 1974), на выбор формы предиката оказывает влияние категория одушевленности/неодушевленности субъекта предложения. Так, ОП «*испытывать нужду*» возможен только при одушевленном субъекте, обозначающем лицо или группу лиц: «*Соня испытывает нужду в деньгах*», «*Институт испытывает нужду в квалифицированных кадрах*», но невозможно **Дом испытывает нужду в ремонте*. Предикат в виде одной словоформы

употребляется при субъекте, который обозначает лицо, учреждение, интеллектуальное явление: «*Квартира нуждается в ремонте*», «*Ребенок нуждается в постоянном внимании*», «*Гипотеза нуждается в проверке*». При одушевленном субъекте возможны обе формы предиката, но при неодушевленном – только однословный предикат, замена на ОП невозможна. Вероятно, здесь (как и в других ОП!) важна также семантика именного компонента, так как «*Тело испытывает давление*» – вполне естественная конструкция. При наличии соотносительных предикатов *произвести посадку* – *сесть* следует иметь в виду, что «посадка» функционирует как термин в авиации, поэтому ОП уместен в предложении *Самолет произвел посадку*, но невозможно: **Иван совершил посадку на диван*. Естественным будет предложение *Иван сел на диван*. Существуют ограничения на замену, обусловленные контекстом, при употреблении соотносительных предикатов *сделать заявление* – *заявить*, *сделать предложение* – *предложить*. Причина в первом случае (*сделать заявление* – *заявить*) состоит в том, что значение именного компонента сужено и обозначает определенное понятие, употребляющееся чаще всего в официальных, политических текстах. *Сделать заявление* может только официальное лицо или группа официальных лиц: «*Правительство России сделало официальное заявление*». Но неуместно: **Вчера мой сын сделал заявление, что не пойдет на урок физики*. Во втором случае (*сделать предложение* – *предложить*) действует следующее правило: если «предложение» обозначает некое особое «ритуальное» действие, то возможен только ОП. Например: «*Дима сделал Юле предложение, так что они скоро поженятся*». То же самое в предложении «*Касатский сделал предложение и был принят* (Толстой).

Перейдем к синтаксическим запретам.

1) Замена на однословный предикат запрещена при отсутствии позиции объекта: *Он сделал мне подарок*; *Российские ученые сделали важное открытие*; «*В. Матезиус сделал открытие, показав, что явление, в котором видели психологическую природу, в действительности есть явление лингвистическое*» (при невозможности: **Он подарил мне*; **Российские ученые открыли*, **В. Матезиус открыл, показав...*).

2) Употребление ОП предпочтительнее, если позиция перед именным компонентом занята числительным: *Маятник сделал 87 000 колебаний*.

3) Только ОП употребляется в тех случаях, если позиция перед именным компонентом занята прилагательным, от которого не может быть образовано наречие, или отрицательным местоимением: «*И действительно, он мне дал очень много метких указаний, каких я никогда не слышал ни от одного профессора пения*» (Куприн); «*Однако пока Москва даже неофициально не делала никаких предложений такого рода*».

4) Замена предложений с ОП на предложения с однословным предикатом затруднена, если в модели ОП отсутствует семантический субъект, обычно занимающий позицию родительного приименного: «*Если происходит некоторое поглощение, то за это время пропадает импульс*».

«*С внешней стороны Касатский казался самым обыкновенным молодым блестящим гвардейцем, делающим карьеру, но внутри его шла сложная и напряженная работа*» (Толстой).

5) Глагольный и именной компонент в ОП не всегда стоят рядом друг с другом. Они могут быть отделены другими членами предложения («*Его вид привел всех присутствующих в неопишуемое изумление*») или находить-

ся в разных частях сложного предложения, что часто становится препятствием к замене на однословный предикат: «Я прошу Съезд обсудить то нетерпимое дальше угнетение, которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры» (Солженицын). «Замысел «Черного квадрата» связан с оформлением оперы «Победа над солнцем», которое Малевич осуществил в 1913 году» (Подпись под картиной в музее).

Стилистические различия обуславливают употребление той или иной формы соотносительных предикатов *выдвинуть предположение – предположить, производить кормление – кормить, совершить покупку – купить, дать объяснение – объяснить*. В разных стилях используются ОП разных групп, и использование, например, ОП ядерной группы в повседневной речи приводит к комическому эффекту, что было остроумно подмечено учеными – физиками в книге «Физики шутят»:

-Папа, я хочу на завтрак кукурузных хлопьев. Неужели и сегодня овсянка?

-Да. Мама выдвинула предположение, что ввиду похолодания будет полезно повысить температуру твоего тела путем поедания тобой овсянки».

Как утверждал Ю.Д. Апресян, «овобода перефразирования тем больше, чем менее маркированным является перефразирующее средство и контекст, в котором употреблено исходное выражение. Наименее маркированными естественно считать контексты, в которых исходное слово имеет минимум синтаксических связей с другими словами и употреблено в простом, нераспространенном, утвердительном, неотрицательном, немодальном предложении в изъявительном наклонении настоящего времени» (Апресян, 1974 : 344).

Приведенные нами случаи запретов и ограничений на замену двух соотносительных форм предиката свидетельствуют о том, что при кажущемся их формальном тождестве существуют определенные условия употребления ОП или однословного предиката, и выбор одной из форм предиката контекстуально обусловлен.

Литература

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
Всезолодова М.В. Описательные предикаты и их соотносительность с денотативной структурой предложения // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 3. М., 2001.
Кузьменкова В.А. Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.
Мордвилюк А.П. Глагольно-именные описательные выражения в современном русском языке. АКД. М., 1956.

С. И. Кокорина

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОВЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ, СВЯЗАННЫМИ С КАТЕГОРИЯМИ РЕФЕРЕНЦИИ И ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Несколько вступительных замечаний

Иногда хорошо известные языковые факты снова привлекают к себе внимание, если посмотреть на них с точки зрения их реального употребле-

ния в речи. Например, можно сказать *Дельфин – морское млекопитающее* или *Дельфины – морские млекопитающие*; Иными словами, при генерализации, когда мы называем класс исчисляемых объектов в целом, существительное может выступать и в единственном, и во множественном числе. Однако всегда ли мы располагаем такой свободой выбора? Есть ли позиции, способствующие или препятствующие таким трансформациям? Или, с лексической точки зрения, в каких позициях существительное, называющее объект, поддающийся счету, может развивать собирательное значение, а в каких нет?

Понятие генерализации имеет свои координаты в системе референтности, определенности или неопределенности дескрипции: генерализация связана с определенностью дескрипции при нереферентном ее употреблении.

Однако расхождения в толковании и использовании терминов референтность/нереферентность, определенность/неопределенность номинаций столь значительны,¹ что необходимо уточнить те исходные положения, на которые впоследствии я буду опираться при анализе конкретного языкового материала.

Исходные положения.

1. Категория референтности связана с прямым соотношением слова в данном высказывании (как элементе речи) с конкретным единичным или множественным объектом, существующим (или существовавшим) в действительности. Этот объект существует безотносительно к его номинации в каком-либо языке; он имеет некоторые физические параметры: категория референтности как бы «возвращает» язык к действительности, миру.² Остановимся на некоторых особенностях денотата в отличие от денотата и сигнификата.

а) Референт противопоставит денотату, т.к. денотат связан с языковыми реалиями: это множество объектов, явлений, действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т.д.), которые могут именоваться данной языковой единицей. С логической точки зрения, это «объем понятия» или экстенционал, обусловленный совокупностью свойств объекта, независимо от времени и пространства. По словам Н. Д. Арутюновой, денотат слова «кит» есть множество объектов, относительно которых верным будет высказывание «X – кит» (т.е. множество объектов, удовлетворяющих свойству «быть китом»). Денотат слова «кошка», «тигр», «волк» включен в денотат слова «хищник», а денотат слова «хищник» в денотат слова «животное» и т.п. С этой точки зрения неправомерно говорить о денотате референтных выражений, если они не занимают позиции таксономического предиката (Ср.: *Это тигр очень опасен* и *Это тигр*). «Денотативное значение связано с объективным (когнитивным) компонентом смысла; кстати, есть

¹ Детальный обзор литературы по данному вопросу можно найти в следующих работах: «Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках», М., 1979; «Новое в зарубежной лингвистике», вып. XIII М., 1982; «Балканский лингвистический сборник», М., 1977; Н. Д. Арутюнова, «Предложение и его смысл», М., 1976.

² Такое понимание ближе всего к дейктической теории референтности, предложенной Д. Капланом: Kaplan D. в кн. *Syntax and semantics*, V 9 – Pragmatics NJ – SF – L. 1978.

понятие денотативного значения, но по отношению к референции мы говорим не о значении, а об употреблении.

Итак, денотат, в отличие от референта :

- 1) связан с понятийным содержанием объекта и его языковой номинацией;
- 2) не связан непременно с данным высказыванием как элементом речи, не зависит от определенной коммуникативной ситуации.

б) Референт противопоставит сигнификату, который (как и денотат) связан с понятийным содержанием языкового знака, но (в отличие от денотата) отражает преломление свойств денотата в человеческом сознании: это содержание понятия (обладающего специфическими коннотациями) или интенционал. Сигнификат противопоставит референту как идеальное, психическое образование материальному.

Указание на один и тот же референт может иметь разные способы выражения при выделении разных признаков, т.е. один референт может быть соотнесен с разными сигнификатами.

Предметная отнесенность противопоставляет референт смыслу знака (сигнификату), а соотнесенность с конкретным речевым актом – денотату.

Категория референтности / нереперентности релевантна только или прежде всего для существительных, называющих конкретные, материальные объекты действительности. С этой точки зрения, такие слова, как «бег», «любовь», «слава», всегда употребляются нереперентно.¹

Таким образом, если представить себе «траекторию» движения от объектов действительности к понятию и слову, то мы получим такую последовательность:

РЕФЕРЕНТ _____ ⇒ ДЕНОТАТ _____ ⇒ СИГНИФИКАТ

объект действительности в определенной ситуации.	совокупность объектов, явлений действительности, наделенных определенными признаками, имеющая определенное наименование (экстенционал)	содержание понятия (интенционал)
--	--	----------------------------------

2. По мнению многих исследователей, определенность и неопределенность дескрипции – это две особые категории, а не просто два члена одной оппозиции, причем неопределенность более сложная категория, чем определенность. Т.М.Николаева выделяет три подкласса определенности (Николаева 1979:141):

- 1) определенность уникальности (*Солнце, Земля*);

¹ Однако есть попытка распространить оппозицию референтности – нереперентности и на слова, называющие собирательные, отвлеченные понятия, свойства, качества и т.п., приравнивая их к объектам действительности. В этом случае размывается граница между референтом и денотатом. Употребление некоторых конкретизирующих распространителей может привести к возникновению элемента референтности. Сравните: *Бег по утрам очень полезен* (слово «бег» употреблено нереперентно) и *Бег Игоря воспитал всех* («то, как бежал Игорь» – может быть референтно, т.к. соотнесено с конкретным действием конкретного лица. Но вообще вопрос о референтности отвлеченных понятий спорен: его легче решить при неразличении категорий референции и денотации, и такой подход к данной проблеме существует.

- 2) определенность ситуации (*Закрой дверь!*);
- 3) определенность контекста.

Однако, кроме этих случаев, определенная дескрипция выступает также и при назывании класса объектов в целом – при генерализации: *The lion is a carnivorous animal.* (*Лев – хищник*).

Характерно, что здесь мы имеем определенную дескрипцию при ее нереферентном употреблении, поскольку в этом случае невозможно соотнести «the lion» с конкретным львом в определенной ситуации (Ср. *The lion was my friend – Этот лев был моим другом*) (Ревзина 1977:84).

Если определенность дескрипции маркируется в значительной мере по когнитивной функции, то неопределенность – по коммуникативной. Неопределенность обусловлена в первую очередь позицией, намерением говорящего. Специфика этой позиции может определяться двумя разными факторами:

1) Говорящий по тем или иным причинам не владеет полной информацией о данном конкретном объекте действительности, признаке, обстоятельствах – чего-то не знает, забыл, не имеет четкого представления. Например, если я говорю: *Смотри, на столе лежит (какой-то) журнал*, слово «журнал» употреблено референтно (я его вижу и могу описать его внешний вид), однако я не знаю, чей он или как называется, как сюда попал и т.п. Позиция слушателя может быть двойкой:

а) *Не знаю, кто-нибудь оставил* (со стороны слушателя – также неопределенность – при референтном употреблении);

б) *Да, это мой журнал, это «Вокруг света»* (для слушателя и определенность и референтность).

2) Неопределенность дополняется нереферентностью, если говорящий еще не выбрал конкретного объекта и поэтому называет только класс объектов: то, о чем он говорит, только элемент некоторого класса. Например: *Принеси мне журнал или газету – почитать в дороге* (какой-нибудь, какую-нибудь); *Пойду куплю Кате подарок. – Что ты купишь? – Что-нибудь куплю, может быть сумку.*

3) Говорящий при определенной коммуникативной установке отвлекается от индивидуальных характеристик конкретного объекта: он сообщает слушателю только название класса: данный объект – один (или несколько) из некоторого класса. Такое коммуникативное задание ярко проявляется при употреблении неопределенных местоимений с частицей "кое-": Например: *Я тебе купила кое-какие книги. Сейчас покажу.* Говорящий не конкретизирует сразу: для слушателя возникает нереферентность и неопределенность, а для говорящего – референтность, но неопределенность как речевая тактика.

4) Неопределенность дескрипции может возникать и тогда, когда говорящий впервые вводит в коммуникацию название некоторого объекта, постепенно «развертывая» информацию о нем. Сначала это только один, некий из данного класса. Например: *На другом берегу стоял дом. В этом доме я бывал раньше очень часто. Там жил мой приятель Колька.* Говорящий употребляет слово «дом» референтно (такой дом существовал и он его помнит), но использует при данной речевой тактике неопределенную дескрипцию: *On the other bank stood a house. I used to go to that house quite a lot. My friend Kolka lived there.*

А для слушателя могут быть разные варианты:

а) Он ничего не знает об этом доме – тогда здесь и нереферентность и неопределенность;

б) Он тоже знает этот дом (*Я знаю этот дом и тоже часто бывал там*) – тогда для слушателя нет ни нереферентности, ни неопределенности.

Может быть и обратный вариант: для говорящего есть реальная неопределенность при референтности, а для слушателя неопределенности нет: *Смотри, на том берегу (какой-то) дом! – Я хорошо знаю этот дом, там живет мой приятель Игорь.*

Итак, категория неопределенности связана либо с реальной неопределенностью для говорящего каких-нибудь признаков объекта, либо определенной речевой тактикой названия объекта, например, только по его принадлежности к некоторому классу. Неопределенность дескрипции и нереферентность ее употребления, как мы видели, далеко не всегда симметричны. Самый простой пример из артиклевого языка: *I see a rose* (явно референтное употребление, но неопределенная дескрипция!). *The rose is lovely.*

Анализ языковых явлений

1. Остановимся на особенностях выражения в русском языке генерализации, когда определенность дескрипции сочетается с нереферентностью ее употребления, т.к. невозможно представить себе реально совокупную множественность некоторых объектов «вобщем».

Айсберг – ледяная гора, плавающая в океане, Дирижабль – управляемый аэростат, Краб – это морской рак и т.п. Весь класс объектов в данном случае представлен существительным в единственном числе – ему придано собирательное значение. Явление генерализации массово представлено в толковых словарях, словарях иностранных слов и энциклопедиях: это громадный массив биномипативных предложений с идентифицирующим и квалифицирующим значением.

Там, где мы имеем строго научную идентификацию при «равнообъемности» понятий, замена единственного числа на множественное привносит значение простой множественности, например: *Вольт – основная единица разности электрических потенциалов...* – *Вольты – основные единицы разности электрических потенциалов...*; *Планета – несамосветящееся небесное тело, по форме близкое к шару...* – *Планеты – несамосветящиеся небесные тела, по форме близкие к шару...* Но чем «свободнее» определение, чем сильнее квалифицирующее или характеризующее значение – при «разнообъемности» понятий, – тем больше употребление множественного числа может просто маркировать денотативную основу генерализации – ведь речь идет о совокупности, множественности объектов, – и тем возможнее вариативность: *Сова – ночное животное – Совы – ночные животные; Кит – не рыба, а млекопитающее – Киты – не рыбы, а млекопитающие; Лилия – луковичное растение – Лилии – луковичные растения; Путешествие / путешествия – лучший вид отдыха.*

Множественное число при назывании класса встречается и в словарях, иногда параллельно с единственным: *Инфузория ... инфузории – класс наиболее развитых простейших, обитающих в пресных и соленых водах и т.д.; Дельфин ... дельфины – семейство морских млекопитающих и т.д.* (Словарь иностранных слов 1979).

Это также названия народностей:

Поляки – западнославянский народ, составляющий основное население Польши; Нанайцы – народность тунгусо-манчжурской языковой группы, живущая в бассейне реки Амура и т.д. (Ожегов 1964).

В частных случаях, при употреблении классифицирующих слов «род» или «вид», множественное число определяемого существительного невозможна. Например: Краб – род морского рака, Щезлонг – особый вид кресла, Изюбр – вид оленя, Эвкалипт – род австралийских деревьев из семейства миртовых.

У И.И.Ревзина есть работа (Ревзин 1969:12), в которой он специально обращает внимание на употребление множественного числа для названия класса в целом, – даже если в реальной коммуникативной ситуации выступает только один объект. Например, увидев одну змею, девушка кричит: Ой, тут змеи! Наткнувшись на один гвоздь, мы можем сказать: Осторожно, тут гвозди! Подавившись одной рыбной костью, говорим: Ешь осторожнее, кости! Но частотны и другие употребления: Что русскому здорово, то немцу смерть, И слышно было до рассвета, как ликовал француз (в немецком здесь, кстати, «Der Franzose»), что характерно для генерализирующего значения).

Вообще И. И. Ревзин подчеркивает, что позиция генерализации, когнитивное значение универсальности, – наиболее показательны для определенного артикля. При явной нереферентности употребления!

Однако существует проблема – какие факторы ограничивают выбор единственного или множественного числа существительного при генерализации:

- специфика синтаксической конструкции?
- какая-либо грамматическая или лексическая особенность предиката?
- некоторые стилистические параметры, явления («узуса»)?

1) Наблюдения показывают, что взаимозамена форм в принципе возможна в большинстве конструкций с именным или глагольным предикатом: Белая роза / Белые розы – символ чистоты; Хороший специалист / Хорошие специалисты – теперь редкость; Акула очень опасна – «Акулы очень опасны;

Чудах всегда немного смешон – Чудаки всегда немного смешны; Снежный барс вымирает – Снежные барсы вымирают; Ворон живет очень долго – Вороны живут очень долго; Порядочный человек так не поступает – Порядочные люди так не поступают; Полиглот владеет многими языками – Полиглоты владеют многими языками;

Взаимозамены возможны и при существительных в позиции дополнения: Посадить сад / Сажать сады – дело благородное; Спорить с дураком / дураками – бесполезно; Уничжать ученика / учеников недопустимо; Лишить обвиняемого / обвиняемых права на защиту незаконно; Читать чужое письмо / чужие письма неприлично.

2) Однако есть конструкции, в которых употребление множественного числа при генерализации явно превалирует. Это предложения с значением наличия или отсутствия чего-либо. В литературе детально описано употребление неопределенных дескрипций в экзистенциальных предложениях типа Там есть гостиница (There's a hotel there): существительное в единственном числе всегда называет один из элементов некоторого класса (в данном случае класса «гостиниц»). В случае Там есть гостиницы возможны два толкования: либо речь идет о

нескольких элементах некоторого класса (простая множественность), либо о названии класса «гостиниц» вообще (генерализация). Например: *Там есть грибы, ягоды, комары, волки и т.п.* Единственное число при генерализации встречается достаточно редко, когда данное «считаемое» существительное развивает собирательное значение: например, *Там в этих лесах есть сосна, береза, ясень; Там водится снежный барс.* В целом в экзистенциальных предложениях генерализация маркируется множественным числом. Например: *Там есть прекрасные специалисты; В пустыне бывают пыльные бури; Разве в Индии бывают наводнения?; У вас хороший зоопарк? А тигры у вас есть?; Есть города, которые не забываются.* Мы называем класс «считаемых» предметов существительным во множественном числе обычно даже тогда, когда нам нужен только один предмет: *Простите, у вас есть лимоны? Дайте один!; У вас есть лампочки – сто свечей? Мне одну!* и т.п.

Так же и в предложениях с значением отсутствия: в большинстве случаев при генерализации выступает существительное во множественном числе: *Там нет грибов, ягод, комаров, волков, медведей; Там нет болот, пустынь, лесов, гор* и т.п.

Случай типа *Там теперь нет лосося, кедра; Сильнее кошки зверя нет; Комара нет – нет овса, и трав не будет* (В.Даль), сравнительно редки. Иногда при этом возникает значение «ни одной», «ни одного»: *Нет розы без шипов, Нет человека, чтобы худая слава не прошла* (В.Даль).

3) Еще более показательным примером употребления именно множественного числа при генерализации является позиция существительного – дополнения при глаголах, выражающих разного рода отношения человека к чему-либо. Сравните: *Лошадь – прекрасное животное – Лошади – прекрасные животные, но Я люблю лошадей, Ребенок – это радость – Дети – это радость, но Она обожает детей; Домашнее животное создает уют – Домашние животные создают уют, но Она не переносит домашних животных; Подхалим отратителен – Подхалимы отратительны, но Мой отец презирал подхалимов; Волк – санитар леса – Волки – санитары леса, но Многие боятся волков.*

При глаголах, выражающих отношение к чему-либо, генерализующее существительное будет во множественном числе и в позиции подлежащего: *Мне нравятся лошади, Меня привлекают живые инициативные люди, Его восхищали такие мягкие, добрые женщины.*

Однако при выражениях типа «вызывать уважение / восхищение / негодование» и т.п. существительное с генерализующим значением получает возможность выступить в форме единственного числа: *Предатель всегда вызывает презрение (Предатели); Хорошая хозяйка у всех вызывает восхищение (Хорошие хозяйки); Настоящий специалист всегда вызывает уважение (Настоящие специалисты).*

Есть и некоторые специфические случаи: при глаголе «бояться» в личной форме обычно выступает существительное во множественном числе («бояться мышей, воров» и т.п.), но при императиве может выступить и существительное в единственном числе: *Бойся равнодушного / равнодушных! Не бойся волка / волков! Не бойся закона, бойся судьи.* (В.Даль).

Слово «жалоба» всегда выступает во множественном числе: *Постоянные жалобы вызывают раздражение.*

Итак, наблюдения показывают, что могут быть выявлены и исследованы некоторые позиции, в которых в безартикульных языках категории референтности / нереферентности, определенности / неопределенности находят формальное выражение. Необходимо исследование семантики глагола – предиката в его отношении к статусу имен в высказывании.

4) Употребление существительных в генерализующем значении широко распространено в пословицах, поговорках, «крылатых словах». Здесь использование формы единственного или множественного числа закреплено только узусом и выбор той, а не другой формы, не поддается объяснению.

Громадный материал для интересующей нас проблемы дает словарь русских пословиц и поговорок, собранных В. Далем (Даль 1993).

В подавляющем большинстве случаев при генерализации существительное выступает в единственном числе. Это касается именованных и людей, и животных, и вещей (по самым разным признакам). Синтаксическая позиция практически может быть любой, хотя, конечно, преобладает субъектная:

А) *Рыба ищет, где глубже, а человек где лучше; Гром не грянет, мужик не перекрестится; Услужливый дурак опаснее врага; Доносчику первый кнут; Завистливый по чужому счастью сохнет; Наглому дай волю, он захочет и боле; На красавого глядеть хорошо, а с умным жить легко; Не нужен ученый, а нужен смысленный; Бедному жениться, и ночь коротка; Сытый голодного не разумеет; Всякий человек вперед смотрит.*¹

Б) *Конь о четырех ногах, а спотыкается; Кошке игрушки, а мышке слезы; Бодливой корове бог рог не дал; Старый конь борозды не портит; Гусь свинье не товарищ.*

В) *Доброе слово и кошке приятно; Пуля чинов не разбирает; На хороший цветок летит мотылек; Не расти яблочку на елке; Всякий гриб в руки берут, да не всякий в кузов кладут.*²

Характерно, что названия национальностей даются обычно в единственном числе: *Немец своим разумом доходит, а русский глазами; Француз (поляк) боек, а русский строек; Цыган чем голоднее, тем веселее; Татарин либо насквозь хороиш, либо насквозь мошенник; Грек скажет правду дважды в год.*

Так же в единственном числе называют обычно человека по профессии, общественному положению: *Сапожник накуликался, музыкант наканифолится, немец насвистался, лакей нализался, барин налкомонился, солдат употребил, кулчик начокался, приказный нахлестался, чиновник нахрюкался, служивый подгулял.*

Если же речь идет о жителях разных городов и регионов, то, напротив, употребляется множественное число: *Новгородцы – долбежники; Дувовцы – разносчики; Тверитяне – вприглядку с сахаром чай пьют; Боровчане – волгушечники, водохлебы; Суздальцы – богомазы;*

¹ При употреблении множ. числа будет не «всякие» (что может означать и «разные»), а «все люди».

² В отличие от словаря С. И. Ожегова, где, напротив, они во множественном числе.

Ярославцы – красавцы, песенники, кукушкины детки (мужики мало дома живут); Костромичи в кучу, а Ярославцы прочь (врозь); Пошехонцы – в трех соснах запутались, ноги под столом перепутали.

Иногда формы единственного и множественного чисел выступают просто рядом, но это сравнительно редкие случаи: Мертвый с погоста не вернется и Мертвых с кладбища не возят; Молодой работает, а старый ум дает и Молодые дерутся – тешатся, старые дерутся – бешатся; Казак и в беде не плачет и Казак – глаза и уши армии, Ласковое теля двух маток сосет и Ласковы телятки сосут по две матки; Каков госсть, таково ему и угощение и Каковы госсти, таков и тир; Доброму человеку – что день, то и праздник и Добрые умирают, да дела их живут; Скутой богач беднее нищего и Скутые, что пчелы, мед собирают, да сами умирают; Мышь одолевает перед голодным годом и Если мышь нагрызут хлеб сверху – голод будет; Свинья чешется – к теплу и Свиньи расхрюкались – к ненастью; Рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля и Все люди, и всяк человек по себе.

Итак, в принципе при генерализации можно употребить «считаемое» существительное и в единственном, и во множественном числе – это не нарушит грамматической правильности выражения данной мысли. Однако, как показывает анализ материала, собранного В.Далем (более 31000 речений), существуют предпочтения, закрепленные узусом: единственное число явно превалирует. Иногда оно «поддержано» рифмой, ритмом. Например: И у цыгана душа не погана; Кто врет, того бы под гнет; Стар да глуп, больше бьют; На урода все не угода; Черного кобеля не отмоешь добела; Каков поп, таков и приход.

Иногда, напротив, употребление единственного или множественного числа поддержано ситуацией, предполагающей явную единственность или множественность. Например: Кошка клубком – к морозу; Собака катается – к дождю и снегу (обычно в доме одна кошка и собака); Ранняя кукушка – к голоду; Кукушка закуковала, пора сеять лен (обычно в лесу слышится кукование одной кукушки); Богатые раньше нас встали, да все расхватали; Турки падают как чурки, наши, слава Богу, стоят безголовы (ситуативная множественность).

В современных крылатых словах, по преимуществу авторских, нет такого явного превалирования единственного числа при генерализации. Трансформации здесь невозможны, т.к. приводят не только к нарушению фразеологической привычности, но и к нарушению авторского права.

<u>Ах</u> , <u>злые</u> <u>языки</u> <u>страшнее</u> <u>пистолета</u> (А. С. Грибоедов);	<u>Человек</u> – это звучит <u>гордо</u> (М. Горький);
<u>Чудаки</u> <u>украшают</u> <u>мир</u> (М. Горький);	<u>В</u> <u>человеке</u> <u>все</u> <u>должно</u> <u>быть</u> <u>прекрасно</u> : и <u>лицо</u> , и <u>одежда</u> , и <u>душа</u> , и <u>мысли</u> (А. П. Чехов);
<u>Что</u> <u>сходит</u> <u>с</u> <u>рук</u> <u>ворам</u> , <u>за</u> <u>то</u> <u>воришек</u> <u>бьют</u> (И. Крылов);	<u>Рожденный</u> <u>ползает</u> <u>летать</u> <u>не</u> <u>может</u> (М. Горький);
<u>Счастливые</u> <u>часов</u> <u>не</u> <u>наблюдают</u> (А. С. Грибоедов);	<u>Болтун</u> <u>подобен</u> <u>маятнику</u> , и <u>того</u> и <u>другого</u> <u>нужно</u> <u>остановить</u> (Козьма Прутков);
<u>Безумству</u> <u>храбрых</u> <u>поем</u> <u>мы</u> <u>песню</u> (М. Горький);	<u>Беда</u> , <u>коль</u> <u>тироги</u> <u>начнет</u> <u>печи</u> <u>сапожник</u> , <u>а</u> <u>сапоги</u> <u>тачат</u> <u>пирожник</u> (И. Крылов);
<u>Рукописи</u> <u>не</u> <u>горят</u> (М. А. Булгаков);	<u>Писатель</u> <u>пописывает</u> , <u>читатель</u>
<u>Когда</u> <u>гремит</u> <u>оружие</u> , <u>законы</u> <u>молчат</u> (Цицерон);	

<p><i>Слова и иллюзии гибнут, факты остаются</i> (Д. Писарев); <i>Лошади кушают овес и сено</i> (А. П. Чехов); <i>Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей</i> («Коммунистический манифест»).</p>	<p>почитывает (М. Е. Салтыков-Щедрин); <i>То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть</i> (Н.А. Некрасов); <i>Театр начинается с вешалки</i> (К. Станиславский); <i>Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо</i> (В. Маяковский); <i>Кто был ничем, тот станет всем</i> (Э. Потье).</p>
---	---

Характерно, что в «крылатых» словах, в основе которых лежат библейские истины, употребляется почти исключительно единственное число существительных: *Не человек для субботы, а суббота для человека, Кто не работает, тот не ест, Имеющий уши слышать, да слышит, Не хлебом единым будет жить человек, Нет пророка в своем отечестве, Кто сеет ветер, пожнет бурю.*

Итак, категории референции, определенности / неопределенности дескрипции, представляющиеся при анализе безартиклевых языков столь теоретически – абстрактными, «подспудно» проявляют себя в разнообразных особенностях, которые необходимо учитывать при употреблении конкретных языковых форм.

Литература

- Даль В. И. Пословицы русского народа // Сб В. И. Даля в 3 томах. М., 1993.
 Николаева Т.М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности/неопределенности //Сб. Категория определенности/ неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
 Ожегов С. И. Словарь русского языка, Изд. VI, М., 1964.
 Ревзин И. И. Так называемое немаркированное множественное число в современном русском языке. ВЯ, 1969, №3, с.12
 Ревзина О.Г. Функциональный подход к языку и категории определенности/неопределенности //Балканский лингвистический сборник, М., 1977
 Словарь иностранных слов. М., 1979.

С. А. Вишнякова (С.-Петербург)

СИНТАКСИС НАУЧНОГО ТЕКСТА КАК ОДНА ИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Обучение пониманию смысла текста – одна из сложных методических задач. Необходимость понимания текста по специальности иностранными студентами-нефилологами, на которых с первого курса он буквально «обрушивается», – актуальная проблема, которая требует оперативного профессионального решения. Современные условия обучения, быстрое включение в учебный процесс, требования государственных образовательных стандартов по русскому языку как иностранному обязывают искать оптимальные пути понимания научно-учебных текстов, осознания развития информации в них, репродукции и продуцирования.

Перед исследователями и преподавателями-практиками встает ряд актуальных проблем: какие аспекты синтаксиса научного текста следует отобрать для обучения пониманию развития внутритекстовой информации, какова их теоретическая основа, на каком этапе обучения и каким образом их можно включить в систему вузовского обучения русскому языку как иностранному?

Одним из путей решения обозначенных проблем является обращение к функционированию предложения в тексте, к его текстообразующей роли, чему в учебниках по русскому языку как иностранному не уделяется должного внимания.

В самом деле, как иностранным студентам-нефилологам обойтись без предложений, в которых предьявляется задача текста или его фрагмента, без предложений, с помощью которых можно перейти от одной мысли к другой, без обобщающих предложений, предложений-выводов. Грамотно их построить, понимать, как они влияют на развитие информации текста, представляется чрезвычайно важным для процесса обучения пониманию текста вообще и научного текста специальности, в частности.

Проблема текстообразующих потенциалов предложения в структурно-композиционном аспекте, в том числе и влияние предложения на прогрессию текста, поднималась во многих исследованиях (J. Firbas: 1964, K. Hausenblas: 1977, 1979, M. Halliday: 1974; Г. А. Золотова: 1979, 1996, Л. М. Лосева: 1980, Н. М. Лариошкина 1979, Р. И. Гальперин: 1981, О. И. Москальская: 1981; М. В. Воробьева: 1988, Г. И. Володина 1989, В. Б. Григорьев: 1991, О. Н. Гришина: 1991, О. Н. Селиверстова: 1992, Г. И. Никитишкина: 1994; С. Г. Ильенко: 1981, 1985, Н. Л. Шубина: 1985, И. А. Мартынова: 1994, М. Я. Дымарский: 1999 и др.).

В настоящее время проанализированы и описаны в лингводидактическом ракурсе композиционные функции предложений (Вишнякова: 2001, 1999).

Обращаясь к теоретическим основам вопроса, отметим, что текстообразующие потенциалы предложения следует квалифицировать как степень воздействия семантической структуры предложения и его формальной организации на семантический объем и структуру текста (Ильенко: 1981). Композиционная текстообразующая потенция предложения связана с его функциональной перспективой, способами развития значимой информации.

Функциональная перспектива предложения играет в тексте *организующую роль* при условии, если рассматривать текст как определенным образом упорядоченную совокупность предложений, объединенных *единством общего замысла, общей коммуникативной интенции или общего коммуникативного задания* (Motsch, Vieniwegger, 1981: 15; Дридже, 1980: 49; Сусов, 1982: 90-103; Юганов, 1978: 156; Клычков, Шварц, 1986: 46). Согласно теории функциональной перспективы, определенный уровень организации предложения располагает его элементы так, что каждый из них несет определенную долю *коммуникативного динамизма*. Такое предложение «двигает сообщение вперед» (Firbas, 1965: 179), участвует в «*функции создания текста*» (Халлидей, 1974: 44), способствует «общей коммуникативной стратегии» развертывания текста в процессе его создания (Гришина, 1990: 29).

Мы убеждены в том, что «общая коммуникативная стратегия текста», его «семантический радиус» напрямую связаны с коммуникативной

задачей текста, которая чаще всего имплицитно выражена в тексте. Функцию такого предложения мы назвали функцией обеспечения прогрессии текста (ФПТ). Прогрессия текста – увеличение его объема и количества информации.

Функцию обеспечения прогрессии текста выполняет предложение, в котором заявлено коммуникативное задание всего текста или одной из его частей. Информация его развивается в последующих микротемах с целью раскрытия коммуникативной задачи текста. (Вишнякова, 1997, 1999, 2001).

При рассмотрении функции обеспечения предложением прогрессии текста (ФПТ) важна проблема рассмотрения исходной информации текста, ради раскрытия которой он строится.

Рациональной для понимания текста считаем идею о том, что существует некий *стимул развития внутритекстовой информации*, который является *не просто темой текста* (О. И. Никифорова, 1947; Н. И. Жинкин, 1956; Л. И. Каплан, 1957; Л. С. Выготский, 1968; Ю. М. Лотман, 1970; Т. М. Дридзе, Н. Б. Сулименко, 1988).

По этому поводу Н. И. Жинкин писал, что, в конечном счете, во всяком тексте, если он относительно закончен и последователен, высказана одна основная мысль, один тезис, одно положение, а «все остальное подводит к этой мысли, развивает ее, аргументирует, разрабатывает» (Жинкин, 1956: 250). Л. И. Каплан (Каплан 1957: 56) считает, что основным условием осмысления целого текста является вычленение предмета мысли и высказывания о нем, т. е. текстовых субъекта и предиката.

На наш взгляд, «доминирующим и господствующим элементом текста» (Выготский, 1968: 204) является данная информация текста, или данное текста (Вишнякова, 1997, 1998, 1999). Семантическое пространство текста развивается от исходной, данной информации к новой. Эта закономерность отражена нами в модели научного текста.

Под *данной информацией текста* мы понимаем исходную информацию, от которой начинается развитие мысли. Она содержится в предложении, передающем коммуникативную задачу текста и способствует его развитию.

Проведенное нами исследование научных текстов показало, что текстовая информация может развиваться в одном или нескольких направлениях. Вектор развития направления задается предложением, в котором заявлена коммуникативная задача текста.

Для того чтобы студентам легче было разобраться в развитии информации текста, целесообразно дать понятие об однонаправленном и разнонаправленном данных. Данное текста *однонаправленное*, если в предложении, содержащем коммуникативную задачу, один смысловой центр (одно данное). Информация текста в таком случае развивается в одном направлении. Например, если коммуникативная задача текста отражена в предложении «Прежде всего следует ознакомиться с высокомолекулярными соединениями – полимерами», то смысловой центр в нем – слово «полимеры». Это означает, что в тексте будет рассматриваться явление именно полимеров, а не какое-либо другое. Информация текста в таком случае будет развиваться в одном направлении, т. е. в тексте однонаправленное данное.

Данное текста *разнонаправленное*, если в предложении, содержащем коммуникативную задачу, несколько смысловых центров (Д₁, Д₂ и т. д.).

Информация текста в таком случае развивается в нескольких направлениях: «Атмосфера делится на три слоя: тропосферу, стратосферу и ионосферу». В предложении три смысловых центра – «тропосфера», «стратосфера», «ионосфера», следовательно данная информация разнонаправленная.

Структурно-смысловые текстообразующие функции предложения целесообразно рассматривать на II курсе обучения иностранных студентов-нефилологов, после того, как на I курсе они получают представление о теме текста, его коммуникативной задаче, микротемах, его данной и новой информации. Технология объяснения предложения в функции прогрессии текста содержит следующее: мотивационную установку, объяснение понятия «прогрессия текста», разъяснение механизма однонаправленного и разнонаправленного данных, работу над моделями.

Другим важным текстообразующим предложением является такое, которое обобщает информацию текста.

Проблема обобщения (трактовка этой категории, интерпретация ее как особого способа отражения действительности) изначально разрабатывалась в трудах Л.С.Выготского (1956). Теория обобщения была продолжена в работах С.Л. Рубинштейна (1957, 1958), М.М.Розенталя (1960), Б.М.Кедрова (1965), В.В.Давыдова (1972).

Обобщение текста связано с категорией ретроспекции (И. Р. Гальперин) и рассматривается с точки зрения перспективной и ретроспективной синсемантики (Л. Г. Фридман, 1975 и др.), связано с категорией результативно-следственных отношений (Л. М. Лосева, 1980).

Для того чтобы иностранные студенты имели представление, какие связи существуют между информацией текста и его заключением, как сформулировать вывод, необходимо иметь представлений о предложении в функции обобщения содержания текста. В методических целях нами предложен вариант ознакомления иностранных студентов с предложением в функции обобщения.

Функцию обобщения текста (ФОТ) выполняет предложение, в котором содержится вывод из предыдущего текстообразования. Оно обычно начинается словами: так, таким образом, в заключение отметим, из сказанного следует, из сказанного можно сделать вывод, из приведенных примеров видно, одним словом. Предложение, выполняющее функцию обобщения текста, расположено в конце текста, его микротемы или части, законченной по смыслу. Его *смысловым центром* является слово или словосочетание, которое обобщает новую информацию предыдущего текста.

В работе над понятием предложения в функции обобщения необходимо показать следующее: его роль в семантике текста – подведение итога, вывода; средства, синтаксически, лексически и семантически маркирующие обобщение; смысловой центр обобщения; связь смыслового центра обобщающего предложения с новой информацией предшествующих микротем; локализацию обобщающего предложения; модель текста с обобщающим предложением.

Важным в текстообразующем плане является предложение, выполняющее роль мостика между двумя смысловыми блоками.

Указания на то, что информация предложения может быть направлена как в сторону предшествующего, так и в сторону

последующего текста, содержится (без подробного разъяснения) в ряде работ о структуре абзаца (Сильман 1975: 209; Леонтьева 1879: 135; Орлова 1982: 57; Тримбл 1985; Откушшикова 1987: 184). Первая часть таких предложений ориентирована на обобщение предшествующего контекста, вторая направлена на актуализацию семантики последующего.

С понятием о таком предложении иностранные студенты знакомятся, чтобы углубить представление о внутритекстовых связях при переходе от одной смысловой части текста к другой.

Анализ лингвистической литературы и собственные наблюдения дают право утверждать, что предложение может выполнять функцию, которую мы назвали *функцией обеспечения двунаправленного развития информации в тексте* (ФДТ) (Вишнякова, 1996, 1997, 1999). Информация такого предложения развивается в двух направлениях: с одной стороны, оно обобщает содержание предыдущего текста, т.е. осуществляет ФОР, с другой – способствует прогрессии последующего текстообразования, т.е. выполняет ФПТ. Предложение в ФДТ находится в интерпозиции – между двумя смысловыми блоками. В нем может быть один или два смысловых центра. Если смысловых центров два, то один из них обобщает содержание предыдущего текста, другой способствует дальнейшему текстообразованию. Если смысловой центр один, то он совмещает в себе эти две функции.

Так, например, в тексте «Функции белков» (Березов, Коровкин, 1990: 17-18) после описания разносторонних функций белков (каталитической, питательной, защитной, транспортной, сократительной и др.) переход от одного смыслового блока к другому осуществляется с помощью предложения «Таким образом, белкам принадлежит разносторонняя роль, которое обеспечивает их главное свойство – способность строго избирательно, специфически соединяться с широким кругом разнообразных веществ». В нем два смысловых центра. Один – «белкам принадлежит разносторонняя роль» – обобщающий, другой – «способность избирательно соединяться» – способствующий дальнейшей прогрессии текста, поскольку далее подробно рассказывается об избирательном соединении белковых структур.

При обучении предложению в ФДТ следует обратить внимание на совмещение этим предложением двух функций – обобщение предыдущей информации и функции обеспечения прогрессии текста. Следовательно, важно не просто найти маркеры такого предложения, но и показать связи его смыслового центра с предыдущим и последующим текстом.

Как показал проведенный нами научный эксперимент, большие трудности у иностранных студентов вызывают тексты с цепной связью информации. В учебниках для студентов-нефилологов такая связь встречаются довольно часто. Причем трудности вызывают логические отношения в таком виде связи: причинные, следственные, условно-следственные, следственно-результативные отношения. Такой вид связи преобладает, например, в учебнике патологической анатомии. Учитывая это, считаем актуальной в иностранной нефилологической аудитории работу над способами развития информации текста (параллельным и цепным) с опорой на их моделирование.

В понимании причинно-следственных отношений придерживаемся точки зрения авторов «Русской грамматики» (Русская грамматика 1980: 562), которые рассматривают каузальность как *связь ситуаций*, при кото-

рой одна ситуация служит достаточным основанием для реализации другой.

Работу над видами связи информации текста целесообразно начинать на втором курсе, когда по программе изучаются причинно-следственные и условно-следственные логические связи. Продолжать рекомендуем на третьем курсе, используя материал предметов специальности, в котором наиболее представлены тексты с цепной связью предложений.

Структурно-смысловые текстообразующие функции предложения связаны с решением коммуникативной задачи текста, следовательно, ее пониманию необходимо уделить с методической точки зрения особое внимание.

Технология внедрения перечисленных аспектов синтаксиса текста включает несколько этапов. К ним относятся: минимизированное и доступное изложение знаний о явлениях научного текста; объяснение текстообразующих явлений на примере анализа научного текста; модельное представление структурно-смысловых связей текста в виде схем сначала с помощью обобщенной модели текста, затем модели анализируемых текстов; постановка умений и навыков путем тренировки на основе выполнения соответствующих упражнений.

Обучение композиционным функциям предложения в тексте и способам развития информации в тексте является более эффективным при использовании *метода моделирования текста*. Он заключается в обучении выявлению ядерных внутритекстовых связей, составлении моделей текста, фиксированных в схеме и необходимых для понимания того, как реализуется в нем коммуникативная задача.

Важное значение в технологии обучения синтаксису научного текста имеют принципы семантического предвосхищения и учета влияния коммуникативного намерения на структурно-семантическую организацию текста.

Под принципом семантического предвосхищения понимается свойство мышления при выявлении модельных связей текста строить вербальные гипотезы развития информации в нем, предвосхищать развитие мысли, еще сенсорно не воспринятой. По отношению к текстообразующим предложениям это означает, что развитие их семантического радиуса может быть спрогнозировано. Развитие способности прогнозирования предусмотрено в концепции обучения пониманию научного текста на основе его моделирования.

Принцип учета влияния коммуникативного намерения на структурно-семантическую организацию текста означает, что коммуникативное намерение автора, заявленное в тексте посредством коммуникативной задачи, влияет на формирование его структурно-семантической организации, в том числе и на текстообразующие потенции предложения (там же).

Обучение текстообразующим функциям предложения должно строиться на основе деятельностного подхода к обучению. Психологической базой обучения пониманию текстообразующих функций предложения в научном тексте являются основы концепции школы Л. С. Выготского. К ним относятся положения: об обучении как формировании *деятельности* (Р. И. Гальперин, Гальзина); об *операциональной* основе деятельности (А. А. Леонтьев); о *динамике сознательности* в формировании навыка (И. А. Бернштейн, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев).

Аспекты синтаксиса научного текста, о которых шла речь (текстообразующие функции предложения, способы связи предложений, смысловые связи данной и новой информации текста, представленные в предложениях разного уровня), являются актуальными в плане лингводидактики. Знакомство с ними необходимо в практике работы с иностранными студентами-нефилологами. Надеемся, что к ним будет привлечено соответствующее внимание со стороны составителей программ, учебников и учебных пособий.

Литература

- Т. Т. Березов, Б. Ф. Коровкин Биологическая химия. М., 1990.
- Вишнякова С. А. Теоретические основы моделирования научного текста. СПб., 2002.
- Вишнякова С. А. Моделирование научного текста в обучении иностранных учащихся: Дисс. докт. пед. наук. СПб., 2001.
- Вишнякова С. А. Прогрессия текста с одновершинным и многовершинным стимулом // Русистика и современность. Жешув, 2001.
- Вишнякова С. А. Смысл и форма научного текста. СПб., 1999.
- Володина Г. И. Описание семантических классов предложений в целях преподавания русского языка как неродного. М., 1989.
- Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968
- Гришина О. Н. О коммуникативной обусловленности развертывания текста // Проблемы лингвистического анализа текста. Коммуникативно-прагматический аспект. Межвузовский сб. науч. тр. – Иркутск, 1990. – С. 28-33.
- Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III-VIII классов. – М.: Изв. АПН РСФСР. Вып. 78. 1956.
- Золотова Г. А. На пути к синтезу. Знание о тексте // Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания РКИ. Кафедры русского языка для иностранных учащихся МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.
- Калпан Л. И. Психологический анализ понимания научного текста // Ученые записки Магнитогорского пед. ин-та: Магнитогорск, МГПИ, 1957. Вып. 4. – С. 39-56.
- Лариохина Н. М. Вопросы синтаксиса научного стиля речи. М., 1979.
- Русская грамматика в 2-х т. М., 1980, т. 2.
- Firbas J. Note on the Transition Proper in the Functional Sentence Analysis. – *Philological Pragmatics*, vol. 8, 1965, p. 170.
- Halliday M. A. The Place of «F. S. P. in the System of Linguistic Description. – *Papers on Functional Sentence Perspective*. Ed. By Fr. Danes. Prague, 1974.

О. Е. Фролова

ГРАММАТИКА И СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА

Описание грамматики русского языка в академической традиции, отраженное в издании 1980 г., зафиксировало структурный этап развития лингвистики. Поворот к прагматике в лингвистике потребовал и «переориентации» описания грамматики на пользователя. В сферу прагматического взгляда на языковой материал попали актуализованные высказывания. Опыт преподавания русского языка как иностранного, ориентированный на коммуникацию на иностранном языке, также основывается на функциональном подходе к языку, и, следовательно, также включает прагматический и референциальный аспекты актуализованного высказывания.

Понимание и продуцирование текстов как на родном, так и на иностранном языках требует не только знания структурных схем предложений и средств межфразовой связи, но и знания специальных правил построения текста, в частности, правил актуализации, благодаря соблюдению которых речевое произведение приобретает новое качество.

Референциальная связность текста достигается соблюдением ряда ограничений на сочетаемость языковых единиц, последовательно реализующихся на уровне словосочетания, предложения, модуса, субъекта речи.

Заполнение/ незаполнение валентностей актантов предиката в предложении отличает предложение, воспринимаемое носителем языка как изолированное и как требующее восполнения контекстом. Мысль о грамматической «недостаточности» отдельного предложения как условия связности целого речевого произведения была высказана И. И. Ревзиным. «Феномен связного текста покоится ... на ненасыщенности отдельных высказываний. Кроме грамматической (субъектно-предикатной) и коммуникативной структуры предложению можно поставить в соответствие текстовую структуру, обеспечивающую получение недостающей информации из других предложений связного текста» (Ревзина 1979: 87; см. также Ревзина, Шрейдер 1979: 175-191).

Сочетание, соединение группы субъекта и предиката требует их сочетания в плане референции актантов предиката, а также временной и пространственно-временной локализации самого предиката (в терминах Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева) (см. Булыгина, Шмелев 1997).

Формирование именной группы (заполнение валентностей имени) и сочетаемость субъекта и предиката формируют связность текста по горизонтали.

По вертикали связность текста формируют система субъектов речи, в которой выделяется главный субъект речи (повествователь или рассказчик, в терминах литературоведения), субъект модуса, сам модус.

Субъект речи в 1-м или в 3-м л. ед.ч. предполагает связность текста в модусе в первой случае и совпадение субъектов речи и модуса в одном, первом лице, а во втором случае связность текста реализуется в диктуме, т.к. при повествовании от 3-го л. ед.ч. возможно (и даже предполагается) несовпадение субъекта речи и субъекта модуса.

Мы сосредоточим наше внимание именно на организации связности текста по вертикали и на том, каким образом модусы участвуют в организации текста.

В качестве одного из важнейших предварительных замечаний отметим, что мы принимаем классификацию модусов, предложенную Н. Д. Арутюновой (Арутюнова 1988; Арутюнова 1998). Ею выделены четыре модусных плана: перцептивный, ментальный, эмотивный и волитивный. Наиболее разнообразным по предикатам пропозициональной установки, с точки зрения Н. Д. Арутюновой, представляется ментальный план, включающий 1) полагание, 2) сомнение и допущение, 3) истинностную оценку, 4) знание, 5) незнание, 6) общую аксиологическую оценку (Арутюнова 1998: 411). К волитивному плану относятся модусы желания и необходимости. К выделенным модусам следует добавить еще модус речи.

Очевидно, что выделенные планы неоднородны по 1) релевантности/ нерелевантности истинности вводимой модусом пропозиции, 2) модальности, 3) способности / неспособности к порождению возможных миров

во вводимой модусом пропозиции. Следовательно, модусы различны по объективности / субъективности пропозиции.

Категория субъекта модуса накладывает ряд ограничений на организацию вводимой пропозиции.

Для перцептивного модуса в отличие от ментального модуса знания не релевантен источник. При перцептивном восприятии важен канал (позиция инструмента: глаза, уши, нос, кожа) и объект восприятия. Перцепция не может быть опосредованной. Для знания важен источник: знание — по знакомству, с помощью логического вывода или с чужих слов.

Перцептивный и ментальный модусы различны по возможности / невозможности совмещения субъекта и объекта вводимой модусом пропозиции (объекта модуса). Еще М. М. Бахтин писал о невозможности воплощения субъекта речи, повествующего от 1-го л. ед.ч. (Бахтин 1979). Фраза *Я себя вижу* возможна при соблюдении нескольких условий: наличии зеркала, просмотра фотографий или фильма, т.е. зафиксированного несинхронного по времени фиксации изображения объекта, наличие возможного мира: видение самого себя во сне, в мечте и под.

В рамках модуса знания совпадение субъекта и объекта модуса может быть интерпретировано не как знание, а как суммирование информации о подобных случаях (воспоминание), фраза *Я себя знаю* означает, что некто помнит, как он себя вел в аналогичных ситуациях и предполагает, что будет таким же образом себя вести, если подобная ситуация вновь будет иметь место (См. Иоанесян 1988:214-244).

Требование несовпадения субъекта и объекта модуса релевантно только для перцептивного модуса и модуса знания.

Ограничения, налагаемые тем или иным модусом на вводимые глаголом дпропозиционального отношения пропозиции, касаются характера референции именных групп. Перцептивный модус, например, не допускает именных групп родового и экзистенциального денотативного статуса (термин Е.В.Падучевой. См. Падучева 1985).

Продемонстрируем, каким образом модус накладывает ограничения на сочетаемость именных групп субъекта и предиката. Для этого сопоставим перцептивный модус, который можно назвать маркированным, с модусами ментального плана.

Во-первых, сама природа перцептивного модуса предполагает положение субъекта модуса в **координатах пространства и времени**. Для ментальных модусов важна, прежде всего, координата времени.

Во-вторых, для того, чтобы некоторый фрагмент текста был воспринят как образ — трехмерная картинка, субъект модуса и изображаемое должны были **синхронизированы во времени**. Даже если действие отнесено в план прошлого, оно представлено так, как будто бы происходящее на глазах зрителя. Для этого движущееся действие было воспринято читателем именно так, внутри модусной рамки предикаты выражаются глаголами в актуально-процессном значении НСВ, сменяющие друг друга действия выражаются предикатами в конкретно-фактическом значении СВ глагола.

Для ментального плана не важна синхронизация предиката пропозициональной установки и содержания мысли.

Соответственно субъект перцептивного модуса и сам может быть **статичным и динамичным**. Субъект модуса ментального плана свободен от пространственных рамок.

При статичном субъекте модуса движется только взгляд.

Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглой ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею (М. Ю. Лермонтов).

При подвижном субъекте модуса предметные именные группы во вводимом модусом предложении соединяются с предикатами, выраженными глаголами движения.

...Еще несколько раз ударившись довольно крепко головою в кузов, Чичиков понесся наконец по мягкой земле. Едва только ушел назад город, как уже пошла писать, по нашему обычаю, чувшь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, оборелье стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор (Н. В. Гоголь).

При неважности пространственной составляющей субъекта ментального модуса его динамичное / статичное положение нерелевантно.

В-третьих, дифференциация внутри модуса связана с пространственно-временной ориентацией субъекта модуса. В перцептивном модусе актуальны каналы восприятия: визуальный, аудитивный, вкусовой, касающийся восприятия запахов («запаховый»), температурный, тактильный. Ведущим является визуальный канал. В перцептивном модусе сохраняется сочетаемость по каналу восприятия в роли предиката пропозициональной установки и соответственно глаголов проявления визуального, шумового, вкусового и т.д. признака. Н. Д. Арутюнова писала о том, что не все каналы обладают своими собственными предикатами: его лишены вкусовой, запаховый, температурный каналы (запах *ощущают* или *чувствуют*, так же как и теплоту или холод, фактуру какой-либо поверхности).

Различные семиотические каналы восприятия требуют разной степени телесности: возрастание телесности наблюдается от визуального к аудитивному, вкусовому, тактильному. При запаховом, вкусовом, тактильном каналах необходимо упоминание инструмента, соответственно при предикате должна быть заполнена соответствующая актантная позиция (вкус чувствуют во рту, на языке, фактуру ощущают руками, температуру чувствуют всем телом).

Принимая классификацию модусов Н. Д. Арутюновой (Арутюнова 1988), отметим, что ментальный план компенсирует небрежение сенсорными каналами тем, что дифференцирует модусы по рациональному, модальному, эмоциональному признакам.

В-четвертых, характер модуса находит отражение в семантике лексических единиц, включенных в пропозицию, вводимую модусным предикатом. Только перцептивный модус предполагает включение на лексическом уровне единиц с семантикой наблюдателя: *белеться, краснеться, чернеться, простирается, висеться*.

Не дав себе времени зарядить ружье, вышел он в поле с верным своим Сбогаром и побежал к месту обещанного свидания. Около полудня прошло в несносном для него ожидании; наконец он увидел меж кустарника мелькнувший синий сарафан и бросился на встречу милой Акулины.

Можно говорить о модусносвязанных моделях. Такова, на наш взгляд модель N1. Здесь можно говорить об омонимичных предложениях: именительного темы, усеченного бытийного предложения при опущенных

локализаторе (сфере бытования) и бытийном глаголе, а также назывном предложении (см. Арутюнова 1976: 229-283). Так вот последнее появляется в условиях перцептивного модуса, требует особого интонирования, а также опущения модусного глагола и не способно включаться в сложно-подчиненное предложение с эксплицитированным модусом при отнесении действия к плану настоящего. Нельзя сказать: *Он увидел, что ночь. Фраза *Вижу, что ночь* возможна только в диалогическом единстве в качестве ответной реплики на двусоставное предложение *Сейчас – ночь*. Экспликация предиката пропозициональной установки и модусного глагола возможна только при отнесении происходящего к плану прошедшего: *Он увидел, что была ночь*. При отнесении воспринимаемого к плану настоящего назывные предложения способны входить в сложные бессоюзные предложения, при этом первая часть обозначает «включение» канала восприятия: *Он оглянулся: толпа. Она открыла глаза: темнота. Он разжал уши: дикий крик*.

Предложения N1 в тексте могут быть выражены как предметными, так и пропозитивными именами. *Ночь, улица, фонарь, аптека...* (А. Блок). *Каждое утро, в начале девятого, один и тот же звук за тонкой стеной, в аршине от его виска, выводил его из дремоты. Это был чистый, круглодонный звон стакана, ставимого обратно на стеклянную полочку; после чего, хозяйская дочка откашливалась. Потом был прерывистый треск вращающегося валика, потом – спуск воды, захлебывающейся, стонущей и вдруг пропадавшей, потом – загадочный внутренний вой ванного крана, превращавшийся наконец в шорох душа* (В. Набоков).

Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон... (Н.В. Гоголь).

Модус влияет на способы выражения неопределенности в высказывании и на интерпретацию неопределенных именных групп.

Модус важен для интерпретации ряда односоставных предложений.

Неопределенно-личные предложения соотносимы с двумя позициями: позицией предиката пропозициональной установки, выраженной модусным глаголом, и позицией предиката, вводимой модусом пропозиции. Как показывает анализ материала, позиция накладывает ряд ограничений на средства лексического выражения предиката. В первой позиции наиболее частотны предложения с глаголом речи *говорить*: *Да как же, говорят, он влюблен и ни на кого не смотрит?* (А.С. Пушкин). В этой позиции по-русски недопустима замена глагола *говорить* другим глаголом речи: **Шепчут, что...*, **Кричат, что...*, **Орут, что...* При таком заполнении позиции предиката пропозициональной установки вводимая пропозиция, естественно, не может быть соотнесена с перцептивным модусом.

Для интерпретации референциального статуса невыраженного субъекта предложения существенно, заполнена или не заполнена позиция объектная позиция, а, кроме того, присутствуют ли в предложении темпоральные и пространственные локализаторы. *Ах, точно! – быстро отвечал он: – мне вчера говорили; но где же он?* (М.Ю. Лермонтов). В данном предложении референциальный ноль имеет определенный денотативный статус, т.к. заполнена позиция объекта *мне* и действие локализовано во времени – *вчера*, т.е. говорящий знает, кто имеется в виду. Предложение может быть интерпретировано как пассивная диатеза. При опущении объекта и локализатора изменяется референциальный статус субъекта.

При экспрессивной реализации модели Vf3p1, также не соотносимой с перцептивным модусом (*Кому говорят? Тебе говорят, иди сюда!*) субъект ассоциируется с 1 л. ед.ч. или говорящий, участвуя в полилоге, солидаризируется с предыдущим субъектом речи. В такой ситуации снимаются ограничения на заполнение предиката только глаголами речи. Возможны предложения: *Кого учат!*; *Кого кормят!* и под.

Во второй позиции вводимые предикатом пропозициональной установки неопределенно-личные предложения могут быть соотнесены с двусоставными предложениями, при этом в состав субъектной именной группы входит местоимение *-то* (См. Булыгина, Шмелев 1985; Булыгина 1990). В этом случае снимаются ограничения на выражение предиката внутри модусной рамки: это может быть любой акциональный глагол. Вводимая модусом пропозиция может быть представлена как перцептивно воспринимаемый образ. В примере Т. В. Булыгиной очевидно, что визуальный канал «выключен», а аудитивный «включен». *Из рубки свистнули в машину, и, когда из машины ответили, крикнули туда, чтоб не отходили от реверса. «Да, я уж два часа у реверса стою!» – ответили из машины (Ю.Казаков).* Предложение Vf 3p1 при этом помещено внутрь модусной рамки – в диктум. Соседство неопределенно-личного предложения с референциальным нулем и предложения, построенного по схеме N1Vf, с неопределенным местоимением *-то* демонстрирует кореферентность нуля и неопределенной именной группы. *Через минуту услышал он, что отпирала дверь в передней комнате. Но он услышал незнакомую походку: кто-то ходил, тихо шаркая туфлями (А.С.Пупкин).*

Перцептивный модус также позволяет говорить о двух возможных интерпретациях именных групп с местоимениями *-то*: это может быть замутненность канала восприятия и неизвестность. *Он увидел, что по улице идет какой-то человек.* Человек неизвестен субъекту модуса или же зрение или дистанция не позволяют идентифицировать объект. В ментальных модусах возможность подобной двойкой интерпретации неопределенных местоимений *-то* исключена: подобные местоимения включаются в ИГ со значением неизвестности.

Подытожим сказанное и постараемся выразить ограничения, налагаемые модусом в семантических и синтаксических терминах.

Модус можно интерпретировать как способ представления ситуации, он влияет на референцию именных групп предложения, т.е. на денотативный статус как способ представления объекта действительности.

Перцептивный модус требует синхронизации субъекта модуса и объекта восприятия во времени и пространстве. Для перцептивного модуса характерно включение лексических единиц с семантикой наблюдателя.

Модус предполагает определенную модальность и количество синтаксических валентностей. Так, для перцептивного модуса открыта валентность субъекта, объекта, препятствия (помехи) и инструмента. Для модуса знания релевантна валентность источника.

Синтаксические модели, которые могут быть определены не как центр, а как периферия синтаксической системы, реагируют на модус.

Некоторые синтаксические модели жестко связаны с определенными модусами. Назывное предложение, построенное по схеме N1, если оно не является именительным темы, можно считать перцептивно-модусно связанным. Включение подобных предложений в состав сложноподчиненных зависит от временной отнесенности подчиненного предложения. В составе

бессоюзного сложного предложения часть, выраженная схемой N1, вводится предложением со значением «включения канала восприятия».

Характер модуса влияет на возможность выражения и интерпретацию категории определенности / неопределенности.

Предлагаемый подход к тексту позволяет, на наш взгляд, включить в описание грамматики текста также референцию. Текст как актуализованное высказывание обладает определенными временными и темпоральными характеристиками в плане субъекта речи, субъекта модуса и диктума. Следовательно, наряду с такими грамматическими категориями предиката, как время, необходимо учитывать и грамматику референции именных групп отдельного предложения-высказывания, т.к. сочетаемость разных типов предикатов не свободна от референциальных характеристик имен.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
Бахтин М. МС. Автор и герой в эстетической деятельности//Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 7-180
Булыгина Т. В. Я, Ты и другие в русской грамматике//Res philologica. Филологические исследования. Памяти академика Г. В. Степанова. М.-Л., 1990.
Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения//Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Референциальные характеристики нулевых элементов// Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1985.
Иоанесян Е.Р. Знание и восприятие//Прагматика и проблемы интенциональности. 1988.
Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
Ревзина О.Г. Функциональный подход к языку и категория определенности—неопределенности//Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
Ревзина О.Г., Шрейдер Ю.А. Материалы к лингвистической теории связного текста//Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979.

Г. И. Володина

НЕКОТОРЫЕ ИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ В ВЫСКАЗЫВАНИИ СУБЪЕКТИВНЫХ СМЫСЛОВ.

Статья II. СЕМАНТИЧЕСКИЕ РОЛИ ЧАСТИЦЫ *да*

Как уже указывалось в первой из статей, посвященных анализу средств выражения в высказывании субъективных смыслов, во многих случаях от правильного истолкования субъективной информации зависит и адекватность восприятия фактического содержания сообщения. Интерпретация же субъективных смыслов высказывания достаточно сложна. А для носителей других языков, только овладевающих русским, не всегда очевидно само присутствие в высказывании субъективных смыслов, и тем более остается загадкой их суть. Однако условием полноценной коммуникации является понимание всех “заложенных” в высказывание смыслов.

Поэтому столь важно познакомить изучающего язык со средствами выражения модусного компонента высказывания, выработать навык фиксации этих показателей и дешифровки передаваемых ими смыслов.

Предметом анализа в данной статье будет роль частицы *да* как выразителя субъективных смыслов высказывания.

Семантика частицы *да* обстоятельно рассмотрена в академическом «Словаре русского языка» в четырех томах (Малом академическом словаре – далее МАС), однако некоторые из данных в нем толкований требуют большей конкретизации, в них не всегда в достаточной степени охарактеризованы условия употребления частицы в речи, определяющие ту или иную интерпретацию ее семантической функции. И, кроме того, очень важно, чтобы сама экспликация содержательной функции частицы по возможности носила характер практической инструкции, «руководства к действию» при построении высказываний, отражающих субъективное видение ситуации говорящим.

Каковы же семантические функции данной частицы и контекстные условия ее употребления? Рассмотрим их.

1. ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ.

1.1. **Согласие с высказанным (в вопросе) предположением, подтверждение его верности.** Чистое «да», не осложненное дополнительными смыслами.

– Понял? – Да.

– Вы – немец? – осведомился Бездомный. – Я-то?... – переспросил профессор и вдруг задумался. – Да, пожалуйста, немец... – Сказал он. [Булгаков]

– А скажите..., напиток им давали перед повешением на столбы? – Да. [Булгаков]

– Вы из Ленинграда? – Да. – Путешествуете? – Путешествую, – сказал я. [Стругацкие]

1.2. **Согласие с некоторым утверждением (а), высказанным мнением, данной кому-/чему-либо оценкой (б).**

а. – Вам придется задержаться здесь. – Да, я понимаю.

– Светает. – Да, скоро можно будет тронуться в путь.

– Как работа? – спросила она. – Горю, – ответил он. – Сгораю, свята другим. – Да, дыму много. [Стругацкие].

– Во всяком случае, я не затеваю дутых политических процессов, не берусь переделывать мир. – Да, – сказал Павор. – Вы даже на это не способны, Банев. [Стругацкие].

б. При изложении мнения оно достаточно часто не получает прямой экспликации, но его суть раскрывается контекстом:

– Но эти праздники – маги, чародеи, волшебники, эти стаи богомольцев... – Да, праздники здесь трудные, – согласился гость [Булгаков].

Определение эти без последующей конкретизации характеристики указывает на особенность восприятия ситуации говорящим как негативной или, наоборот, позитивной, что определяется контекстом. В нашем случае оценка негативная: стаи богомольцев. И кроме того, на особенность восприятия ситуации говорящим указывает ответная реплика. Собеседник эксплицирует суть косвенно переданной ему оценки.

– Не постигаю, каким образом это можно было сделать. – Да, прокуратор, это самый трудный вопрос во всем деле, и я даже не знаю, удастся ли мне его разрешить [Булгаков].

В высказывании Пилата имплицитно выражена оценка действия как исключительно трудного: “не постигаю, каким образом”. И Афраний своим *да* выражает свое согласие с данной оценкой.

– Воображаю, что было у Каифы! – Да, прокуратор, это вызвало очень большое волнение. [Булгаков].

И здесь оценка событий во дворце Каифы выражена имплицитно, на их необычность указывает “воображаю”. В ответе достаточно было бы одного *да*. Его смысл в подобном контексте интерпретируется как “вы правы, предполагая это, согласен с вами, с вашей оценкой ситуации”.

– Все работы, которые вы здесь видите, выполнены не позднее XVIII века. – Да, уникальная коллекция!

1.3. Согласие с тем, что названный факт действительно имеет / имел / будет иметь место.

Да предваряет в этом случае или ответ на сообщение о каком-либо факте (а) или ответ на упрек, обвинение (б).

а. – Я уполномочен выразить вам протест против вторичного незаконного задержания грузов... – Да, я слышал об этом, – сказал полицеймейстер. – Водитель был пьян, мы вынуждены были его задержать. [Стругацкие] (= “вы правы, это действительно имело место”).

Если речь идет о будущем, *да* интерпретируется как “принимаю сказанное как истинное, верю сказанному”).

– Помянут меня, сейчас же помянут и тебя!... – Да, уж ты не забудь, помяни меня, сына звездочета, – просил во сне Пилат [Булгаков].

В приведенном высказывании *да* не относится к просьбе, оно выражает реакцию на предсказание: “я верю, что именно так и будет”.

Согласие со сказанным может быть выражено не только в ответной реплике диалога, но и в авторском комментарии, выражающем внутреннее согласие с подобным восприятием ситуации, понимание естественности такой реакции на происходящее.

– Божже, как ты меня испугал!

– Да, это внезапное появление могло испугать кого угодно, и тем не менее в то же время оно являлось большой радостью [Булгаков].

б. – А вы, оказывается, жестоки. – Простите. Да, я хирург, мне часто приходится делать людям больно, чтобы потом они чувствовали себя хорошо [Брагинский, Рязанов].

– Да, я не всегда сдержан с ним. Но ведь здесь нужно железное терпение.

– Да, я – копирразведчик. Да, работа у меня грязная. Только работа всегда грязная, чистой работы не бывает... [Стругацкие].

Говорящий понимает, что собеседник негативно оценивает некоторый факт. *Да* подтверждает наличие тех фактов, которые вызывают осуждение: “то, что вы осуждаете, действительно имеет место”. Далее обычно следует аргумент в защиту названного положения вещей, указывающий на “неправомерность” осуждения.

При выражении согласия *да* выступает как автономное высказывание, имеющее конкретный интонационный рисунок – ИК-2 (с увеличени-

ем длительности гласной или с чередующимся повышением и понижением тона).

2. СИГНАЛ ТОГО, ЧТО ИНФОРМАЦИЯ ПРИНЯТА К СВЕДЕНИЮ

– *Завтра тепло и без дождя!* – *Да?* (ИК-3)

3. РЕАКЦИЯ НА СООБЩЕНИЕ О ПРИМЕЧАТЕЛЬНОМ, НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНОМ ФАКТЕ.

Да в этом случае выражает удивление, сопровождаемое некоторыми дополнительными эмоциями.

Реплика звучит как вопрос [ИК-3], если реакция на сообщение подчеркивает его неординарность или выражает радость:

– *Ты знаешь, что это за дом? Здесь жил Чехов.* – *Да?*

– *От Киры письмо!* – *Да?*

Если же удивление сопровождается раздумьем, когда говорящий обобщает, сопоставляет какие-то факты, *да* (отдельное высказывание) произносится с интонацией ИК-1.

– *Имейте в виду, вы, по-видимому, станете лауреатом литературной премии ... Так что деньги у вас будут.*

– *И-да, -- сказал Виктор. – Такого со мной еще не бывало* [Стругацкие].

4. ВЫЯСНЕНИЕ, ПРАВ ЛИ Я (ГОВОРЯЩИЙ) В СВОИХ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯХ.

Вы считаете меня стервой, да?

Вам все это не очень нравится? Да?

Частица следует за вопросом, излагающим “сомнения” говорящего.

5. УКАЗАНИЕ НА НАСТОЙЧИВЫЙ ПОИСК ОТВЕТА НА ВОПРОС, ВОЗНИКАЮЩИЙ ПРИ “СТОЛКНОВЕНИИ” С КАКОЙ-ЛИБО НЕПОНЯТНОЙ СИТУАЦИЕЙ.

В этом случае *да* предваряет соответствующий вопрос (вопрос с просительным словом, включающий частицу *же*).

– *Да кто же он, наконец, такой?* – *В возбуждении потрясая кулаками, спросил Иван* [Булгаков].

Да где же это письмо?

Да куда же все подевались?

Вопрос может быть обращен и к собеседнику, и к самому себе и возникает в процессе размышлений при поиске ответа.

Берлиоз говорил, а сам в это время думал: “но, все-таки, кто же он такой?” [Булгаков].

Да (неакцентируемая частица) в подобном вопросе подчеркивает безуспешность предпринятых пока усилий, настойчивое желание получить ответ, в определенных случаях – и раздражение (ИК-2).

Ср.: *Кто он такой?* (“чистый” вопрос) – *Кто же он такой?* (вопрос в процессе размышления и поиска ответа) – *Да кто же он такой?* (настойчивый вопрос после безрезультатных пока поисков ответа).

Аналогично: *Что было в том письме?* – *Что же было в том письме?* – *Да что же было в том письме? / Куда убрали эти документы? – Куда же убрали эти документы? – Да куда же убрали эти документы?*

6. УКАЗАНИЕ НА ТО, ЧТО ДАННОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ – ИТОГ РАЗМЫШЛЕНИЯ.

6.1. Да как неакцентулируемая частица, входящая в состав высказывания, указывает на краткое раздумье, предшествующее ответу на вопрос, отражающее стремление говорящего быть по возможности точным:

– Диана твоя приезжала. – Давно? – небрежно спросил Виктор. – Да часов в пять, примерно. [Стругацкие]

Ср.: Давно? – Часов в пять, примерно (ответ, данный сразу, без раздумий, поскольку говорящий четко представлял себе ситуацию) – Давно? – Да часов в пять, примерно (отвечающему пришлось немного напрячь память, какое-то время подумать).

– Сколько отсюда до вашей дачи? – Да минут десять ходу.

– Когда вы с ним виделись? – Да дня три назад.

6.2. Да как отдельное интонационно оформленное высказывание указывает на то, что сказанное – это умозаключение, итог достаточно основательных размышлений и их обобщения. Кроме того, высказывание в этом случае выражает убежденность говорящего в объективности, истинности самого суждения.

Истолкование его содержательной функции (передаваемых им дополнительных смыслов) обуславливается семантикой последующего высказывания.

а. Оно может носить обобщающий характер, выражать некую сентенцию, базирующуюся на опыте человека и часто не только собственном опыте говорящего. Произносится да с интонацией ИК-1.

Да, жизнь прожить – не поле перейти.

Да, пришла худая чередка [Пушкин].

Да, были люди в наше время... [Лермонтов].

... если подумать, то сейчас ни о чем нельзя говорить, что это случится нескоро. Да, милые мои, давно оно прошло то время, когда будущее было повторением прошлого [Стругацкие].

... Да, в наше время у Монтеке было бы немного шансов остаться материалистом. А мы вот остаемся, и ничего! [Стругацкие].

б. Может касаться и какого либо частного факта:

Да, действительно объяснилось все: и страннейший завтрак у покойного философа Канта, и дурацкие речи про подсолнечное масло и Аннушку [Булгаков].

– А еще что вы сделаете? – Не знаю... Может быть, отберу у него аккордеон. – И сами заиграете? – Да, – вздохнул Виктор. – Это верно. Мне этих детей увлечь нечем, это я понял [Стругацкие].

Именно под ним, вовсе не дающим никакой тени, и утвердился этот единственный зритель... Да, для того, чтобы видеть казнь, он выбрал не лучшую, а худшую позицию. [Булгаков].

Включение в высказывание частицы и (в исходной позиции) подчеркивает, что данное суждение – некое «прозрение».

Да, подумал Виктор, и с этой женщиной я жил. Я гулял с нею в горах, я читал ей Бодлера... [Стругацкие].

7. СПОНТАННОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ / ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ.

7.1. Да в этом случае (частица в составе высказывания, не выделяемая интонацией) предваряет реплику говорящего, выражающую его реакцию на то, что он видит, слышит, чувствует в настоящий момент.

Да здесь совсем неплохо! * (ИК-2).

Да она настоящая красавица!

"Батюшки! – Испуганно подумал Рюхин, – да он и впрямь нормален?"

[Булгаков]

Да у вас, гражданин, червонцев-то курь не клюют [Булгаков].

"Э-ге-ге? Да уж не наши ли это котик?" [Булгаков].

(* выделен интонационный центр высказывания)

Ср. данные высказывания с рассмотренными в разделе 6:

Да, здесь совсем неплохо (умозаключение после определенного размышления, обдумывания). – *Да здесь совсем неплохо* (спонтанная реакция на некоторое впечатление).

7.2. В сочетании с частицами, констатирующими очевидность факта (ведь + же / же), *да* выражает идею **внезапного прозрения** (сейчас "осе-нило").

Маргарита не сразу поняла, а поняв, воскликнула с удивлением:

– Да ведь они же закрыты! [Булгаков]

Ср.: *Ведь они же закрыты* (констатация факта, *ведь* и *же* подчеркивают его очевидность). – *Да ведь они же закрыты!* (говорящий в данный момент "открывает" этот факт для себя).

– Боги! – воскликнул Пилат, – да ведь на вас нет сухой нитки! Каков ураган? А? [Булгаков]

Ср.: *Ведь на вас нет сухой нитки!* (констатация очевидного факта) – *Да ведь на вас нет сухой нитки!* (сиюминутная реакция на поразивший говорящего факт).

Латунский! Да ведь это же он! Это он погубил мастера. [Булгаков]

Кошмар, подумал Виктор. Да она же несчастная женщина... [Стругацкие].

Да ведь я же знал это, подумал он вдруг, знал это, еще когда стоял перед ними, знал что здесь есть какой-то подвох [Стругацкие].

Ср.: *Я знал об этом* (констатация факта). – *Я же знал об этом* (указание на очевидности факта). – *Да я же знал об этом* (внезапность осознания этого факта).

Он тут черт знает чего натворит! (констатация факта) – *Ведь он тут черт знает чего натворит!* (констатация очевидности факта) – *Да ведь он тут черт знает чего натворит! Как-нибудь его надо изловить?* [Булгаков] (* мне вот сейчас это стало очевидно*).

8. УКАЗАНИЕ НА ОРДИНАРНОСТЬ ФАКТА, О КОТОРОМ СООБЩАЕТСЯ В ОТВЕТЕ (на восприятие его говорящим как ординарного).

Да – частица в составе высказывания, не выделяемая интонацией.

– А ты куда денешься? – Да собирается там одна компания, – неопределенно сказал Витька. – У Верочки... [Стругацкие].

– О чем говорили? – Да о работе.

– Что сегодня по телевизору? – Да сплошные боевики.

– Кто был? – Да все, кто обычно.

– Ну, а о чем вас все-таки спрашивали? – Да спрашивали, что такое прогресс, – сказал Виктор горестно [Стругацкие].

Ср.: *О чем вас все-таки спрашивали? – О том, что такое прогресс* (прямой ответ, констатация факта). – *О чем вас все-таки спрашивали? – Да о том, что такое прогресс* (* ну о чем еще могли спрашивать эти дети?!*, "снижодительный" ответ).

9. ВЫРАЖЕНИЕ УВЕРЕННОСТИ в ИСТИННОСТИ СВОЕГО УТВЕРЖДЕНИЯ И ОЧЕВИДНОСТИ СООБЩАЕМОГО ФАКТА.

Такая интерпретация дополнительного смысла, включаемого в высказывание с введением в него частицы *да*, имеет место в следующих контекстных условиях:

при сообщении о том, состоится действие или не состоится (1);

при оценке действия как бессмысленного, неоправданного / как бесперспективного, неосуществимого / как недоступного для данного субъекта / как недопустимого (2);

при введении дополнительной информации, аргументирующей сказанное: с большей определенностью обосновывающей некоторый факт / намерение или комментирующей имеющее место положение вещей.

9.1. Сообщение о том, что действие состоится или не состоится, приносится с интонацией ИК-2, интонационный центр приходится на предикат.

– *Да он придет.*

Ср. *Он придет* (прогноз, не осложненный дополнительными смыслами) – *Да он придет* (уверенность в том, что будет так; “успокаивающая” реплика, адресованная тому, кто сомневается в реализации действия).

9.2. а. Оценка действия как ненужного, бессмысленного, неоправданного передается инфинитивными вопросительными предложениями типа: *К чему + inf? Зачем + inf? Какой смысл + inf? О чем тут говорить / спорить / думать?*

Да о чем тут говорить? Все и так ясно.

Да к чему вам туда ехать!

Да зачем тебе покупать еще одну сумку? У тебя и так их больше, чем нужно!

Да одновременно обуславливает отражение в высказывании эмоций говорящего: его удивление тому, что собеседник не понимает ситуации, и недовольство этим.

Ср. *О чем тут говорить?! (= ‘тут не о чем говорить, не нужно говорить, бессмысленно говорить’)* – *Да, о чем тут говорить?! (= ‘это же ясно, что тут не о чем говорить’)*.

б. Мысль о бесперспективности, неосуществимости действия verbalизуется в форме вопроса с вопросительным словом, с предикатом, выраженным глаголом в форме будущего времени:

Да когда (еще) он соберется/соблаговолит этим заняться?!

Да кто этому поверит?

Да что от этого изменится?

Да куда он денется?!

Ср.: *Что от этого изменится?* (это подлинный вопрос к собеседнику, когда желательно узнать его мнение, или выражение сомнения – ‘не верю, что от этого что-либо изменится’) – *Да что от этого изменится?* (= ‘это же ясно, что от этого ничто не изменится, уверен, что от этого ничто не изменится’).

Кто даст ответ на подобный вопрос? (это невозможно) – *И кто даст ответ на подобный вопрос?* (убежденность в том, что это невозможно вообще, “по определению”) – *Да и кто даст ответ на подобный во-*

прос? (убежденность в том, что это невозможно вообще + 'это ясно и вам').

в. Оценку действия как **недоступного** для данного субъекта передают инфинитивные вопросительные предложения типа: *где кому inf / куда кому inf*).

Да где ему в этом разбираться?!

Да где мне это запомнить?!

Да куда тебе с ним спорить?!

г. Оценку действия как **недопустимого** выражают вопросительные предложения с частицей **разве** типа: *Разве можно так делать?! / Разве так делают?! – а также вопросы типа: Кто же так делает? / Где же так делают? / Когда же так делали?*

Я чувствую, что после водки вы пили портвейн! Помилуйте, да разве это можно делать?! [Булгаков]

– Ребята, – сказал я укоризненно, – да кто же так шутит? За кого вы нас принимаете?

Ср.: *Кто же так шутит?* (указание на недопустимость подобного действия, 'так не делают, так делать нельзя' и выражение **осуждения**) – *Да кто же так шутит?* (указание на **очевидность** недопустимости подобного действия).

9.3. При аргументации какого-либо утверждения аргумент вводится в высказывание союзом **и**, семантическая функция которого интерпретируется по-разному в зависимости от назначения аргумента: обосновать с большей определенностью некоторый факт или намерение (**а**) или откомментировать, объяснить "закономерность" имеющего место положения вещей (**б**).

Да выражает убежденность говорящего в истинности своего представления ситуации, а посему и в полной ее очевидности ('настолько убежден в этом, что воспринимаю факт как нечто абсолютно очевидное') и подчеркивает "весомость" аргумента.

а. Никогда не было случая, да и не будет, чтобы Абадонна появился перед кем-либо преждевременно [Булгаков].

У меня было несколько вопросов к коту Василию, да и русалка, живущая на дубе, представляла определенный интерес [Стругацкие].

– Бежим! – Но бежать он не умел. Его одолевала одышка, да и темно было так, что идти приходилось почти наощупь, держась за стены [Стругацкие].

И в приведенных высказываниях – обязательный элемент. Он указывает на связь названных фактов, по значению он близок к 'кроме того / плюс к тому'.

Ср.: *Никогда не было случая, и не будет...* (просто констатация факта) – *Никогда не было случая, да и не будет,...* (выражение убежденности в истинности утверждения и в очевидности утверждаемого факта).

б. Аргументация имеющего место положения вещей вводится в высказывание посредством риторических вопросов типа: *Почему бы (кому) не + inf? Как (кому) не + inf?* (при обосновании возможности реализации действия) и *Откуда кому + inf? / Как кому + inf?* (при обосновании невозможности его реализации). Сам аргумент может быть представлен имплицитно.

Они же ничего не поняли, да и откуда им понять, это же дети. [Стругацкие]

Мы устали. Да и как было не устать: мы целый день были в пути. Они же все поняли, да и почему бы им не понять?! (здесь аргумент представлен имплицитно).

Ср. Они ничего не поняли. Откуда им было понять?! (риторический вопрос, выражающий неверие в возможность реализации). – Они ничего не поняли. И откуда им было понять?! (акцентированное указание на “наличие обстоятельств”, делающих действие невозможным). – Они ничего не поняли. Да и откуда им было понять?! (значение, передаваемое и, + указание на очевидность факта).

10. КОРРЕКЦИЯ НЕКОТОРОГО ЛОЖНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СИТУАЦИИ ('напрасно вы считаете, что ...').

В высказываниях, корректирующих некоторое ложное представление о ситуации, *да* подчеркивает, специально обращает внимание на то, что факт, о котором сообщается, неверно понят собеседником, что его представление о происходящем не соответствует истине.

10.1. В ответе на вопрос, при реакции на какое-либо высказывание *да* предвывает высказывания, отрицающие высказанное предположение, и выражено подобное отрицание может быть несколькими способами.

а. *Да*, предввующее отрицание – *да нет*.

– Откуда у тебя попугай? – Сам поражаюсь, – сказал Роман. – Может быть, он искусственный? – предположил я. – Да нет, попугай как попугай. [Стругацкие]

Они вернулись в вестибюль, и Тэдди спросил швейцара, уже занявшего свой пост: “Что! Много наломали? – Да нет, – ответил швейцар, – можно считать, что обошлось”. [Стругацкие] (= ‘ваше предположение было ошибочным’)

Ср. *Нет*, – ответил швейцар, – можно считать, что обошлось (ответ, не включающий дополнительных смыслов).

В зависимости от ИК это может быть или успокаивающий (ИК-1), или настойчивый, категоричный, раздраженный (ИК-2) ответ.

Да нет, не так.

Да никакой он не бездельник!

При коррекции отрицающего что-либо утверждения *нет* обычно опускается, и его позицию занимает предикат первой реплики диалога, но в утвердительной форме:

– Это все-таки не тот попугай, – сказал вежливый Эдик. – Вы, наверное, ошиблись. – *Да тот*, сказала я. – Зеленый, с колечком. [Стругацкие]

– Один ты с этим делом не справишься. – *Да справлюсь*.

Присоединение к обороту *да нет* частицы *же* (*да нет же*) служит выражению настойчивого опровержения ложного представления собеседника о ситуации, в котором тот упорствует.

– Да нет же, это не тот, – сказал сержант Ковалев. – Тот был молодой, без бороды... [Стругацкие].

б. Оборот *да какой /-ая /-ое /-ие что*.

– Он на машине? – *Да на какой машине?!* (= ‘конечно, нет, и не могло быть никакой машины, у вас совершенно неверное представление о ситуации’).

– В чем дело? – спросил Виктор, холодея. – Война? – ... Да какая война... Удирать надо, пока не поздно, а он «война» [Стругацкие].

Ср. Какая война?! (= 'нет никакой войны') – ... Да какая война?! (= 'и надо же вообразить такую нелепость').

в. Оборот да при чем (тут) что / кто / это.

– Да при чем здесь «Толкнул»? – Сердясь на общую бестолковость, воскликнул Иван [Булгаков].

Да привносит в высказывание негативную эмоциональную окраску.

Ср.: При чем здесь «Толкнул»? (отрицание, опровержение высказанного предположения, 'это не имеет к делу отношения') – Да при чем здесь «Толкнул»? (резкое и раздраженное опровержение).

Если бы не его авантюризм, он никогда бы не попал в такую историю. – При чем тут его авантюризм, лично от него здесь ничего не зависело (отрицание сказанного: 'сго авантюризм не имеет к случившемуся никакого отношения') – Да при чем тут его авантюризм, лично от него здесь ничего не зависело (раздраженное возражение).

10.2. Опровержение не высказанного, но, по мнению говорящего, имеющегося у адресата сообщения ложного представления о ситуации.

Суть "ложного представления" восстанавливается по контексту: это нечто противоположное сказанному ("фраза-антоним"). Да – сигнал того, что это не просто сообщение, а возражение на некое ложное убеждение собеседника.

– Да я его в жизни пальцем не тронула. Я видела, как вы своего-то пороли, а у нас в доме в заводе такого не было... [Стругацкие] (= 'если вы считаете, что я наказывала сына, то это неправда, вы заблуждаетесь').

– Да ничего здесь особенного не произошло. Не надо было фонарик забывать [Стругацкие] (= 'вам кажется, что произошло нечто особенное, это не так').

Да это никого не интересует (= 'ты думаешь, что это кого-то интересует, – ничего подобного, ты ошибаешься').

Да он отлично водит машину ('ты напрасно думаешь, что он не умеет водить машину').

Говорящий пытается переубедить думающего иначе.

Ср.: Ничего особенного не произошло (просто констатация факта). – Да ничего особенного не произошло (указание на ложное видение ситуации адресатом сообщения).

Это никого не интересует (констатация факта). – Да это никого не интересует (указание на ложное видение ситуации).

Он отлично водит машину (констатация факта). – Да он отлично водит машину (указание на ложное видение ситуации).

11. ВВЕДЕНИЕ АРГУМЕНТА, ОПРОВЕРГАЮЩЕГО ЛОЖНОЕ МНЕНИЕ

... Модный писатель, видите ли! ... Да любой мужик понимает в людях больше, чем ты! [Стругацкие] (= 'тебя нельзя считать писателем, ты ничего не понимаешь в людях').

Хорошая квартира! Да в ней повернуться негде.

Увлекательная комедия! Да на ней можно заснуть!

Сам "опровергающий аргумент" – это указание на отсутствие у того, о ком / о чем идет речь, тех качеств, которые должны ему быть присущи.

Дана какая-то квалификация или характеристика лица / предмета. Несогласие с нею выражается утверждением, что соответствующих характеристике качеств у данного объекта нет или что у других эти качества представлены в несравнимо большем объеме.

12. КАТЕГОРИЧЕСКОЕ НЕСОГЛАСИЕ С КАКОЙ-ЛИБО ОЦЕНКОЙ, С КАКИМ-ЛИБО МНЕНИЕМ, С КАКОЙ-ЛИБО РЕКОМЕНДАЦИЕЙ.

Да (ИК-2) выражает само это несогласие (да как знак ироничного "согласия наоборот").

12.1. Несогласие с данной характеристикой лица или предмета выражает *да / да + повтор оценки*

Она сдержанный человек. – Да!!! (Да, сдержанный!) (ИК-2)

Спокойный ребенок? – Да!!! (Да, спокойный!!!)

или риторический вопрос типа: *Какой там ...? Какой он ...?*

Мастер! Да какой он мастер?!

У них сад! – Да какой там сад?! Небольшая лужайка, а на ней пять яблонь, и все!

12.2. Несогласие с предположением о том, как реализуется или уже реализовалось действие выражает *да* (ИК-2 с увеличением длительности гласной или с чередующимся повышением и понижением тона) + *повтор предиката (его связочной части)*.

Он не будет возражать. – Да! Не будет!

Он все сделает! – Да, сделает! Жди!

Я думаю он не возражал? – Да! Не возражал!

Надеюсь, он все сделал? – Да! Сделал! Как же!

– Да! Как же!

Ср.: Он не будет возражать. – Не будет! (согласие) – Он не будет возражать. – Да (ИК-2)! Не будет (ИК-2)! (резкое возражение).

12.3. Протест против какого-либо приказа, просьбы, совета. Говорящий выражает крайнее нежелание последовать совету, подчиниться приказу / требованию, поскольку они, с его точки зрения, «неразумны». Обобщенно протест может быть интерпретирован так: «хорошо вам говорить такое, но вы не принимаете во внимание некоторые обстоятельства, на мой взгляд, важные, которые делают выполнение вашего совета / приказа / требования для меня крайне нежелательным».

Ответная реплика получает вид: *да* (ИК-1 с увеличением длительности гласной) + *повтор императива / предиката сопутствующего ему высказывания* (+ сообщение о каком-либо факте, подчеркивающим обоснованность возражения).

Сиди и читай! – Да, читай, а по телевизору сейчас...

Не вмешивайся в это дело, оно тебя совершенно не касается! – Да, не касается! Ничего-то ты не знаешь! (≈ 'дело как раз касается меня, и я считаю необходимым вмешаться в него').

Сейчас не время говорить об этом. – Да, не время! А когда же будет время?

Он во всем разберется сам. – Да, разберется! Воображаю, что из этого выйдет! (≈ 'уверен, что сам он ни в чем не разберется').

13. ВКЛЮЧЕНИЕ В ВЫСКАЗЫВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАШЕННОСТИ ИЛИ УСИЛЕНИЕ ВЫРАЖАЕМЫХ В НЕМ ЭМОЦИЙ.

Суть дополнительных смыслов, обусловливаемых включением в высказывание частицы *да*, определяется коммуникативной функцией тех высказываний, в которые она входит.

13.1. Высказывания, указывающие на несоответствие ситуации тому, что желательно. На подобное несоответствие указывает та часть высказывания, которая включается в него оборотом *и то*:

... *единственной сказочкой, которую он связно рассказал, был «Дом, который построил Джек» в переводе Маршака, да и то с некоторыми кутюрами [Стругацкие].*

Оборот выражает и чувство сожаления, «неудовлетворенности» тем, что ситуация ограничивается какими-то рамками. *Да подчеркивает* этот факт и соответственно усиливает выражение эмоции.

13.2. Высказывания, указывающие на несоответствие ситуации тому, что должно было бы быть, и на то, что говорящий не понимает, что происходит, почему происходит так и т.п. Это вопросы типа *где же кто /что; когда же что-либо произойдет; что же происходит* и т.п.

Да включает в высказывание выражение негативной эмоции (возмущения, гнева, раздражения):

– *Да что же это, господа? Это же безумие какое-то. Где это видано?* [Стругацкие].

– *Да где же полиция, господа?* [Стругацкие].

Ср.: *Где же полиция?* (недоумение, почему положение вещей таково)

– *Да где же полиция?!* (возмущение тем, что оно таково).

Когда же он явится? ('не понимаю, почему его так долго нет') – *Да когда же он явится?!* (возмущение тем, что его так долго нет).

13.3. Высказывания, указывающие на нелепость некоторого утверждения. Это вопросы, в которых имя субъекта сочетается с *что* (*что я / что он / что ему* и т.п.).

– *А я-то здесь причем? Правил я не нарушал? Не нарушал. Бумаги у меня в порядке? В порядке. Груз правильный, вот накладная. Да что я, в первый раз здесь езжу, что ли?* [Стругацкие]

Виктор с трудом перевел дыхание и вдруг почувствовал злость. Да что им здесь – цирк, что ли? За кого они меня принимают? [Стругацкие].

Оборот *что ли* усиливает выражение негативного отношения к происходящему, *да* – выражает полное неприятие подобного взгляда на вещи и чувство возмущения тем, что кем-то ситуация воспринимается таким образом.

Ср.: *Что он, мальчик?* (указание на нелепость подобного предположения и его явную нереальность) – *Да что он, мальчик?!* (то же + возмущение подобным отношением к ситуации).

Что ему, больше всех надо?! – *Да что ему, больше всех надо?!*

13.4. *Да*, включаемое в высказывание, выражающее удивление (вопросительные предложения с частицами *неужели* и *разве*), указывает на более интенсивное проявление данной эмоции (усиливает ее) и даже на то, что реальность названного факта вызывает недоверие.

– *Ай-яй-яй!* – *Воскликнул артист, – да неужели ж они думали, что это настоящие бумажки?* [Булгаков].

– *Да неужели вы в первый раз об этом слышите?*

– *Да разве вам никто об этом не говорил?*

14. УКЛОНЧИВЫЙ ОТВЕТ, НЕЖЕЛАНИЕ ПОДРОБНО ГОВОРИТЬ НА ДАННУЮ ТЕМУ.

Соответствующее значение ответной реплике сообщают обороты *да ну, да так* (составляющие автономное высказывание и произносимые с интонацией ИК-7). Частицы *ну* и *так* выражают оценку факта, о котором идет речь, как не заслуживающего особого внимания и подробного разговора о нем, подчеркивают нежелание говорящего “распространяться” на данную тему.

– *Расскажите, как вы встречались с вундеркиндами.* – *Да ну, что там рассказывать,* – сказал Виктор. – *Вундеркинды как вундеркинды.* [Стругацкие]. – (*Да ну, Вундеркинды как вундеркинды.*)

– *Что там у вас с ним случилось?* – *Да так,* – неохотно сказал Виктор. – *О литературе поспорил* [Стругацкие].

15. СИГНАЛ “ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ” РАЗГОВОРА НА ИНУЮ ТЕМУ ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЯ В РАЗГОВОРЕ К КАКИМ-ЛИБО РАНЕЕ ОБСУЖДАВШИМСЯ ФАКТАМ.

Подобное восприятие семантической роли частицы обуславливается контекстом. Частица предвещает сообщение / вопрос, которые не являются логическим продолжением сказанного ранее.

– *Ну, это, извините, маловероятно.* – *Прошу меня извинить,* – ответил иностранец, – *но это так. Да (ИК-2), мне хотелось бы спросить вас, что вы будете делать сегодня вечером, если это не секрет?* [Булгаков]

– *Верите ли, это бредовое сооружение Ирода,* – прокуратор махнул рукою вдоль колоннады, так что стало ясно, что он говорит о дворце, – *положительно сводит меня с ума... Мир не знал более странной архитектуры. Да (ИК-2), но вернемся к делам* [Булгаков].

– *Я люблю сидеть низко,* – проговорил артист, – *с низкого не так опасно падать. Да (ИК-2), итак мы остановились на остерине?* [Булгаков]

– *Да (ИК-2), Афраний, вот что мне внезапно пришло в голову: не окончил ли он сам с собой?* – *О нет, прокуратор* [Булгаков].

Да как бы подводит итог сказанному / подуманному и вводит высказывание, переключающее на другую тему.

Римский побегал на сцену и увидел, что на ней происходят новые чудеса. Да, кстати, в это ли время или немного раньше, но только маг, вместе со своим креслом, исчез со сцены ... [Булгаков].

– *Да, кстати, барон,* – вдруг интимно понизив голос, проговорил Воланд, – *разнесли слухи о чрезвычайной вашей любознательности* [Булгаков].

Здесь сигнал переключения на другую тему «сдублировав»: использованы и *да*, и *кстати*.

В определенном контексте *да* эквивалентно *кстати*:

Если б вы видели, какая у него вилла в Ницце! Да, будущим летом, как поедете за границу, нарочно заезжайте посмотреть – ахнете! [Булгаков]

Здесь *да* именно переключает разговор на другую тему, пусть по какой-то ассоциации и связанную с предшествующей (функция *кстати*). На семантику последующего побуждения к действию оно не влияет.

16. УКАЗАНИЕ НА ТО, ЧТО ГОВОРЯЩИЙ ТОЛЬКО СЕЙЧАС ВНЕЗАПНО ВСПОМНИЛ ТО, О ЧЕМ ОН СООБЩАЕТ.

По сути функция частицы в этом случае также «быть сигналом» переключения разговора на другую тему, но в отличие от случая «15». «Возникновение» новой темы здесь обусловлено тем, что некий факт внезапно всплывает в памяти.

– *Ах да, ... я ведь совсем и забыл! Ведь я вам должен!* [Булгаков]

– *Да, забыл вас спросить, – прокуратор потер лоб, – как же они ухитрились подбросить деньги Каифе?* [Булгаков]

– *Подожди, – сказал Виктор. – Что это я у тебя хотел спросить... Да! Как дела, Тэдди?* [Стругацкие]

– *Мы, собственно, уже знакомы, – сказал муж. – Я – Зурзмансор. – Ах, да! – воскликнул Виктор. – Ну, конечно. У меня, должен вам сказать, память...* [Стругацкие]

17. НАСТОЙЧИВОЕ ПОБУЖДЕНИЯ К ДЕЙСТВИЮ.

– *Да бросьте вы, Павор, – сказал Виктор* [Стругацкие].

– *Да перестаньте вы кричать, – сказал Голос. – Перестаньте размахивать руками и угрожать* [Стругацкие].

– *Да сиди ты, – буркнул Аззелло, вставая, – я сам сейчас съезжу...* [Булгаков]

– *Пустите меня! Да пустите же вы меня! У меня дочка там* [Стругацкие].

– *Да тише ты...* – *прошипел раздраженный* [Стругацкие] (имплицитно выраженный императив).

В формировании дополнительного смысла высказывания играет роль порядок слов: позиция субъекта. В приведенных случаях (имя субъекта в постпозиции к императиву) высказывание получает значение требования, *да* выражает нетерпение в ожидании его исполнения.

В следующих далее примерах (имя субъекта в препозиции к императиву) высказывание получает значение просьбы, «мягкого» убеждения, *да* подчеркивает эту убеждающую интонацию.

– *Умклайдет, или как вы его называете – волшебная палочка, требует чрезвычайно осторожного обращения. – Потому я и накрыл... Да вы заходите, товарищ, а то так очень неудобно разговаривать* [Стругацкие].

– *Не пойду, – твердо сказал Квадрига. – Пойдем вместе, – предложил Виктор. – Нет. И вместе не надо. Да ты не бойся, я так... Я привык...* [Стругацкие].

– *Да вы не беспокойтесь, – сказал я. – Переночую в машине, не первый раз* [Стругацкие].

Ср. *Не беспокойтесь. Положи книги. Сядь!* (совет / просьба / требование, не включающие дополнительных смыслов) – *Да вы не беспокойтесь. Да ты положи книги. Да ты сядь* (мягкий, хотя и настойчивый, «убеждающий» совет).

18. НЕУВЕРЕННЫЙ ОТВЕТ НА ПОБУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЮ.

Позвоним? – Да поздно.

Отдохнем? – Да можно.

Ср.: *Позвоним? – Сейчас? Поздно* (убежденность в том, что делать этого не надо) – *Позвоним? – Да поздно* (неуверенный отказ что-либо сделать: «мое мнение, что этого лучше не делать»).

Отдохнем? – Можно (согласие) – *Отдохнем?* – *Да можно* (согласие с некоторым колебанием).

19. СЯТИЕ КАТЕГОРИЧНОСТИ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЯ.

Считая какое-либо действие ненужным, возражая против его реализации, мы выражаем эту мысль, используя модальные конструкции соответствующего значения: *не надо / не стоит / стоит ли* и т.п.

Включение в такое высказывание частицы *да*, указывает на то, что это не категорическое возражение.

– *Вы меня подождите, а я сейчас пойду и все устрою.* – *Да право, не стоит,* – *сказал я в последний раз* [Стругацкие] (вежливое указание на свое нежелание затруднять собеседника, когда в принципе говорящий готов принять предлагаемое, если это удастся реализовать).

Ср.: *Помочь тебе?* – *Не надо* (твердый отказ от предлагаемого действия). – *Помочь тебе?* – *Да не надо, у тебя и своих дел полно* (вежливое указание на свое нежелание затруднять собеседника при отсутствии подлинного возражения против реализации действия).

20. КОНЦЕНТРАЦИЯ ВНИМАНИЯ СОБЕСЕДНИКА НА КАКОМ-ЛИБО ФАКТЕ

Желая привлечь особое внимание к тому факту, о котором он сообщает, говорящий иногда специально повторяет соответствующую фразу. *Да* (ИК-1), предваряющее повторную констатацию факта, подчеркивает значимость данного сообщения, задерживает на нем внимание собеседника.

– *Было около десяти часов утра... Да, было около десяти часов утра, досточтимый Иван Николаевич,* – *сказал профессор* [Булгаков].

Воланд, заканчивая свое повествование, которое как бы перенесло слушателей в то время и те обстоятельства, о которых он говорил, теперь, когда они вернулись в настоящее, еще раз произносит финальную фразу, повторно констатирует данный факт, чтобы задержать внимание на том, о чем шла речь, чтобы “нерсход” в иные обстоятельства не отвлек мыслей от рассказанного.

21. УКАЗАНИЕ НА ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ, НА ЕГО ИСЧЕРПАННОСТЬ.

В перечислительном ряду *да* предваряет компонент, как бы завершающий этот ряд, и подчеркивает исчерпанность перечисления (действие охватывает все возможные объекты).

Пропал отягощенный розами куст, пропали кипарисы, окаймляющие верхнюю террасу, и гранатовое дерево, и белая статуя в зелени, да и сама зелень [Булгаков].

Возможно, этот последний объект первоначально и не предполагалось включать в перечисление.

Ср.: ... *и белая статуя в зелени, и сама зелень* (просто перечисление) – ... *и белая статуя в зелени, да и сама зелень* (= ‘и более того’).

Литература

- Володина Г.И. Некоторые из средств выражения в высказывании субъективных смыслов. // Слово. Грамматика. Речь. Выпуск IV. М., 2002.
- Словарь русского языка в четырех томах. / АН СССР. Институт русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. второе, исправленное и дополненное. М., 1981.
- Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. М., 1999.

Е. К. Столетова

ЧАСТИЦА КАК БЫ: СЕМАНТИКА И КОНТЕКСТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Частица *как бы* относится к числу единиц, очень часто встречающихся в русской речи. Можно даже говорить об экспансии этой единицы в современном русском языке. Частица *как бы* постоянно используется в разговорной речи, языке журналов, газет, телевидения.

Поэтому семантическое описание *как бы* представляется нам актуальным как для теории, так и для практики преподавания РКИ. На продвинутом этапе студенты-иностранцы непременно встречаются с частицей *как бы*. Если носители русского языка интуитивно чувствуют, каково ее значение в том или ином контексте, то студенты-иностранцы нуждаются в экспликации отдельных смыслов.

Цель данной статьи выявить инвариантное значение *как бы* и эксплицировать смыслы, передаваемые этой частицей в различных ситуациях. В настоящее время отсутствует подробное, комплексное описание данной единицы, которое учитывало бы различные контексты ее употребления. Так, например, словарь С. И. Ожегова предлагает следующий вариант: «*Как бы* – условно-предположительное сравнение. *Отвечает как бы нехотя*» (Словарь Ожегова 1984: 232). В «Русско-английском словаре идиом» С. Лубенской выделяются 2 функции *как бы*: указание на неточность некоторой номинации (*Между ними (елками) образовалась как бы аллея*. Набоков) и для *как бы* в придаточных предложениях интерпретация содержания главного предложения (*Он продолжал стоять около своего столика, как бы сочувствуя мне по поводу этой неприятной новости*. Искандер) (Лубенская 1995: 276). Здесь выделено только две функции интересующей нас частицы. В словаре Э. Г. Шимчук и М. Г. Щур частица *как бы* описана следующим образом: «Метатекстовая частица. Употр. перед имен, или глаг. группой. Выражает приближительность, условность наименования чего-н. *Мы как бы работаем, а нам как бы платят зарплату. Это не искусство, это как бы искусство, неотличимое от как бы науки*» (Шимчук, Щур 1999: 78-79). Н.Д. Арутюнова выделяет у *как бы* интерпретативную функцию и относит *как бы* к числу семантических операторов (семантический оператор воздействует на значение следующего за ним языкового выражения) (Арутюнова 1999: 838). Таким образом, исследователями были выделены важные свойства *как бы*, однако комплексное описание частицы отсутствует. Задача данной работы восполнить этот пробел, то есть дать описание *как бы* с учетом самых различных контекстов употребления.

Основные типы предложений с частицей *как бы*. *Как бы* может иметь как пропозитивную, так и предметную валентность, то есть в сфере

действия этой единицы может входить выражение как с препозитивным¹ (см. (1) и (2)), так и с предметным значением (см. (3), (4) и (5)).

(1) - *А к вам матушка приехала? – осведомился для чего-то Порфирий Петрович.*

- *Да.*

Когда же это-с? Вчера вечером. Порфирий помолчал, как бы соображая.

- *Вещи ваши ни в каком случае и не могли пропасть, – спокойно и холодно продолжал он* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание).

(2) *Дама встыхнула и хотела молча закрыть раму обратно, но повнимательнее взглянув на лицо солдата и в особенности на его круглые, до чрезвычайности сосредоточенные глаза, вдруг как бы задумалась, и момент проявить непреклонность был упущен* (Борис Акунин. Пелагия и черный монах).

(3) *Туристы, раскладывая салфетку на пне, на котором собираются обедать: Это у нас как бы стол.*

(4) *Так вот эти самые вассалы (слуги – Е.С.) служили этим большим богатым феодалам (господам – Е.С.) не за страх, а за совесть. Они их и охраняли, и сопровождали всюду, и развлекали, и вообще были как бы даже членами семьи, но только в услужении* (Огонек. Ноябрь 2001).

(5) *Между ними (елками) образовалась как бы аллея. Набоков* (пример из [Лубенская 1995]).

В первом случае предложение с *как бы* имеет вид *N как бы P*, а во втором – *X как бы Y*.

Список основных значений частицы *как бы*

Значения интересующей нас частицы можно представить в виде следующей схемы:

I. В сфере действия находится выражение с препозитивной семантикой: значение «внешнее впечатление о ситуации»

1. «Можно подумать, что N – это P»

1.1. Неизвестно и неважно, так ли это на самом деле: значение «интерпретация ситуации»

1.2. На самом деле это не так: значение «обманчивое впечатление о ситуации»

2. «Можно сказать, что N – это P»

II. В сфере действия находится выражение с предметной семантикой: значение «нестандартная ситуация, в которой предмет начинает выполнять несвойственные для него функции» Итак, перейдем непосредственно к описанию значений данной единицы.

I. Предложения с препозитивным заполнением валентности *как бы* (*N как бы P*): **внешнее впечатление о ситуации** Сформулируем общее толкование частицы *как бы* в контекстах типа *N как бы P*:

(а) **говорящий знает/считает, что имеет место некоторая ситуация N;**

(б) **по мнению говорящего, N является признаком P;**

(в) **на этом основании говорящий предполагает, что имеет место P.**

¹ Языковое выражение с препозитивным значением – языковое выражение, называющее некоторое положение дел (пропозиция – модель называемого предложением «положения дел» (Белошапкина 1999: 775)).

Так, например, в (1):

- (а) Порфирий помолчал (N);
- (б) говорящий считает, что это является свидетельством того, что он соображает (P);
- (в) на этом основании говорящий предполагает, что Порфирий соображает.

Можно сказать, что наличие частицы *как бы* в высказывании свидетельствует о том, что говорящий делает вывод, что имеет место P, основываясь на внешнем впечатлении: например, в (1) у говорящего складывается впечатление, что Порфирий соображает. То же и во (2): говорящий делает вывод, что дама задумалась, поскольку ему так показалось, такое у него было впечатление.

В случаях, когда в сфере действия *как бы* находится выражение с пропозитивным значением, выделяется два типа контекстов:

1. N *как бы* P: «можно подумать, что N – это P».
2. N *как бы* P: «можно сказать, что N – это P».

Рассмотрим эти два типа по отдельности.

1. «Можно подумать, что N – это P»

1.1. Можно подумать, что N – это P, но неизвестно и неважно, так ли это на самом деле: интерпретация ситуации. К этой группе относятся, в основном, примеры, в которых имеет место интерпретация говорящим внутреннего состояния или поведения другого человека (X-а). Например:

(б) *Поначалу неудовольствие вызывало и обыкновение ведущего держать левую руку под столом – это было неверно с точки зрения психологии. Но потом выяснилось, что телезрители к этой манере привыкли и далее полюбили ее, а обозреватели стали писать, будто Вяземский держит руку под столом нарочно, как бы намекая, что главный козырь он прячет на будущее (по Борису Акунину).*

В данном случае *как бы* вводит возможную интерпретацию ситуации, оно представлено в контекстах неясного восприятия. В примере (б) говорящий трактует некоторую ситуацию N как P (поскольку у этих ситуаций, реальной и предполагаемой, есть общий признак, позволяющий это сделать). Рассмотрим пример (б):

- (а) Вяземский держит руку под столом по определенной причине (N);
- (б) говорящему кажется, что N является признаком P – Вяземский намекает, что главный козырь он прячет на будущее;
- (в) это дает говорящему возможность предположить, что имеет место P (Вяземский прячет главный козырь на будущее).

Представляя свою интерпретацию действий X-а, говорящий не уверен, что она верна. В тексте нет никаких указаний на то, является то, что X держит руку под столом, намеком или не является. Это всего лишь предположение. На самом деле, не только неизвестно, но и неважно, верна ли интерпретация говорящего, соответствует ли действительности его взгляд на ситуацию N. Говорящий не задается целью дать точную и однозначную трактовку поведения X-а, можно сказать, не берет на себя ответственности за нее, оставляя ее предположительной.

Для такого рода примеров характерно то, что внешним проявлениям (N) говорящий пытается дать объяснение через какие-то внутренние причины (P). Здесь возможны два варианта: либо P – тайное намерение X-

а, цель, с которой X совершает действие N (как в примере (6): говорящий предполагает, что X держит руку под столом с целью намекнуть на то, что у него есть главный козырь), либо P это внутреннее состояние X-а, настроение, чувства, отношение к чему-либо, и именно оно объясняет поведение (N). Приведем еще некоторые примеры на каждый из случаев:

а) P – цель, с которой X совершает действие N

(7) - *Расскажите, что вам известно про доктора Линда и вообще про всю эту историю.*

Вошедший наклонил голову, как бы давая понять, что вопрос ему понятен, но сказал совсем не то, чего от него ждали (Борис Акунин. Коронация).

В примере (7) говорящий видит в том, что X наклонил голову, его намерение дать понять, что вопрос ему понятен. Дадим подробное толкование

(7): (а) имеет место ситуация N – вошедший наклонил голову;

(б) говорящему кажется, что это могло быть сделано с целью P (дать понять, что вопрос ему понятен);

(в) говорящий считает возможным предположить, что вошедший преследовал цель P – дать понять, что вопрос ему понятен.

б) P – внутреннее состояние X-а, его настроение, чувства, отношение к чему-либо, мотивирующие N

(8) *Верига спокойно посмотрел на Стиридонова, потом, как бы испытывая неловкость от услышанной им бестактности, опустил глаза и сказал холодным, почти губернаторским тоном:*

- Должен сказать, что в учениках сельских школ я наблюдал многие хорошие качества (Ф.Сологуб. Мелкий бес).

Говорящий, давая трактовку поведения X-а, ищет причину этого поведения во внутреннем состоянии X-а в тот момент: в (8) говорящий связывает то, что X опустил глаза, с испытываемой им неловкостью: (а) имеет место ситуация N – Верига опустил глаза;

(б) говорящий считает, что N вполне может быть признаком P – того, что Верига испытывает неловкость;

(в) говорящий допускает, что действительно имеет место P. Описанное нами значение *как бы* бывает представлено в предложениях, где эта частица находится либо в сочетании с деепричастием ((1), (6), (7), (8)), либо в сочетании с пропозитивным существительным, обозначающим какое-либо состояние, чувство, как, например, в (9):

(9) *Он пылливо и серьезно еще раз обвел глазами своих слушательниц.*

Вы не сердитесь на меня за что-нибудь? – спросил он вдруг, как бы в замешательстве, но, однако же, прямо смотря всем в глаза (Ф.Достоевский. Идиот).

В данном случае в сферу действия частицы входит препозитивное существительное *замешательство*. Другие примеры – *он стоял как бы в недоумении / в оцепенении / в сомнении*.

Во всех рассмотренных нами случаях говорящий объясняет некоторое физическое действие, которое совершает X, его внутренним состоянием или намерением. Однако нельзя не отметить, что выделяется также ряд контекстов, где в сфере действия *как бы* находится слово, обозначающее не внутреннее состояние X-а, а действие. Например:

(10) - *Расскажите про смертную казнь, – перебила Аделаида.*

Мне бы очень не хотелось теперь... – смеялся и как бы нахмурился князь (Ф. Достоевский. Идиот).

В данном случае *как бы* употреблено в сочетании с глаголом *нахмуриться*, который обозначает физическое действие, а не психологическое состояние X-а, и тем не менее, этот глагол дает слушающему возможность сделать вывод о внутреннем состоянии X-а: если человек *нахмурился*, значит, он недоволен.

Таким образом, в данной группе контекстов *как бы* является индикатором того, что говорящий не знает наверняка (и не задается целью узнать), имеет ли на самом деле место P, а просто допускает наличие P, поскольку у него складывается впечатление, что N – внешнее проявление P.

Далее перейдем к рассмотрению второй подгруппы контекстов с частицей *как бы*.

1.2. Можно подумать, что N – это P, но на самом деле это не так: обманчивое впечатление. Здесь имеются в виду случаи, когда впечатление говорящего о некоторой ситуации ошибочно или его взгляд на ситуацию поверхностен. Говорящий принимает некое N за P, замечая, что у ситуации N есть нечто общее с ситуацией P. P – это иллюзия, возникающая в сознании говорящего, и нередко сам говорящий это осознает. Иными словами, речь идет об обманчивом впечатлении о ситуации.

Все контексты этой группы распадаются на несколько подгрупп.

1) Говорящий находится в определенном (необычном) эмоциональном состоянии, настроении, и поэтому у него складывается впечатление, что он находится в некоей ситуации P, отличной от N (того, что имеет место в действительности), то есть говорящий, можно сказать, мысленно (эмоционально) переносится в другую ситуацию.

(11) И не только потому, что ходить nowhere не надо, не только потому, что у телевизора можно лежать, есть и пить <...>, но главным образом, кажется, оттого, что степень приближенности телесобытий к реальной жизни несравнима ни с чем: как раз когда я тут лежу на диване, они там, вот в этот самый момент, вон что делают, и так далее. И я как бы тоже там, с ними – в блеске, риске, волнении, интригах <...> (Т. Толстая. Кина не будет).

В данном случае у лежащего у телевизора человека возникает иллюзия, что он находится в другом месте, в гуще событий, которые показывают на экране.

2) В силу каких-то объективных факторов говорящий видит нечто искаженно, у него возникает оптическая иллюзия. Данную подгруппу можно назвать «обман зрения». См.:

(12) Он (туман) срывался с плоскогорья, которое окутывал гигантской рыхлой грядой, и своим падением как бы увеличивал хмурую глубину пропастей между горами (И. Бунин. Перевал).

(13) Это вторая странность портрета. Есть и еще. Голова непропорционально велика, а шея настолько длинная, что лицо-маска существует как бы отдельно от туловища. Эффект усиливается жестким воротником, который воспринимается как блюдо и

зрительно отделяет голову от туловища (голова оказывается как бы лежащей на блюде) (Литературная газета. Апрель 2002).

В (12) глубина пропасти между горами кажется больше, поскольку на нее падает туман, в (13) впечатление, что голова существует отдельно от туловища, складывается из-за ее непропорциональных размеров, а то, что она кажется лежащей на блюде, связано со зрительным эффектом, создаваемым воротником.

3) Говорящий называет ситуацию N именем P, при этом осознавая, что N – нечто противоположное P. Таким образом, он стремится к тому, чтобы у окружающих возникла иллюзия P.

(14) *Итак, развод. И мать при нем особенно лишняя. Не надо ей видеть (развод Е.С.)! Не надо! Как бы гуманная позиция* (Г.Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом).

Здесь ситуация такова: у многих людей, которые видят, что имеет место N (X не хочет, чтобы мать видела развод), должна возникнуть иллюзия, что N свидетельствует о том, что P (гуманная позиция). При этом, говорящий понимает, что в реальности ситуация противоположна P.

4) У говорящего складывается впечатление P о ситуации N, потому что X намеренно создает эффект P, выдает N за P, намеренно вводя окружающих в заблуждение.

Это значение представлено очень многочисленными примерами. Именно к этой группе относятся такие распространенные сочетания, как *как бы между прочим, как бы между делом, как бы нехотя* и т.п. Приведем примеры:

(15) *Старухи втроем сидели за самоваром и то умолкали, наливая и прихлебывая из блюда, то опять как бы нехотя и устало принимались тянуть слабый, редкий разговор* (В.Распутин. Прощание с Матерой).

(16) *Прохоров и Папка продолжают разговор. Тебя как зовут-то? – как бы между прочим спрашивает Прохоров* (В.Шукшин. Живет такой парень).

(17) *Тут же, в большом городе у реки, мать, что называется, отошла душой и приготовилась жить еще долго, долго, а Лилька качнула ногой и так, как бы между делом, предложила вернуться к Астре* (Г.Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом).

Старухи нарочно делают вид, что пьют чай нехотя и устало, Прохоров – что задает вопрос между прочим, Лилька – что предлагает вернуться к Астре между делом. На самом деле все это не так.

Вот что пишет Н.Д. Арутюнова о таком употреблении *как бы*: «Есть случай, когда *как бы* <...> функционально сближается с отрицанием. Речь идет о театрализованных действиях, совершая которые, X вводит адресата (или просто зрителя) в заблуждение, обычно выдавая намеренную акцию за нечаянное, произвольное действие» (Арутюнова 1999, стр. 839).

5) Очень характерно сочетание частицы *как бы* с метафорами. В самом общем виде толкование для таких случаев будет выглядеть следующим образом: можно было бы подумать, что N – это P, если бы P могло существовать в реальности.

(18) *Игорю Лозовскому было 42 года. За это время он прожил как бы две жизни* (М.Юденич. Гость)

Жизнь Игоря Лозовского состояла из двух периодов, что создало иллюзию, что он прожил две жизни. Это дало говорящему возможность употребить метафору.

Здесь имеются в виду те случаи, когда Р (то, с чем сравнивается ситуация N) – нечто, не могущее существовать по законам нашего мира, нечто неральное, сравнение же говорящий проводит исключительно с целью усилить эффект, лучше изобразить ситуацию.

2. «Можно сказать, что N – это Р»

Иногда частица *как бы* не имеет значения «можно подумать, что N – это Р, принять случайно N за Р», а имеет скорее иной смысл: можно условно назвать ситуацию N именем Р, действие N будет вполне равноценно действию Р, будет адекватно заменять его. Рассмотрим примеры.

(19) *Нужно сообщить Линду, что его условие принято, однако до коронации по понятным причинам исполнено быть не может. Посему за каждый день задержки доктор будет получать некую сумму, весьма значительную – мы как бы возьмем у него «Орлова» (алмаз – Е.С.) напрокат. До коронации ведь еще неделя?* (Борис Акунин. Коронация).

В этом примере говорящий описывает два действия, одно из которых служит адекватной заменой другого действия и, таким образом, дает возможность оттянуть его выполнение. Иначе говоря, ситуация N – это, по мнению говорящего, то же самое, что Р: то, что Линд будет получать некую сумму за день задержки «Орлова», равнозначно тому, что «Орлов» взят у него напрокат.

Дадим толкование данного примера:

(а) имеет место ситуация N – за каждый день задержки доктор будет получать некую сумму;

(б) ситуация N является по сути тем же самым, что ситуация Р (Орлов будет взят напрокат);

(в) это дает говорящему возможность сказать, что N равноценно Р. II. Предложения с предметным заполнением

валентности как бы

(X как бы У): нестандартная ситуация, в которой предмет начинает выполнять несвойственные для него функции Рассмотрим теперь случаи, когда в сфере действия *как бы* находится предметное слово. Предложим толкование для таких случаев.

(а) X выполняет функцию N, в принципе, несвойственную для него;

(б) говорящий знает, что N – нормальная функция У;

(в) говорящий считает, что это позволяет сказать, что X как бы У.

Напомним некоторые приводившиеся выше примеры и дадим несколько новых (уже приводившиеся примеры стоят под прежними номерами):

(3) Туристы, раскладывая салфетку на пне, на котором собираются обедать: *Это у нас как бы стол*

(20) Дети в игре о каком-нибудь предмете, например, стуле: *Это у нас будет как бы лошадь*

(4) Так вот эти самые вассалы служили этим большим богатым феодалам не за страх, а за совесть. Они их и охраняли, и сопровождали всюду, и развлекали, и вообще были как бы даже членами семьи, но только в услужении (Огонек. Ноябрь 2001. Убить чайку).

(21) Мы с ним как бы коллеги.

В этих примерах описывается нестандартная ситуация, в которой некоторый объект X начинает выполнять несвойственные для него функции, выступать не в своей роли, потому что, возможно, возникают обстоятельства, требующие этого. Например, в (3) у туристов нет возможности расположиться на обед за настоящим столом, потому что его нет поблизости; в (20) у детей возникла необходимость найти среди предметов такой, который мог бы «заменить» им лошадь; в (4) представители определенного класса (вассалы) переходят в другой класс (члены семьи) по некоторым причинам, хотя изначально этого не должно было быть, это не предполагалось; в (21) два человека не являются коллегами в строгом смысле (например, не работают в одной организации), а просто занимаются вместе одним и тем же делом, то есть их отношения похожи на отношения коллег. Таким образом, в этих контекстах X, не являясь У, выполняет функции У, выступает в роли У. Таким образом, некий X является (для говорящего) по сути У-ом.

Рассмотрим, в чем особенность семантики *как бы* в сочетании с предметным словом и как именно описываемая нами частица воздействует на его значение. *Как бы* является показателем некоторого семантического сдвига в значении этого слова, индикатором того, что оно употреблено не в строгом смысле. В наших примерах *как бы* производит изменения в значении слов *стол, лошадь, члены семьи, коллеги*. Таким образом, получается, что *как бы коллеги* - это особая категория (так же, как и *как бы члены семьи*), поскольку они обладают существенными признаками и категории «коллеги», и категории «не коллеги». *Как бы* сводит два понятия к одному, совмещает их в новом, промежуточном, понятии (*как бы коллеги* не дотягивают до коллег, меньше, чем коллеги, но больше, чем не коллеги). Используя *как бы* говорящий стремится показать, что X обладает важными признаками У, но при этом не является У в строгом смысле слова, не принадлежит к классу У, не носит имя У.

Рассмотрим теперь, в каких именно случаях возможно употребление *как бы* с предметным словом, а в каких невозможно, какие факторы влияют на сочетаемость этого слова с *как бы*. Выражение типа X как бы У возможно только в том случае, если признак, общий для X и У, является **существенным**, по крайней мере, с точки зрения говорящего, то есть если X является У-ом по существу. Если же признак, по которому X сравнивается с У, является коннотативным²¹, то употребление *как бы* в таких контекстах становится невозможным. Обратимся к контекстам, в которых употребление *как бы* невозможно по причине того, что признак, на основании которого производится сравнение, коннотативный, не существенный, не могущий быть основанием для совмещения двух понятий.

²¹ Коннотативные признаки – «несущественные, но устойчивые признаки», которые «не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» (Апресян 1995, стр.159).

(22) **Ты как бы старуха* (например, такая же ворчливая).

Признак ворчливости является коннотативным. Ассоциация, что старуха ворчлива, устойчиво закрепились в нашем сознании, но при этом данный признак, разумеется, не является одним из наиболее существенных для значения слова «старуха». К тому же, старуха не единственный человек, который может быть ворчливым (ср.: стол – единственный предмет, на котором едят).

При этом, в детской игре, например (предположим теоретически, что возникла необходимость создать высказывания типа (22)) фраза типа *Ты как бы старуха* вполне нормальна, так как в этом случае предполагается, что X будет вести себя так же, как Y, временно **играть роль** Y-а, то есть как бы обладать основными признаками Y-а.

Итак, мы выделили два типа языковых выражений, которые могут входить в сферу действия *как бы*: это выражения с препозитивной и с предметной семантикой. В этих случаях *как бы* указывает соответственно на наличие внешнего впечатления о ситуации или на то, что некий предмет начинает выполнять несвойственные для него функции, функции другого предмета. Случаи, когда *как бы* сочетается с пропозицией, были разделены на две группы: «можно подумать, что N это P» (это либо интерпретация ситуации говорящим, либо обманчивое впечатление о ситуации) и «можно сказать, что N – это P».

Необходимо также заметить, что *как бы* в настоящее время широко употребляется в русском языке как слово-паразит. С чем это связано? Используя *как бы*, говорящий часто стремится смягчить свою формулировку, сделать ее менее резкой. Рассмотрим некоторые примеры из речи студентов.

(23) *Я как бы опоздала.*

(24) *Я как бы не готова.*

(25) *Я как бы не совсем понял.*

Я как бы опоздала значит “я опоздала, но не сильно”, *Я как бы не готова* – “я почти не готова; нельзя сказать, что я не готова совсем”, *Я как бы не совсем понял* – “я понял, но не до конца”. Данное явление чрезвычайно интересно и заслуживает специального исследования.

О. Н. Григорьева

«Я ТЕБЕ РУССКИМ ЯЗЫКОМ ГОВОРЮ...»

(Об особенностях русского конфликтного диалога)

Неудачи в нашем ежедневном общении определяются множеством причин: плохое самочувствие, дождливая погода, неприятные новости. А дальше все, как в известной басне Крылова: «У сильного всегда бессильный виноват». Модель «судья – подсудимый» в последнее время стала распространенной формой диалога не только в бытовых ситуациях, но и в построении школьного урока. Так, урок по литературе называется «Суд над Печориным». В роли «прокурора» – учитель. На уроке химии происходит суд над хлором, который осмелился вступить в связь с некоторым элементом. В любом диалоге «мы используем язык двояким образом: либо для упаковки/распаковки информации о мире, либо для того, чтобы установить определенный тип взаимоотношений с нашим собеседником. Наши просчеты в использовании языка в первом случае приводят к конфлик-

там речевых решений, во втором – к конфликтам контактных решений. Это означает, что мы сами создаем коммуникативные конфликты. Но это также означает, что мы сами способны их избегать. Надо только понимать их природу, их причины и механизмы, способы их предотвращения» (Муравьева, 2002: 24)

У многих иностранных учащихся, особенно представителей восточных стран, выражение семейных отношений в русском языке вызывает своего рода культурный шок. Это касается, например, обращения к родителям на «ты», различных проявлений фамильярности. С другой стороны, фразеология повседневного общения, которой свойственна высокая степень эвфемистичности, трудна для восприятия в силу ее двусмысленности. Это, например, такие фразы: *Ничего с тобой не случится! Опять старую песню заела! Скажите на милость!* Иностранец обычно воспринимает их в прямом значении. Лингвистическое осмысление русского бытового конфликта позволяет увидеть много интересного с точки зрения «этикетности» этого явления, его инерционности. Эксперимент, проведенный в студенческой аудитории, подтверждает это. Конфликтный диалог легко воспроизводим, малоинформативен, включает множество готовых, стереотипных фраз. Речевая ситуация при этом, как правило, асимметрична: взрослый – ребенок, учитель – ученик, муж – жена. В некоторых случаях конфликтная ситуация возникает в экстремальных условиях: дорожно-транспортное происшествие, теснота в транспорте.

Вот типичный (к сожалению) диалог между матерью и дочерью-школьницей:

Мать – Почему ты так поздно?

Дочь – Захотелось!

Мать – Я тебе во сколько сказала быть?

Дочь – Когда захотела, тогда и пришла. Я не обязана отчитываться!

Мать – Вот когда будет свой дом, тогда и приходи когда хочешь.

Дочь – А тебе-то что, ложись и спи. Что ты за мной следишь?

Мать – Ты пока что моя дочь и живешь в моем доме.

Дочь – Я могу и уйти.

Мать – Двери этого дома закрываются в 24.00. В конце концов, можно было позвонить и сказать, что задерживаешься.

Дочь – (Что-то бурчит, уходит в комнату и хлопает дверью)

Мать – Ты чего на мать хлопаешь, сопля малолетняя, ты пока еще ничего в этот дом не заработала! Совсем распустилась!

Речевые стереотипы, представленные в этом диалоге, несомненно, являются обозначением психологических стереотипов поведения: отношения к ребенку как к собственности, утверждения своих прав и вытекающего из этого отношения к матери как к собственнице, отстаивания своих прав. Инерционный механизм такого диалога запущен фразой: *Почему так поздно?* Возможны варианты: *Где тебя носит? Явилась наконец-то!*

Правовые рамки устанавливаются матерью как временные и простраиваемые: *поздно, во сколько сказала быть, 24.00, пока мой дом, дочерью – как личностные: захотелось, не обязана отчитываться, могу и уйти.* Использование образа дома в семейном диалоге для создания конфликтной ситуации достаточно распространено, например: *Это твой дом, я здесь вообще чужая* (Из разговора жены и мужа). Опиозиция «свой» – «чужой» вытесняет более естественное и гармоничное «наш», «родной».

Нарушение прав личности часто проявляется в форме требования: говорящий точно знает, что нужно делать его собеседнику, как одеваться, что есть и даже как выглядеть.

Дочь – Ма, плиз, отойди от холодильника. Я кетчуп достану.

Мать – Ты что, собралась есть яичницу с кетчупом?

Дочь – Ага. Моя яичница – что хочу, то и делаю.

Мать – Ты только посмотри на себя! Что ты с собой делаешь! А кто гастрит лечить будет?

Дочь – Мать, не заводись, дай позавтракать без скандала.

Мать – Ты себя видела? Морда вся в прыщах, синяки под глазами, смотреть страшно?

Дочь – Ма, согласиись, что кетчуп к этому никакого отношения не имеет. В конце концов, найду работу и к Новому году из вашего гастронома съеду. И буду есть свою яичницу, слушать свою музыку и вообще жить своей жизнью.

Мать – От нас еще убежишь, от себя не убежишь, раз ты такая дуручка.

Дочь – Ну, какую вырастили.

Диалог такого рода, несомненно, имеет глубокий подтекст, причем для каждого из говорящих он свой. Известный психолог Владимир Леви приводит примеры «перевода с бессознательного». Вопрос *Уроки сделал?* Сын подсознательно слышит: «Не забывай, что ты не свободен», мать подсознательно rozumет: «Тебе хорошо, а мне еще стирать твои штаны». Отказ сына надеть куртку *Да не холодно же! Не хочу! Отстань!* означает для него: «Прости, не могу выразить это иначе. Не мешай мне тебя любить». Мать подсознательно слышит: «Ты мне надоела, ты глупа, я не люблю тебя». Конечно, «точный буквальный «подстрочник» подсознания вообще невозможен – лишь толкования, интерпретации, версии. (Леви 2002:33). Важным представляется то, что в русском конфликтном диалоге агрессивные реплики не употребляются в их буквальном значении, в отличие, например, от испанского языка. Высказывания типа: *Уйду от вас, Моей ноги здесь больше не будет* – вовсе не означает, что это будет осуществлено.

Несмотря на то, что большинство конфликтных диалогов являются фатическими по своей природе, то есть служат формой общения ради общения, их деструктивный характер несомненен. Особенно это касается диалога «учитель – ученик». Обвинительный тон, угрозы, утверждения себя в роли диктатора свойственны речи учителя. В ней преобладает модальность должностования, разоблачающие вопросы типа: *Кто это сделал?*, апеллирование к авторитетам: старшие, родители, директор. В этой ситуации ребенок вынужден играть роль подсудимого, прибегая к вопросам: *Почему я? Что я такого сделал? За что?*

Учитель – Кто сегодня дежурный?

Класс – (Молчание)

Учитель – Кто сегодня должен был поднимать стулья и не сделал этого?

Один из учеников – А что ему за это будет?

Учитель – Я проищу встать немедленно того, кто должен сегодня дежурить!

Петров – Ну, я дежурный, что дальше?

Учитель – А, так это ты! В который раз уже ты не делаешь то, что надо. Почему ты не вытер с доски?

Петров – Очень надо мне ... Вам надо, вы и вытирайте.

Учитель – Что? Ты мне еще дерзишь?! А задание домашнее ты сделал? Вынь руки из карманов, встань прямо, отвечай, когда с тобой старшие разговаривают.

Петров – Да что вы так взъелись? Щас я вытру вашу доску.

Учитель – Где твой дневник? Давай его сюда! А! И расписание не написано. Вот вечно ты так. Куда только родители смотрят!

Петров – Да за что? Зачем дневник-то? Я ведь сделал все.

Учитель – Знаю я, как ты делаешь. Ваши с Сидоровым разговоры мне уже совсем надоели. Сядь за другую парту, быстро!

Петров – Почему я должен туда садиться, с какой стати?

Учитель – Когда же все это кончится? Выйди из класса. И без родителей не приходи!

Классический конфликтный диалог происходит между мужем и женой, для которого характерны сниженная оценка адресата, сравнение его с другим (У других мужья как мужья), упрек – обобщение (Все вы такие), обилие модальных частиц *хоть, уж, ведь*, использование личных местоимений 3 лица *он и она* вместо прямого обращения

Муж – У тебя всегда суп холодный!

Жена – Ну а как, по-твоему?! Уж что-то одно? Или работа, или обед? Сам в своем институте только итаны просиживаешь, ничего не получаешь. Сколько лет я тебе говорю: пойдн пощи себе нормальную работу, чтобы хоть что-то в дом приносить! Если бы ты по-человечески зарабатывал, уж наверно мне не пришлось бы с утра до вечера пахать, все бы успевала.

Муж – Ну вот, как всегда! Ей только слово скажи – и все! Поехало... Что мне, на биржу труда идти?!

Жена – Он еще издевается! Знаешь, по-моему, это была очень большая ошибка с моей стороны, что я за тебя вышла...

Муж – Ну, надо было раньше думать...

Жена – Так и теперь еще не поздно все исправить! Эх, уйду я от тебя!

Муж – Скатертью дорога!

Объясняя такой диалог иностранным учащимся, важно отметить не только то, что в нем проявляется невысокий уровень культуры общения, но и то, что он является прекрасной иллюстрацией русской поговорки *Милые бранятся – только тешатся*. Специального лингвострановедческого комментария требуют словосочетания *просиживать итаны, приносить в дом, до вечера пахать, нормальная работа*. Реплики мужа *Как всегда! Поехало...* подчеркивают привычность, повторяемость диалога, отношение к нему, как к механизму (Ср. *Оляг завелась*).

Диалоги между покупателями и продавцом, подслушанные в магазине, часто напоминают сценку из какой-то комедии. Это конфликты особого рода, так как происходят из-за нарушения речевого этикета, обязательного в сфере обслуживания. Будучи наследием советского времени, эти диалоги выглядят сейчас достаточно архаично.

Приведем один из таких разговоров (А – покупательница, В – продавец)

А – Дайте, пожалуйста, те, черные (ботинки).

В – А я какие даю?!

А – Вы мне коричневые дали.

В – Ничего не коричневые, это подсветка такая.

А – А это настоящие или кожзаменитель?

В – Вы что не видите?! Там все указано. Сами смотрите. Вас много, а я одна.

А – Это Германия?

В – Нет, Китай. Германия начинается от 100 долларов. Брать будете?

А – Нет, мне жмет. А другие..?

В – (перебивает) Других размеров нет. Все распродали. Эти последние остались.

А – Жалко. Мне так понравились. Может быть, мне эти коричневые подойдут? Цвет, правда, неудачный.

В – Мне некогда с вами разбираться. Сначала сами решите, что вы хотите, а потом приходите.

Барьеры общения, которые в данном случае выстраивает один из участников диалога, другим не могут быть преодолены. В данном случае можно говорить о нарушении постулатов нормального общения. Ответные реплики продавца неадекватны задаваемым вопросам, они ориентированы на свертывание диалога: *некогда, потом, сами смотрите.*

Каждая конфликтная ситуация имеет свои речевые особенности. Диалог в транспорте, как правило, превращается в полилог. Его участники, стремясь отвоевать свое место в тесном пространстве, используют особую лексику: *Потеснитесь! Дайте дорогу! Что расселись! А мне что, в воздухе висеть? Не ложитесь на меня!* Отношение к собеседнику как к завоевателю жизненного пространства, чужому, облекается в абсурдную форму, своего рода поиск причин социального неравенства: *Умный нашелся! А еще в шляпе (очках)! Интеллигент! С вашими запрсами не на поезде, а на такси ездить!*

Ситуация дорожной аварии создает особые условия для словесной перепалки. Участники диалога, с одной стороны, проявляют некоторую корпоративность, которая проявляется в употреблении местоимения *ты* вместо *вы*, «миротворческой» лексике: *давай договоримся, давай похорошему.* С другой стороны, разговор напоминает ссору двух детей из-за сломанной игрушки: *Ты сам на красный ехал* (Ты плохой). *Милиция разберется* (Папе пожалуюсь). Водители толкают друг друга, но только словесно.

- Ты что, слепой что ли?

- Да ты же сам на красный ехал! Смотри, как машину развернуло. Милиция разберется, кто прав, кто виноват. Есть свидетели.

- Какие свидетели! Ты что, псих?! Очевидно же, превысил скорость. Что напираешь? Какая милиция! Давай договоримся. Тебе же лучше будет.

- Милиция разберется, кому лучше будет, но только я не виноват.

- Давай, вызывай, раз не хочешь по-хорошему. У тебя только фары побиты, чего ты настаиваешь?

- Да то, что нельзя таким, как ты, права в руки давать. И я это докажу.

- Жене своей будешь доказывать. Как ты со мной разговариваешь! Наглец!

- Поставил бы лучше аварийный знак, а то твою машину больше разобьют.

- Не указывай мне, что делать!

Анализ более чем пятидесяти конфликтных диалогов позволяет выделить свойственные им языковые особенности

1. Проявление инерции конфликта (повторяемости ситуации): *опять, всегда, вечно, вечный, каждый раз, каждую неделю, в который раз уже, постоянно, никогда*

2. Выражение требования немедленного исполнения действия: *немедленно, сейчас же, сию минуту, сегодня же, сейчас или никогда. Мне что, два раза повторять?*

3. Сниженная оценка поведения адресата: *Ты к Маше – как на работу. Твои разговоры по телефону – переливание из пустого в порожнее. Твое сидение за компьютером – пустое занятие.*

4. Переключение внимания адресата на сферу долженствования (ограничение свободы): *А на паспорт когда сфотографируешься? А посуда не вымыта? А уроки когда будешь делать? А делом когда займешься?*

5. Отстаивание своих прав: *Имею право поест и отдохнуть. Я что, в кино уже не имею права сходить? Почему я обязана с вами перед телевизором сидеть? Что хочу, то и делаю. Это мое дело. Не указывай, что мне делать. Не учи меня жить. Как хочу, так и разговариваю.*

6. Дистанцирование (оппозиция «свой» – «чужой»): *Это моя проблема, а не твоя. Почему это тебя так беспокоит? Буду жить своей жизнью. Вам надо, Вы и вытирайте. Щас я вытру Вашу доску! Это твой дом, я здесь вообще чужая. У тебя плохое настроение, не порти его мне. Подальше от таких, как Вы.*

7. Свергивание диалога (сожаление о начатом диалоге):

Я могу вообще ничего не говорить тебе. Зря я вообще об этом заговорил. Не нужно было начинать этот разговор. Напрасно мы затеяли этот разговор. Мне этот разговор осточертел. Говорить с тобой без толку.

8. Упрек – обобщение.

Ты меня никогда не слушаешь. Ты вечно мои просьбы пропускаешь мимо ушей. Тебе все безразлично. Тебе же совершенно неинтересно. Вечно ты так. Сочиняй большие! Ты меня не слышишь и не хочешь слушать. Тебе вечно (лишь бы) к чему-нибудь придраться. Куда только твои родители смотрят! Вечно умудряешься все испортить! Весь дом на мне держится. Ты палец о палец не ударишь. Совести ни капли у тебя. У тебя только подруги на уме. Тебя что – попросить ни о чем нельзя?

9. Косвенный упрек. (употребление модальных частиц)

Хоть бы позвонил. Я ведь просила. Я же, кажется, уже сказала. Мне его насильно поить, что ли?

10. Констатация начала конфликта.

Началось! Ну, не начинай. Не заводишь.

11. Распределение ролей (моделирование несимметричной речевой ситуации).

Инициатор конфликта интерпретирует свою роль как роль жертвы.

Я прошу, а ты... Это только мне нужно, а тебе все равно. Я всегда виновата, а ты прав. Мы себе места не находим, ждем, а ты... В этом

доме только мне все и надо. Приходишь с работы усталый, а тут тебя начинают пилить. Я, как дура, весь вечер ему звоню, а он... А я-то, дура...

12. Негативная оценка самого диалога

Не клеится у нас разговор. Ты даже не спросил, как прошла защита. Ты вообще не даешь ничего сказать. Не заводись, дай позавтракать без скандала. Ты еще и дерзишь. Что вы так взъелись? Не хамите! Не орите! Я Вам слова грубого не сказала.

13. Включение метаязыковой функции (отчасти пересекается с п.11). Оценка самих слов, интонации и т.д.

Почему ты таким тоном разговариваешь? Что значит «носит» («явился» и др.)? Ты что, других слов не знаешь? Что «ага»? Ты как со мной разговариваешь! Выбирай слова.

14. Прогнозирование реплики собеседника (Риторические восклицания) Я еще и виновата. Я плохая. Ты хочешь сказать, что нам пора расстаться? Мне что, уйти? Ты еще скажи «денег жалко».

15. Нежелание поддерживать диалог (нарушение когнитива)

Вы что, не видите? Мне некогда с вами разбираться. Ответные вопросы: А что? А тебе зачем? Тебя это волнует? Отрицательные местоимения: Никак. Никуда. Никакой.

16. Конфликтный словарь: лексика, фразеология, стереотипные реплики: явиться, притащиться, умудриться, распоясаться, распустишься, препираться, плевать, заткнуться, надоест, отвалить, нарываться.

Как об стенку горох, просить русским языком, в кои-то веки, заговаривать зубы, лезть в бутылку.

Какой умный выискался! Интеллигентны чертovsky, развелось вас тут! Мы университетов не кончали! А еще очки надела! Где тебя носит? Не твое дело! Не делай мне одолжения! Очень надо! Пошел вон! Вали отсюда! Где твой дневник? Ничего с тобой не случится. Не рассьтешься. Опять старую песню завела (включила). Скажите на милость! Сколько можно! Жене своей будешь доказывать!

17. Прием отстранения (относительное употребление местоимений и существительных)

Мы ее ждем, а она где-то ходит. А тебя никто не просит помогать. Утром матери нагрубила, теперь препираться будет. Молчи, когда старшие разговаривают. Если бы не я, кто-то бы уже там не учился.

18. Негативная оценка адресата (нагнетание отрицательных эмоций)

Ты что, слепой? Ты что, псих? Тоже мне, умный нашелся! Ты всегда все путаешь. Ты только посмотри на себя! На кого ты похожа! Смотреть на тебя страшно! Уселась, худеть надо. Вынь руки из карманов, встань прямо, когда старшие с тобой разговаривают. Ты из-за мелочей лезешь в бутылку. Не тяни. Говори скорей. Что ты мямлишь! Таким, как ты, нельзя в руки права давать. Такие, как ты, сорвать объявление. Сравнения: Он, во всяком случае, настоящий мужчина.

19. Угроза

Ты поговори со мной в таком тоне! Только попробуй еще раз так явиться! Без родителей не приходи! А что ему за это будет? – Увидишь! Где твой дневник? Сейчас я вызову директора! Тебя из школы исключат. Я тебя в последний раз предупреждаю.

20. Шантаж.

Вот я умру, тогда, наверно, некому грубить будет.

21. Ирония.

Молодец! Ты же самый умный! Ты все лучше всех знаешь, конечно!

22. Полный разрыв контакта (указание на невозможность возобновления диалога).

Можешь больше ко мне не обращаться. Это конец. Это все. Больше мне не звони. Все, с меня хватит.

В психолингвистике выделяют три типа стратегий участников общения, которые лежат в основе «коммуникативного недоразумения»: инвективная, куртуазная и рационально-эвристическая. «Инвективная стратегия конфликтного поведения демонстрирует пониженную знаковую: коммуникативные проявления здесь выступают отражением эмоционально-биологических реакций и выливаются в аффективную разрядку в форме брани, ругани (инвективы). Куртуазная стратегия отличается повышенной семиотичностью речевого поведения, обусловленного тяготением говорящего к этикетным формам социального взаимодействия. В качестве крайней формы аффекта в этом случае предпочтение отдается плачу. Рационально-эвристическая стратегия речевого поведения в ситуации конфликта опирается на рассудочность, здравомыслие. Этот тип разрядки тяготеет к смеху, как аффективной реакции. Негативные эмоции в этом случае выражаются косвенным, непрямым образом». (Седов 1996: 8-14). Приведем три конфликтных диалога, которые основаны на различиях типов языковых личностей.

1. Муж (что-то раздраженно ищет) – *Черт возьми! Куда в этом доме все девается!*

Жена – *Не смей со мной разговаривать в таком хамском тоне!*

2. Жена (входя в квартиру) – *Я сейчас ехала в какой-то душегубке! Это кошмар, что в транспорте творится!*

Муж (иронически) – *Ужас! Всемирная катастрофа!*

Жена – *Я не понимаю, чему ты радуешься. Твоей жене чуть руку не сломали, а ты все ерничаешь!*

3. Жена – *Ой, что-то я сегодня себя так плохо чувствую...*

Муж (иронически) – *Бедняга! Пожись и сделай бай-бай.*

Жена – *Скотина! Это ты целыми днями дрыхнешь, а я на всю семью вкалываю!*

В первой ситуации муж принадлежит к инвективному типу, жена – к куртуазному; во второй – куртуазная жена выражает недовольство рационально-эвристическим стилем общения мужа; в третьем примере конфликт намечается вследствие несоответствия: жена – инвективный тип, муж – рационально-эвристический.

Но, очевидно, к какому бы типу собеседников мы ни относились, каковы бы ни были мотивы наших конфликтов, у нас всегда остается в запасе один аргумент: *Я тебе русским языком говорю!* Или последний: *Я с тобой человеческим языком разговариваю!*

Литература

Леви В.Л. Как воспитывать родителей, или Новый нестандартный ребенок. М., 2002

Муравьева Н.В. Язык конфликта. М., 2002

Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов, 1996. Вып.26.

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

О. В. Егорова

НЕМЕЦКИЙ АДВЕРБИАЛЬНЫЙ ГЕНИТИВ (ADVERBIALER GENITIV) И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В каждом языке есть модели, которые в силу своей редкости, непродуктивности и стилистической ограниченности неактуальны для обучения говорению, но без которых невозможно чтение художественного текста. В немецком языке – это, в первую очередь, *адвербиальный генитив*, т.е. беспредложная именная группа в родительном падеже, служащая для выражения какого-либо из обстоятельственных значений.

Адвербиальный генитив в немецком языке – это беспредложная именная группа в родительном падеже, служащая для выражения какого-либо из обстоятельственных значений. Необходимо отметить, что хотя в синтаксической науке распространен подход, при котором косвенный падеж без предлога рассматривается как разновидность предложно-падежного сочетания, где место предлога просто не занято, конструкции подобного типа обладают определенными особенностями и заслуживают отдельного изучения. В чем же специфика немецкого адвербиального генитива?

Как известно, падеж является морфологической категорией, служащей для реализации синтаксических функций существительного или местоимения.

Поскольку таких функций может быть несколько, каждый падеж является носителем целого комплекса значений, которые можно разделить на центральные (составляющие семантический центр падежа, функционально наиболее характерные для него, регулярные и высокочастотные) и периферийные (соответственно менее регулярные и частотные, образующие непродуктивные модели). Если рассмотреть с этой точки зрения немецкий генитив, то можно сказать, что исторически его основной, исконной функцией была обстоятельственная функция. (Brugmann 191: 572) Однако в ходе своего развития падежная система претерпела значительные изменения, одним из которых является вытеснение генитива из сферы глагола и утверждение его в сфере существительного, что сделало наиболее распространенным его атрибутивное употребление. Сейчас приименной генитив является живой продуктивной конструкцией и словосочетания Subst. 1 + Subst. 2 (Gen.) образуют свободно заполняемую модель.

Что касается выражения характерных для родительного падежа в прошлом обстоятельственных значений, то в современном немецком языке его употребление сокращается в пользу аккузатива, различных предложно-падежных групп и наречий, многие из которых как раз и образовались в процессе адвербиализации генитива. Он же встречается в основном в лексически ограниченных и стилистически маркированных синтаксических конструкциях, а также в устойчивых фразеологизированных словосочетаниях. Надо сказать, что аналогичные процессы наблюдаются и в других языках. Например, А. М. Пешковский

в своей книге «Русский синтаксис в научном освещении» также отмечает вытеснение родительного падежа из сферы обстоятельственных значений, в основном предložными сочетаниями (Пешковский 1956: 299).

Как известно, межъязыковые параллели позволяют в наибольшей степени выявить специфику грамматических явлений, особенности одного языка становятся наиболее очевидными при сравнении с другими. В нашем случае, поскольку речь идет о конструкциях, часто встречающихся в художественном тексте, вопрос о способах передачи выражаемых ими значений средствами другого языка является актуальным также в связи с практическими проблемами перевода.

В контрастивной лингвистике существуют различные методы сравнения языковых явлений. При двустороннем или многостороннем методе используется так называемый *tertium comparationis*, т. е. внеязыковой (метаязыковой) «третий член сравнений» и отправной точкой для анализа служит значение. При одностороннем методе возможен противоположный подход – от формы к содержанию. Поскольку предмет данного исследования является беспредложный родительный падеж (т. е. формальная структура), односторонний метод в наибольшей степени соответствует его целям и задачам. Исходя из одностороннего метода, первым шагом нашей работы должен быть семасиологический анализ адвербиального генитива в немецком языке, который состоит в определении набора выражаемых им значений и описании условий его функционирования, включая лексические и стилистические ограничения и частотность употребления. Вторым шагом становится поиск эквивалентов в языке-цели, т. е. в русском языке. При этом второй шаг исследования носит ономасиологический характер.

Как известно, беспредложный генитив в немецком языке может выражать различные типы обстоятельственных значений. Рассмотрим каждое из них по отдельности.

1. Темпоральный генитив.

Используя терминологию М.В. Всеволодовой, обобщенное значение, выражаемое темпоральным генитивом в немецком языке можно определить как *прямое время, неполностью занятое действием* (Всеволодова 1973: 79). В немецкой традиции принято разграничивать *время, занятое моментальным (Zeitpunkt), длительным (Zeitdauer) и повторяющимися (Frequenz) действиями* (Pittner 1999: 75). Однако при рассмотрении языкового материала становится очевидным, что противопоставление между моментальностью и длительностью не является релевантным на уровне обстоятельства (например, в предложениях *Er kam des Morgens.* (Он пришел утром.) и *Es regnete des Morgens.* (Утром шел дождь.) обстоятельство времени одно и то же).

Функционирование темпорального генитива связано с очень строгими лексическими ограничениями: в таких конструкциях могут употребляться только имена существительные, обозначающие *день* и его части, с определениями или без (*eines(schoenen)Tages, andern Tages, des Tages, des Morgens*). Их можно разделить на две группы: 1) названия дней недели, 2) само слово *день* и названия частей суток: (*Morgen, Mittag(Vor-Nachmittag), Tag, Abend, Nacht*). В рамках названного выше общего значения реализуются более частные. Например, конструкции, относящиеся как к первой, так и ко второй группе в сочетании с неопределенным ар-

тиклем употребляются при обозначении однократного действия (как моментального, так и длительного), время протекания которого точно не указывается и мыслится неопределенно: *eines Montags im Mai*; *eines Tages*. Для обеих групп характерна также способность передавать значение многократности и повторяемости, однако по-разному: в первом случае при употреблении существительных без артикля: *Montags, Samstags* (в современном языке данные формы подвержены адвербиализации: *montags, dienstags*), а во втором – с помощью определенного артикля (за исключением слова *der Tag*): *Waehrend dieser Woche regnete es haeufig des Abends. Er hatte es frueher sehr gerne des Abends spazieren zu gehen*.

Что касается русских эквивалентов немецкого темпорального генитива, необходимо отметить, что в современном русском языке употребление родительного падежа без предлога сохранилось только при обозначении точной даты (числом и месяцем или числом, месяцем и годом). Таким образом, в данном случае полная эквивалентность невозможна, речь может идти лишь о частичной эквивалентности. Например, значение неопределенности, выражаемое в немецком языке артиклем в конструкциях, характерных для начала текстов нарративного типа, в русском языке передается с помощью добавления слов *один, один из, однажды (однажды утром, однажды во вторник, в один прекрасный день)*. В целом же, немецкому темпоральному генитиву в русском языке могут соответствовать предложно-падежные конструкции *в + В.п.*, наречия (*утром, днем*), а при наличии определения – именная группа в творительном падеже (*ранним утром*). Кроме того, для обозначения повторяемости употребляется творительный падеж без предлога или дательный падеж с предлогом *по* во множественном числе (*вечерами/ по вечерам*).

II. Локальный генитив.

В современном немецком языке локальный генитив характеризуется максимальным ограничением именного компонента. Употребительными являются конструкции только с существительным *der Weg*, хотя в некоторых грамматиках указываются еще *der Pfad, die Strasse*.

Возможность распространения таких выражений сводится к прибавлению определенного артикля (*des Weges*), притяжательного или указательного местоимения (*seines Weges*), а также прилагательного *gerade (gerades Weges kommen)*. Это фразеологизированные словосочетания, служащие для обозначения направления, среди которых можно выделить обозначающие как исходный, так и конечный пункт движения: *Er ging seines Weges. Wohin des Weges? Woher des Weges? Geh deiner Wege!*

В русском языке не существует фразеологизированных словосочетаний, совпадающих с вышеперечисленными немецкими, поэтому адекватная их передача, например, при переводе художественного текста, может вызывать затруднения. Одним из возможных выходов является употребление подходящих по контексту русских устойчивых словосочетаний, например: *идти путем-дорогою, держать путь (Куда/откуда путь держишь?), убираться, уходить прочь*.

III. Модальный генитив.

Одной из основных функций модального генитива в немецком языке принято считать функцию обстоятельства образа действия (включающего дополнительные значения меры, степени и интенсивности). Кроме того, к модальным генитивным конструкциям иногда относят и небольшую группу словосочетаний, которые служат для обозначения причины. Как правило, все эти формы архаичны, относятся к книжному стилю речи и встречаются в основном в художественном тексте.

1. Образ действия.

Беспредложный генитив в роли обстоятельства образа действия может быть представлен именной группой, обязательно включающей в себя определение. По классификации М.В. Раевского существительные, входящие в состав таких словосочетаний, делятся на три группы. Они могут обозначать: 1) части тела и органы живых существ (*gesenkten Kopfes, offenen Mundes*) 2) действия, производимые частями тела и органами (*langsamen und gemessenen Schrittes*)

3) свойства и состояния человеческой психики (*frohen Mutes, ruhigen Gewissens, volles Herzens, Heisseres Feuers*) (Раевский 1962:162-163).

Значение конструкций первого типа по-русски может быть передано словосочетаниями с причастием в качестве определяющего компонента или деепричастным оборотом (напр. *спать с открытым ртом /открыев рот, стоять, наклонив голову*); второму типу соответствует беспредложная именная группа в творительном падеже (*идти быстрыми шагами*), а способы передачи третьего более разнообразны. Это предложно-падежные сочетания *v + П.п.* и *s + Т.п.* (*в приподнятом настроении, со спокойной совестью*), а также беспредложная именная группа в творительном падеже (*всем сердцем, всей душой*). Хотя иногда, как и в случае с локальным генитивом, дословный перевод некоторых выражений, (особенно метафорических) невозможен (так, например, по-русски нельзя сказать *любить горячим огнем*).

2. Причина.

В настоящее время существует ограниченное число архаичных фразеологизированных выражений, служащих только для называния причины смерти: (*Des Hungers (des Durstes, des Todes) sterben, eines natuerlichen Todes sterben*). В русском языке существуют аналогичные устойчивые словосочетания, правда, не совпадающие с немецкими по форме. Это предложно-падежная конструкция *умереть от голода* (разг. *с голоду*), именная группа (Г.п. без предлога) с определением *умереть голодной, естественной смертью* и без определения – библеизм *умереть смертью*.

Выводы.

Адвербиальный генитив не является продуктивной моделью в современном немецком языке. Вышеописанные конструкции чаще всего являются устаревшими и относятся к книжному стилю речи. При этом синтаксическими синонимами многих архаичных генитивных форм являются стилистически немаркированные предложно-падежные конструкции и наречия. Поскольку в русском языке беспредложный родительный в качестве обстоятельства используется только для обозначения точной даты (приехать *второго марта*), немецкому адвербиальному генитиву в нем соответствуют другие языковые средства: беспредложные именные группы в творительном падеже,

наречия и предложно-падежные конструкции, которые в большинстве своем не являются устаревшими или книжными. Таким образом, русские стилистически нейтральные предложно-падежные сочетания и наречия зачастую одновременно являются межъязыковыми эквивалентами как стилистически нейтральных предложно-падежных сочетаний и наречий, так и архаичных конструкций с генитивом без предлога. Вследствие этого стилистически адекватное воспроизведение данных форм, например, при переводе художественного текста с немецкого языка на русский, может вызывать затруднения, для преодоления которых необходимо использование различных переводческих трансформаций (замен, добавлений и т. д.).

Литература

- Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений. МГУ, 1973.
Раевский М. В. Некоторые особенности оборотов типа *schnellen Schrittes* в современном немецком языке /из наблюдений над языком художественной литературы/. Уч. Зап. Карельского пединститута, т. 12, Петрозаводск, 1962.
Haider, H. 1988. Die Struktur der deutschen Nominalphrase. In: Zeitschrift fuer Sprachwissenschaft. Goettingen.
Helbig, Gerhard. 1973. Die Funktionen der substantivischen Kasus in der deutschen Gegenwartssprache. Tuebingen.
Larson, Richard K. Bare-NP Adverbs, *Linguistic Inquiry* 16, 1985, p.595- 623.
Pittner, Karin. 1999. Studien zur deutschen Grammatik 60. Adverbiale im Deutschen.
Vater, H. 1985. Einfuehrung in die Nominalphrasensyntax des Deutschen. Koeln.

В. Ю. Копров (Воронеж)

РУССКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ВОЗВРАТНЫМИ ГЛАГОЛАМИ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

Несмотря на то, что залог уже почти два столетия находится в центре интенсивных научных поисков, в его теории до сих пор имеется немало неясностей и спорных моментов. Указывая на сложную и противоречивую природу залога в русском языке, В. В. Виноградов определил его как явление, лежащее на самой пограничной черте между грамматикой (ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии), лексикологией и фразеологией (Виноградов 1972: 476-494, 501). Разделяемая нами трактовка категории залога восходит к известному высказыванию В. А. Богородицкого о том, что действительный залог обозначает действие, которое производится субъектом над кем-либо или чем-либо; страдательным залогом то это же самое действие может быть представлено и со стороны испытывающего его объекта (Богородицкий 1935: 165).

С данным определением связаны три важнейшие характеристики категории залога и залоговости.

1. Залог – это синтактико-морфологическая (а не морфологическая, лексико-грамматическая или чисто синтаксическая) категория, поэтому ее анализ неразрывно сопряжен с изучением структурно-семантического

* Работа выполняется в рамках федеральной целевой программы «Русский язык», госконтракт № 276.

устройства предложения. При этом синтаксическая составляющая залога для языков номинативного строя является универсальной, а морфологическая составляющая варьирует от языка к языку в довольно широких пределах.

2. Синтаксическая сущность категории залога и залоговости заключается в возможности изменять соответствие между двумя рядами компонентов: именными актантами семантической структуры предложения и компонентами синтаксической структуры предложения – подлежащим и дополнением (дополнениями).

3. Залоговыми формами выражается разная направленность выражаемого глаголом признака по отношению к его грамматическому посетителю – подлежащему предложения и второму обязательному компоненту – дополнению.

Основной функцией категории залога в русском и английском языках является грамматическая характеристика актантов семантической структуры – агенса, пациенса, локализатора. В активной (действительной) конструкции агенс предстает как «активный» производитель действия, а пациенс – как «пассивный»; в пассивной (страдательной) конструкции агенс получает грамматический признак «пассивность», а пациенс, адресат или локализатор, соответственно, – признак «активность» (см. об этом подробнее (Копров 1999: 101–115)).

Применяя в данной сфере полевый подход, А. В. Бондарко выяснил, что грамматическая категория залога лежит в центре функционально-семантического поля залоговости (Бондарко 1983: 418). Кроме категории залога залоговость включает в себя различные формы рефлексива, взаимности, медиума, квази-пассива и т. п. В сопоставляемых языках эти значения и средства их выражения, по-разному комбинируясь в составе данного поля, в значительной степени определяют своеобразие организации их синтаксиса.

Большую трудность при изучении русского простого предложения в иностранной аудитории представляет семантика различных синтаксических конструкций с глаголами на *-ся*, поскольку вопрос о языковой природе, значениях и функциях аффикса (постфикса или частицы) *-ся* сам по себе является весьма спорным (Чагина 2001: 341).

Наиболее последовательной нам представляется синтаксически ориентированная классификация возвратных глаголов, произведенная Н. А. Янко-Триницкой с опорой на работы А. А. Шахматова, С. Карцевского, В. В. Виноградова. При этом общее значение частицы *-ся* определяется исследователем как усиление самостоятельности действия: будучи присоединенной к переходному глаголу, частица лишает глагол связи с объектом, устраняя его различными способами, а будучи присоединенной к непереходному глаголу, она лишает этот глагол связи с субъектом действия (Янко-Триницкая 1962: 30-36, 243-246).

Исходя из приоритета синтаксической стороны при классификации огромного массива предложений с глаголами на *-ся*, следует прежде всего выделить и вынести за скобки синтетический вариант пассивной конструкции как форму категории залога. Одним из различительных критериев здесь является наличие в структуре предложения имплицитной или эксплицитной формы субъекта. Ср. два предложения: *Все подозрительные задерживаются (милицией) до установления личности* (пассивная форма глагола *задерживать*, субъект действия – *милицией*),

Они опять задерживаются (возвратный глагол *задерживаться*, одноактантная конструкция).

Большую группу классифицируемых предложений составляют конструкции с глаголами на *-ся*, находящиеся за пределами категории залога, но входящие в функционально-семантическое поле залоговости. При этом, как мы выяснили, часть таких предложений тяготеет к сфере выражения активности агенса, а другая часть – к сфере его пассивности. Кроме того, от этих двух групп конструкций с субъектно-объектной семантикой следует отличать конструкции с глаголами на *-ся*, которые находятся за пределами поля залоговости, поскольку ими выражаются другие типы семантических структур (состояние субъекта, причинно-следственные отношения, локализация).

Таким образом, поле залоговости в русском языке составляют конструкции следующих семантических типов.

1. Предложения, в которых глагол инкорпорирует в свое значение ситуативно определенный неодушевленный (иногда – единственно возможный) объект: *Курица несется (яйца); Он зажмурился (глаза); Собака осканилась (пасть)*.

2. Предложения с собственно-возвратными глаголами, указывающими на то, что действие имеет своим объектом самого субъекта: *Дети умываются; Она переоделась*.

Эти предложения, как известно, восходят к личным активным предложениям, в которых объект был представлен формой винительного падежа энклитического местоимения *ся* (*себя*). Поэтому и в современном языке они располагаются в непосредственной близости от категориальной залоговой формы с активным субъектом.

Однако, как отметил еще А. М. Пешковский, данные предложения не тождественны по смыслу предложениям с невозвратными глаголами и местоимением *себя*. Сравнивая предложения *Он застрелился* и *Он застрелил себя* ученый отметил, что для нечаянного выстрела с выделением фактической стороны дела больше подходит второе, а для настоящего самоубийства, связанного с психологической целью акта, больше подходит первое (Пешковский 1938: 129). В подобных примерах мы имеем дело с еще одним проявлением характерной для русского языка конкуренции форм: грамматического (*-ся*) и лексического (*себя*) способов выражения одного и того же значения – направленности действия субъекта на сам субъект.

В современном английском языке, имеющем только лексические средства для выражения возвратной направленности действия (*He shot himself*), подобная реализация тонких семантических различий невозможна.

3. Предложения с взаимно-возвратными глаголами, называющими действия субъектов, которые затрагивают ряд объектов, включающий и самого субъекта: *Они обнялись; Она поцеловалась с сестрой*.

Сопоставляя такие предложения с «обычными» личными активными, интересно проследить за выражаемыми в них оттенками реальной направленности действия:

а) *Они с братом обнялись – Они обняли друг друга* (действие взаимное, равнонаправленное, но в первом предложении взаимность выражена грамматически, а во втором – лексически);

б) *Он обнялся с братом* (действие взаимное, но доминирует направленность от субъекта *он* к объекту *брат*) – *Он обнял брата* (обычная для личных активных конструкций направленность действия от субъекта к объекту).

При этом во всех четырех предложениях субъект выступает как грамматически активный.

4. Предложения с глаголами на *-ся* в абсолютивном употреблении:

а) активно-безобъектные: *Корова бодается; Собака кусается;*

б) качественно-возвратные: *Мел пачкается.*

Субъектом в таких конструкциях чаще всего является одушевленный субъект (антропоним или зооним). Ни о какой реальной возвратности, т. е. направленности действия на сам субъект, здесь, разумеется, речи нет. Предложения данного типа интерпретируются нами как личные активные, выражающие действие активного субъекта, направленное на объект, грамматически представленный как обобщенный.

Сравнение предложения типа *Мел пачкается* с абсолютивным употреблением невозвратного глагола в *Мел пачкает* показывает, что в обоих случаях речь идет об обобщенном объекте, но в первом это значение дополнительно грамматически закреплено при помощи постфикса *-ся*, а сам глагольный признак осложнен модальными и видовременными значениями.

5. Предложения с косвенно-возвратными глаголами, обозначающими действия, которые совершаются субъектом в своих интересах (себе, для себя): *Старики запаслись на зиму топливом.* Здесь речь также идет о действии активного субъекта. Ср. с предложением *Старики запасли на зиму топливо*, где указанный оттенок значения отсутствует.

6. Предложения с пассивно-возвратными глаголами (ЛСГ зрительного и слухового восприятия, умственного действия).

Субъект представлен здесь формой дательного падежа или синтаксическим нулем как грамматически пассивный, носителем глагольного признака выступает объект, который занимает позицию подлежащего: *Издали слышались какие-то непонятные звуки; Ему вспомнилась поездка на Кавказ.* Предложения данного типа регулярно противопоставляются личным активным конструкциям: *Они слышали какие-то непонятные звуки; Он вспомнил поездку на Кавказ.*

7. Предложения с пассивно-возвратным глаголом ЛСГ обладания: *У них имеется трехэтажный дом.*

В предложениях этого локативно-посессивного типа субъект-локализатор, который всегда является одушевленным, представлен предложно-падежной формой как пассивный обладатель; объект выступает как грамматический носитель отношения обладания. Ср. с личной активной конструкцией: *Они имеют трехэтажный дом.*

8. Предложения с так называемыми пассивно-каузативными глаголами, в которых активный каузирующий субъект является в то же время объектом действия другого (неназванного или выраженного предложно-падежной формой) пассивного субъекта: *Он подстригся; Она лечилась у опытного невропатолога.*

Такие предложения регулярно противопоставляются личным активным или неопределенно-личным предложениям, в которых каузатор

действия представлен как его пассивный объект, а производитель действия выступает как активный субъект: *Его подстригли; Ее лечил опытный невропатолог.*

Ср. также с личной пассивной конструкцией: *Он подстрижен; Она лечится / была вылечена опытным невропатологом.*

9. Пассивно-бессубъектные предложения: *Стекло бьется; Золото хорошо куется.*

В таких предложениях выражается качество пассивного объекта. В позиции подлежащего здесь выступает неодушевленный объект, а субъект (или причина) выступает как обобщенный.

Итак, в функционально-семантическое поле залоговости в русском языке входят субъектно-объектные предложения девяти типов. При этом предложения (1)-(5) относятся к сфере грамматической **активности** субъекта, а (6)-(9) – к сфере **пассивности**.

Полевый подход в синтаксисе предполагает исследование и периферийных форм, которые составляют разного рода смежные или переходные подсистемы.

1) В поле залоговости к сфере субъектно-объектных отношений непосредственно примыкают предложения, описывающие эмоционально-психическое состояние субъекта-антропонима, вызванное воздействием на него внешней причины.

Признаковый компонент здесь также выражается глаголом на -ся, а обстоятельство причины – падежной или предложно-падежной формой: *Мы обрадовались его приезду; Она смутилась от таких слов.*

Указанные предложения регулярно соотносятся с активными и пассивными субъектно-объектными конструкциями: *Его приезд обрадовал нас – Мы были обрадованы его приездом; Такие слова смутили ее – Она была смущена такими словами* (см. об этом подробнее (Чагина 1990 с. 55-66).

2) При анализе предложений с глаголами на -ся в поле зрения попадают конструкции с глаголами совершенного вида типа *Дверь открылась; Цены повысились; Бумага порвалась.*

Прежде всего, в глаза бросается сходство таких предложений с субъектно-объектными конструкциями различных структурных типов, например: (1) *Дверь открылась;* (2) *Дверь открыло;* (3) *Дверь открыта;* (4) *Дверь открыли.*

Однако, если в предложениях (2)-(4) речь идет о воздействии на объектный предмет какой-то имплицитно представленной субъектной субстанции (во втором – неодушевленного агенса, в четвертом – агенса-антропонима, в третьем – агенса любого субкатегориального типа), то в (1) в качестве грамматического носителя признака выступает объект, изменяющий свое состояние или потенциально способный к изменению состояния под действием имплицитно представленной причины.

Ср. с предложением с эксплицитной причиной: *Дверь открылась из-за сквозняка/ от порыва ветра/ удара взрывной волны* и т. п.

3) В предложениях локализации с глаголом *иметься* в качестве носителя грамматического признака выступает субъект локализации, неодушевленный локализатор представлен предложно-падежной формой. Грамматическая направленность признака совпадает с его реальной направленностью, следовательно, субъект локализации выступает как грамматически активный: *На лобовом стекле имеется трещина.*

Ср. с неизосемическим личным активным предложением *Лобовое стекло имеет трещину*, в котором локализатор становится носителем грамматического признака – подлежащим, т. е. как бы активизируется, а субъект локализации, занимая позицию дополнения, пассивизируется.

Предложения локализации с другими глаголами на *-ся* (*Рынок находится в центре города; Концерт состоится завтра*) не соотносятся с предложениями с глаголами без *-ся*, т. е. находятся за пределами поля залоговости.

4) Известна особая функция постфикса *-ся*, позволяющая «обезличить» русские одноактантные глагольные предложения со значением состояния субъекта типа *Я не сплю* → *Мне не спится*.

То же происходит и с двуактантными глагольными абсолютными предложениями типа *Я не читаю / Я не могу читать* → *Мне не читается*.

Здесь форма *-ся*, снижая «активность» субъекта во втором предложении по сравнению с первым, одновременно трансформирует именительный падеж актанта-носителя грамматического признака в дательный падеж. Вследствие этого появляется пассивно-безличная конструкция (см. подробнее: Копров 1999 : 97-100; он же 2001:98-107).

В современном английском языке в связи с отсутствием грамматической формы, эквивалентной русскому постфиксу *-ся*, соответствующие оттенки значений выражаются лексическими средствами в рамках двух категориальных форм залога – активных или пассивных конструкций.

Так, значения возвратности и взаимности реализуются как имплицитно – самим глаголом в активной форме, так и эксплицитно – при помощи местоимений (*oneself, each other, one another*). Сравните:

John dressed (himself) – Джон оделся; *Ребенок причесывается* – *A child combs his hair*;

They kissed (one another) – Они поцеловались; *Мы уже раньше встречались* – *We've met before*.

О. Есперсен также выделил в английском языке так называемый «пассив действия», образуемый сочетанием глаголов *to get, to become* и пассивного причастия: *He got infuriated by her refusal* (Есперсен 1958). Ср. с русскими предложениями с причинным компонентом: *Он взбесился от ее отказа; Он разъярился (рассердился) из-за ее отказа*. Ср. также с характерной для обоих языков трехчленной пассивной конструкцией: *He was infuriated by her refusal* – *Он был взбешен ее отказом*.

Подобные предложения, не входя в систему форм грамматической категории залога, составляют, тем не менее, конститuent поля залоговости.

Различные другие оттенки залоговости некоторые исследователи склонны относить к так называемому среднему (медияльному) залогу (см. об этом (Бархударов 1975: 111-112). Однако в английском языке они чаще всего выражаются предложениями с глаголом в активной форме, и, стать быть, формальная невыраженность подобных значений переводит вопрос об их выделении в лексико-семантическую плоскость.

Ср. английские предложения и их русские эквиваленты:

The door opened – Дверь открылась;

The book sells well – Книга хорошо продается;

The dog bites – Собака кусается.

В силу существенных межъязыковых расхождений в сфере залоговости рассмотренные выше русские предложения с глаголами на -ся переводятся на английский язык различными конструкциями, например:

1) аналитическим способом: *Он подстригся – He had his hair cut;*

2) глаголом в активной форме: *Ему вспомнился кошмар – He remembered the nightmare;*

3) двучленным пассивом: *Внезапно послышался удар – Suddenly a crash was heard;*

4) модальным глаголом с инфинитивом: *Мне все еще не верится в это – I still can't believe that.*

Это обстоятельство требует особо тщательного исследования русско-английских параллелей в сфере залоговости и обуславливает учет типологических особенностей английского языка в практике преподавания данной темы в англоязычной аудитории.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М., 1935.
Копров В. Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). Воронеж, 1999.
Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
Чагина О. В. Возвратные глаголы типа «ожжется» и «бьется» в аспекте описания РКИ // Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом. Тез. докл. Международной научной конф. (Москва, филол. ф-т МГУ, 4-6 дек. 2001). М.: МГУ, 2001.
Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
Чагина О. В. Как сказать иначе? М., 1990.
Копров В. Ю. Вариантные формы в русском языке. Учебное пособие для занятий с иностранными учащимися. Воронеж, 2001.
Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975.

А. А. Коростелева

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОМ ДУБЛИРОВАНИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И ИРЛАНДСКОМ ЯЗЫКАХ

Как правило, сопоставительные исследования дают возможность выявить универсальное и типологическое в системах языков и обнаружить в исследуемом языке такие типологические черты, которые в отсутствие сопоставления с «фоновым» языком могли бы остаться незамеченными.

В русском языке одной из особенностей речевой стратегии говорящего является тенденция к коммуникативному дублированию¹, т.е. к «нализыванию» в речи различных средств и конструкций, предназначенных для выполнения одного и того же коммуникативного задания, например:

“Иди, сходи, принеси хлеб”^{1 2}; “Будьте добры / нажмите, пожалуйста, / второй, если можно”^{2 3 3 3}; “Мам, / пойдём / зайдём / купим мороженое?”^{2 2 2};

“Ну что вы! / Не за что! / Какие пустяки!” (Безяева, 1996, 1998). Это явление относится к области яркой специфики русского языка. Тем более интересно отметить, что коммуникативное дублирование как способ формирования целеустановки в высокой степени свойственно и ирландскому гэльскому языку: “Tá sé go han-mhaith gan dabht gan amhras” (*‘Это действительно очень хорошо’*; букв.: *‘Есть это очень-хорошо без сомнения и без сомнения’*); “Bhí Sasanaigh i dtreis, agus ní thabharfaidís pingín ar bith le saothrú do Chlanna Gael ar dhóigh ar bith” (*‘У власти были англичане, и они ничем не дали бы ирландцам заработать ни пенни’*; букв.: *‘...и не даш-бы-они ни пенни вообще заработать ирландцам никаким образом вообще’*); “Thosaigh sí ag gol agus ag saoinceadh” (*‘Она стала плакать и рыдать’*; букв.: *‘Начала она у плача и у рыдания’*) и т.п.

В данной работе мы хотели бы остановиться на таком явлении, как ряд аллитерирующих синонимов, и рассмотреть его в рамках сопоставления русской и ирландской языковых систем.

За термином “ряд аллитерирующих синонимов” стоит конкретное явление ирландского языка и художественной словесности (фиксирующееся со среднеирландского периода и тогда же достигшее своего расцвета) – одно из негласных минимальных требований к стилю хорошей традиционной ирландской поэзии и прозы. Это своеобразный семантико-фонетический повтор, который на первый взгляд может показаться исключительной типологической особенностью ирландского языка. Желательно, чтобы прилагательные, определяющие одно и то же существительное и следующие друг за другом, были бы синонимичны (хотя бы попарно) и хотя бы попарно созвучны друг другу (начинались бы с одного и того же согласного или группы согласных, реже – гласного). Количество прилагательных (реже – наречий) в таком ряду формально не ограничено, – как правило, от двух до шести. Те мелкие уловки и отклонения, которые допускают ирландские авторы разного времени в использовании этого приема (не совсем точное соблюдение аллитерации при точнейшей синонимии лексем, неполная синонимия в пользу особенно красивой аллитерации), только лишний раз подтверждают, что достойный художественный текст не мыслился без цепочек таких синонимов. Вероятно, в ранние времена сама поэтическая квалификация сочини-

¹ Явление коммуникативного дублирования применительно к русскому языку рассматривается как частный случай коммуникативного согласования, под которым понимается семантическое согласование коммуникативных единиц в пределах конструкции и, в более широком смысле, семантическое согласование смежных конструкций в реплике говорящего (Безяева, 2001).

теля могла быть поставлена под сомнение, если он не демонстрировал умения пользоваться данным приемом наряду с целым списком других. Вспомним здесь лишь один ряд эпитетов из поэзии Эогана О'Салливана (1748 – 1784): “ba bhinn blasta fíor-mhílis ceolmhar / ... gach nóta ó n-a béal” (“был мелодичным, сладкозвучным, истинно-сладостным (и) певучим / ... каждый звук из ее уст”).

Из авторов, широко применявших этот прием уже в XX веке, мы можем назвать, например, Патрика О'Конайре и Пейг Сайерс:

Nach mín, maorga, éadrom, éasca a Плано, величественно, легко и
sheolfaidís síos suas an t-urlár glinn свободно порхали они взад-вперед
gléineach, iad leiceann ar leiceann! (P. O'Conaire) по сверкающему чистому полу,
О Сонайре) щека к щеке!

Букв.: Не-есть-ли плавно,
величественно, легко, легко REL-
PART¹ шестьовали-они вниз вверх
пол чистый чистый, они щека к
щеке!

Daoine míne, macánta, fíaitiúla, Люди на Острове мягкие,
fáilteacha atá san Oileán. (P. Sayers) спокойные, щедрые и
Букв.: Люди мягкие, мягкие, гостеприимные.
щедрые, гостеприимные которые-
есть на-ART² Острове.

В приведенных примерах прилагательные попарно аллитерируют и попарно синонимичны.

В чуть меньшей степени распространены ряды аллитерирующих синонимов, складывающиеся из существительных, например: síos, cás ná cathú (“ни мучение, ни беспокойство, ни сожаление”), le fáilocht agus le draíocht, le gean agus le greann⁴ (“поэзией и волшебством, любовью и забавами”).

Т. А. Михайлова обратила в свое время внимание на то, что при переводе повести А.С.Пушкина “Станционный смотритель” ирландский переводчик подставил ряд аллитерирующих синонимов туда, где автор ничего подобного, разумеется, не предполагал:

Кто, в минуту гнева, не требовал
от них роковой книги, дабы
вписать в оную свою
бесплезную жалобу на
притеснение, грубость и
неисправность? (А.С.Пушкин)

Cia hé an duine – nuair a bhí fearg air –
nár iarr orthu an leabhar dubh a
thabhairt dó, ina gcuirfeadh sé síos a
ghearán orthu, iad a bheith fadhbach
fáin failloch?

Букв.: Кто тот человек, когда был
гнев на-нем, который не требовал у-
них черной книги, чтобы ее ему дали,
в-которую написал-бы он свою
жалобу на-них, что они бессердечны
дики пренебрежительны?

¹ REL-PART – относительная частица.

² С помощью такого написания мы передаем соответствие одному слову в языке оригинала.

³ ART – артикль.

⁴ Звуковая переключка членов ряда, чаще всего заключающаяся в совпадении начальных согласных, может изредка носить и иной характер.

Очевидно, что переводчик пытался таким образом приписать Пушкину владение элементарными навыками построения художественной прозы, как привык понимать ее образованный ирландец.

Тенденция к использованию рядов аллигерирующих синонимов по сей день характерна как для письменной, так и для звучащей ирландской речи:

- Och, nach tú an ghirseach **dhána dhásach dholba**. (PP)

Букв.: *Ох, разве-не ты ART девочка нахальная наглая бессовестная.*

Tá leath de na mic léinn in ainm is an Bhreatnais a roghnú mar ábhar ach **de bharr chlu agus cháil** na hÉireann (agus a ceoil go háirithe) is minice an tromlach a bheith ag plé **leis an nGaeilge bhreá bhinn bhlasta mhúil** ná an Bhreatnais.

Tá an tír seo ag imeacht **le drabhlás agus le díobhlás**

Из материалов сайта www.beo.ie, 2002)

Чрезвычайно характерно для описываемого нами явления стирание семантики прилагательных, попадающих в состав таких рядов. Они как бы приспособляются, “притираются” друг к другу, чтобы стать синонимичными; у прилагательного с основным значением ‘честный, добропорядочный’ может в окружении определенных лексем выступить на первый план периферийное значение – ‘мягкий, приятный’ и т.п.

Со временем в ирландской традиции сложились стандартные наборы клишированных эпитетов, обнаруживающихся в современной разговорной речи: **mána mín macánta** (‘мягкий, тихий, кроткий’), **soaic suaimhneach** (‘тихий, спокойный’), **sona sásta** (‘счастливый, довольный’), **críonna caite** (‘старый, дряхлый’), **deas dathúil** (‘приятный, милостивый’), **tuirseach traochta** (‘усталый, изнуренный’), **clú agus cáil** (‘слава и известность’) и т.п. Собственно построение такого синонимического ряда “с нуля”, с элементом индивидуального творчества, сделалось относительно редким.

Аналоги данного явления на русском материале обнаруживаются, в первую очередь, в языке фольклора, где едва ли не шире всего захвачена этим явлением область глагола: *поглядим, полюбуемся, целовать-миловать, расспрашивать-разведывать, проснись-пробудись, ни вздумать, ни взгадать, задумался, закручинился, потужил-погоревал, распутывать-развязывать* и т.д.; можно, однако, проследить сходный прием и на примере прилагательных и существительных: *удалой добрый молодец; хорошие, пригожие; была она всех пригожее, всех красивее; зима стояла лютая, морозная; приехал он домой печальный, кручинный; повели они речи сладкие, хорошие; столь лют, неукротим; чудо чудное,*

- Ну что же ты за хулиганка такая!

Предполагается, что половина студентов должна избирать своей специальностью валлийский язык, но по причине славы и известности Ирландии (а в особенности – ирландской музыки) большинство чаще связывает свою судьбу с дивным, мелодичным, сочным и сладостным ирландским языком, нежели с валлийским.

Эта страна погрязла в разврате и распутстве

- (...) После чего / мне звонит литкий / склизкий / скользкий / и мерзкий
 какой-то тип / и начинает что-то выпрашивать / якобы для газе ты //
- Я / там нужна была просто для того / чтобы в случае чего подтвердить //
 Что такие-то слова / действительно звучали // Что Дмитрию Анатольевичу
 / это не послышалось / не почудилось / не помыслилось / и не по-
притчилось // не показало / и не померешилось //
- Вот-вот //
- Я / не знаю / кто там может разобраться во всех изгибах / извилах /
изломах / и надломах / его психики / разве что доктор Фрейд / если
 сильно напряжётся //
- Вот он засядет в углу / и / бубнит / и / бубнит / и / буровит / и / бормочет
 что-то себе под нос // До того надоел уже / сил нет //
- От него / сохранилось До того надоел уже / сил нет // всё // Абсолютно
 всё // Все отрывки / обрывки / наметки / ошметки / огрызки / оплевки / все
 это есть / и всё это / опубликовано //

Обратим внимание на стирание семантики членов ряда и на разнобразные варианты звуковой переклички – от совпадения ударных гласных (*массивная, солидная*) до идентичности последнего слога (*склизкий, скользкий и мерзкий*) и рифмы (*стремительно и решительно*). Заметим, что наряду с этим в русском языке имеются и готовые клише: такие устойчивые пары как *ушлый и дошлый, жив-здоров, большой и жирный* и др. (ср. ирл. *sona sásta* – ‘счастливей довольней’, *scónna caite* – ‘старей дряхлей’).

Применительно к русскому языку ранее высказывалось предположение, что наблюдающееся в нем явление коммуникативного дублирования (и шире – коммуникативного согласования) следует считать следствием синтетического языкового строя. Языки, где, как правило, дублируется информация о принадлежности слова к той или иной грамматической категории (к примеру, оказываются рядом несколько показателей рода или числа, что с точки зрения языков аналитических совершенно избыточно), будут, по наблюдениям, тяготеть к той же избыточности при выполнении коммуникативного задания. Тот факт, что ирландский язык, являясь языком синтетическим и флективным, также демонстрирует тенденцию к коммуникативному дублированию, может

служить дополнительным подтверждением этой гипотезы. Вместе с тем вопрос о наличии коммуникативного дублирования в том или ином флективном языке подлжит специальному исследованию в каждом конкретном случае; синтетический строй языка и флективность можно считать, по всей видимости, необходимым, но не достаточным условием для того, чтобы в языке развилось описываемое явление.

Литература

- Безяева М.Г. *Русский диалог сквозь призму систем других языков* // Актуальные проблемы современной русистики. Синхрония и диахрония. М., 1996.
- Безяева М.Г. *Вариативный ряд конструкций русской просьбы* // Вестник МГУ, Серия 9. Филология, 1998, № 1.
- Безяева М.Г. *Принципы анализа семантического устройства коммуникативного уровня звучащего языка (на примере описания системы вариативных рядов конструкций волеизъявления и выражения желания говорящего)*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2001.
- Михайлова Т.А. "*Читатель ждет уж рифмы розы...*", или об аллитерации в средневековой ирландской прозе // *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. Вып. 2, 1996.
- Народные русские сказки* А. Н. Афанасьева в трех томах. Т.2. М., 1957.
- Тилемахида или Странствование Тилемаха сына Одиссея описанное в составе иронических писем Василием Третиакоским...* СПб, 1766.
- Amhráin Eoghain Ruaidh Uí Shúilleabháin. BÁC, 1901.
- Sayers. Peig. *Peig. A Scéal Féin*. An Daingean, 1998.
- Scothscéalta le Pádraic Ó Conaire. BÁC, 1997.

Е. К. Лебедева, И. В. Некрашевич

ВАРИАНТЫ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Высказывания, реализующие значение <эмоциональное состояние> (ЭС), включены в систему причинно-следственных отношений. Связано это с тем, что ЭС носителя в языковом осмыслении объективного мира видится как отклонение от некоторого исходного состояния (нормы) или возвращение к нему, постоянно с ним сопрягается и воспринимается субъектом как результат перехода из одного состояния в другое, который должен быть обусловлен какой-либо причиной. Поэтому наиболее логичной формой функционирования для выражения значения <ЭС человека> является причинно-следственная конструкция (ПСК). ПСК может реализовываться как в рамках простого или сложного предложения, так и быть результатом взаимодействия предложения и контекста.

Детерминированность ЭС человека подтверждается также смысловой недостаточностью высказываний-ответов типа: *Что с тобой? – Я боюсь/радуюсь*. Для смысловой завершенности необходимо назвать причину боязни, страха, радости (*Я боюсь/радуюсь за сына*).

Обязательные компоненты ПСК со значением <ЭС человека>: носитель состояния (НС), эмоциональное состояние (ЭС) и причина этого состояния.

В процессе речевого функционирования различные компоненты ПСК могут актуализироваться (Всволюдова, Ященко 1988:17-26). Речь идет о том, что позиции членов предложения не закреплены за именами

определенных компонентов. Имя практически любого компонента может занимать позиции различных членов предложения. Этот способ решения коммуникативных задач описан как механизм смысловой актуализации.

Подлежащее и другие члены предложения имеют свои "ранги" в коммуникативной и содержательной перспективе высказывания, т.е. позиция, занимаемая тем или иным членом предложения – это коммуникативная позиция, имеющая ту или иную ранговую квалификацию, ту или иную коммуникативную значимость. Изменяя позицию компонента, понижая или повышая его уровень в этой иерархии, говорящий решает определенные коммуникативные задачи.

Своего рода "табель о рангах" выглядит следующим образом: 1) подлежащее (*Я радуюсь подарку – Подарок радует меня*); 2) субстантивное сказуемое (*Твой подарок радует меня – Твой подарок – радость для меня*); 3) дополнение (*Я радуюсь подарку – Я испытываю радость от подарка; Я ужасаюсь при одной мысли об этом – При одной мысли об этом я переживаю ужас*); 4) глагольное, адъективное и другие типы сказуемого (*Ты мое счастье – Я счастлива с тобой*); 5) логические обстоятельства (места, времени, причины, цели, уступки) (*Москвичи радуются его победе – В Москве радуются его победе*); 6) согласованное и несогласованное определение (*У меня радость – Я испытываю радостное чувство*); 7) семантические связки – реляторы (*Причина горя – в болезни ребенка; Источник моих страданий – в сознании собственной бесполезности*).

Для высказываний со значением ЭС исходные позиции таковы: имя НС занимает позицию подлежащего, имя ЭС – сказуемого, имя причины – обстоятельство (*Я страдаю от унижения*).

Однако в высказываниях со значением <ЭС> могут присутствовать не только обязательные компоненты ПСК (НС, ЭС, причина), но и свободные компоненты: показатель абсолютной степени интенсивности ЭС, показатель относительной степени интенсивности ЭС, объясняющая причина. Причем употребительность высказываний с актуализированными именами свободных компонентов достаточно велика, группа этих высказываний формирует обширный языковой блок, что подтверждает актуальность системного исследования этих высказываний.

Остановимся на высказываниях с показателем абсолютной степени интенсивности. Этот компонент ПСК в исходных структурах представлен наречиями, и на функционирование исходной структуры ПСК со значением <ЭС> в целом влияния не оказывает. Однако существует целый блок высказываний, весьма распространенных, в которых показатель абсолютной степени интенсивности ЭС актуализируется, передвигаясь в позицию одного из главных членов предложения. Возможны три варианта такой актуализации:

а) в рамках одного из них показатель абсолютной степени интенсивности ЭС совмещается с именем ЭС и показателем его присутствия в высказывании служат лексические единицы (метафоризированные глаголы, фразеологизмы), используемые в рамках стилистических приемов. Использование стилистических приемов позволяет подчеркнуть экстраординарность, необычность ЭС, придать описанию особую выразительность и тем самым подчеркнуть интенсивность ЭС, эмоционального переживания. Ср.: *Пусть маменька с дочкой за ним*

ухаживают, а он (Exp)¹ таит (St+n) от любви (Causa) (А. Островский). – *...а он радуется от любви; Я (Exp) от этих мыслей (Causa) как в угаре (St+n)* (А. Толстой). – *Я возбуждаюсь/в возбуждении от этих мыслей.*

б) в рамках другого – имя ЭС и показателя абсолютной степени интенсивности ЭС разводятся: метафоризированные глаголы и фразеологические единицы представляют показатель абсолютной степени интенсивности, а каузативная синтаксема **от+род.п.** – имя ЭС. Имя причины либо выводится из предложения (*Я (Exp) вне себя (n) от горя (St) = Я очень горюю*), либо представлено другими средствами (причастный, деепричастный обороты, придаточные предложения, реже – средства именной каузальности: *Не зная, как поступить (Causa), он (Exp) был вне себя (n) от злости (St)*; *При одной этой мысли (Causa) я (Exp) с ума схожу (n) от страха(St)*).

в) в рамках третьего – показатель абсолютной степени интенсивности выдвигается в позицию адъективного сказуемого: *Радость (St) Варвары Петровны (Exp) при свидании с сыном (Causa) была велика (n)* (В. Житова); *Слишком силен (n) был шок (St) от последних событий (Causa)* (С. Хрущев).

Конструкции, в которых показатель абсолютной степени интенсивности занимает позицию сказуемого, а имя ЭС представлено синтаксемой **от+род.п.** не являются собственно ПСК, это – квазиПСК, значение которых равнозначно значению следственного компонента ПСК: *Я (Exp) вне себя (n) от радости (St) = Я (Exp) очень (n) радуюсь (St)*. Феномен распространенный и интересный в силу своей идиоматичности.

При сопоставлении этого фрагмента системы русского языка с соответствующим фрагментом системы болгарского языка можно сделать вывод о том, что механизм функционирования квазиПСК и в русском и в болгарском языках аналогичен:

1) показатель абсолютной степени интенсивности ЭС может актуализироваться в моделях с типовым значением <субъект и его состояние>: *Я вне себя от радости – Я очень радуюсь; Аз съм извън себе си от радост – (Аз) много се радвам;*

2) показатель абсолютной степени интенсивности ЭС в позиции сказуемого может быть представлен метафоризированными глаголами, базирующимися на различных типах коннотаций:

- с физическим состоянием предмета – *рус.: гореть, kloкoтaть, леденеть, накаляться, пылать, таять, холодеть, кипеть, всыхивать; болг.: горя, изгарям, вледенявам, топя се, изтивам, замръзвам;*

- с физическим/физиологическим состоянием субъекта – *рус.: задыхаться, замирать, изнывать, оживать, остолебенеть, оцепенеть, пьянеть, хмелеть, умирать; болг.: умирам, задъхвам се, оживявам, оцепеня се, опивам се;*

- с психо-интеллектуальным состоянием субъекта – *рус.: изводиться, обалдеть, обезуметь, онеметь, ошалеть, отдыхать душой, сходить с ума; болг.: обезумявам, загубя си акъла, учудвам се, онемея;*

¹ Exp (экспериментер) – носитель состояния; St (of state) – состояние; Causa – причина; n – показатель абсолютной степени интенсивности

• с психическим состоянием животного – рус.: *звереть, свиренеть*; болг.: *свиренял, озверявам се*;

3) показатель абсолютной степени интенсивности ЭС в позиции сказуемого может быть представлен идиоматическими оборотами – рус.: *выходить из себя, приходиться в себя*; болг.: *аз съм извън себе си, излизам вън/извън себе си, дойда/идвам на себе си*;

4) возможны трансформы, осложненные сравнительными оборотами – рус.: *Я как будто сошла с ума от счастья; Я как в тумане от горя*; болг.: *Като че ли бях ослепена; Аз съм като в мъгла от мъка*;

5) имя НС может быть представлено расчлененно. Оно может быть представлено одновременно:

• именем собственным, нарицательным, личным местоимением (рус.: у+род.п.; болг.: аналитическая форма на+Н или краткая аналитическая форма ми, ти, му, ѝ и др.);

• именем квазизносителя (рус.: *все, кровь, сердце, душа, голова*; болг.: *всичко, кръв, сърце, душа, глава* (рус.: им.п.; болг.: номинатив));

• именем квазилокатива (рус.: *в груди, в сердце, в жилах*; болг.: *в гърдите, в тялото, в сърцето, в жилите* (рус.: в+пр.п.; болг.: предлог в+номинатив)). Сочетаемость последних двух компонентов и в русском и болгарском языках жестко фиксирована. Возможны лишь следующие варианты: 1) у меня – кровь – в жилах/в сердце; *крьвта в жилите ми/в сърцето ми*; 2) у меня – сердце – в груди; *сърцето в гърдите ми*; 3) у меня – все – в груди. Третий вариант расчлененного представления имени НС (у меня все в груди) в болгарском языке отсутствует. Ср.: *У меня сердце в груди затрепетало от тревоги – Сърцето в гърдите ми трепере от тревога; У него голова пошла кругом от горя/от счастья – Запалила му се главата от нещастие/ Главата му се върти от щастие; У него сердце кровью обливается от тоски – Сърцето му се облива с кръв от тъга; У него кровь стынет в жилах от страха – Кръвта му излива/леденеет/ се вледенява).*

Возможны ситуации, когда

1) существует полное соответствие организации ПСК с актуализированным показателем абсолютной степени интенсивности, включая представление имени НС и тип коннотативного значения глагола: *Я на седьмом небе от счастья – Аз съм на седмото небе от щастие; У меня сердце в пятки ушло от страха – Сърцето ми падна в петите от страх; Сердце сжалось от жалости – Сърцето ми се сви от жалост*;

2) существует приблизительное соответствие, основанное на общности представления смысла – конструкция со значением <эмоциональное состояние> со значением высокой степени интенсивности этого состояния, различие наблюдается на уровне:

• представления имени НС (как на лексическом, так и на грамматическом): *Кровь стынет в жилах от ужаса – Сърцето ми леденеет от страх; У меня от любви словно крылья выросли – (Аз) летя от любов; (Аз) окрилен съм от любов*;

• выбора типа коннотативного значения сказуемого: *Я не чувствую под собой ног от радости – (Аз) скачам от радост; Голова пошла кругом от отчаяния/горя – Запалила ми се главата от нещастие; Сердце готово вырваться из груди от радости – Сърцето ми напура в гърдите от радост*;

• лексического представления, даже если речь идет об аналогичном типе коннотативного значения: *Голова кружится от счастья – Главата ми се върти от щастие; Сердце кровью обливается от горя – Кръв капе на сърцето ми от мъка.*

Более глубокой и детальной проработки на фоне выявленных соответствий заслуживает изучение конкретных парадигм трансформов в русском и болгарском языках; соотношения типов коннотаций и частотности употребления того или иного коннотативного значения; способов представления в болгарском языке расчлененного имени НС; соответствия идиоматических выражений, употребляемых при актуализации имени свободного компонента – показателя абсолютной степени интенсивности ЭС, в том числе в квазиПСК.

Литература

Всеволодова М.В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в русском языке. – М., 1988.

ФОНЕТИКА И ИНТОНАЦИЯ

Г. М. Богомазов

РУССКИЙ ТИП ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ И ЕГО ОТРАЖЕНИЯ В ЗВУКОВОЙ ФОРМЕ СЛОВА

Основная задача преподавателя русского языка как иностранного состоит в том, чтобы перевести языковой тип мышления своего ученика с родного языка на русский, который в свою очередь формируется под влиянием детерминантных свойств русского языка, т.е. типологических особенностей устройства системы русского языка. К детерминантным свойствам русского языка относятся его событийность и вытекающие из него принципы предсказательности (в форме предсказуемости или па-поминательности) и принципа «не экономить на материале», т.е. чутко отражать в звуковой форме языковой единицы все сдвиги в содержательной стороне данной единицы. Детерминантные свойства русского языка пронизывают все его уровни и определяют отношения между планом выражения и планом содержания знаковых единиц языка, т.е. прежде всего план содержания русского слова в той или иной мере находит свое отражение в звуковой форме слова как базовой единицы этого языка (Богомазов 2002(1)).

Событийность в звуковой форме русского слова находит свое отражение в том, что звуковая форма глаголов четко противопоставлена фонетической форме существительных по многим параметрам (см. соответствующие работы Зубковой Л.Г.). Это и понятно: глаголы отражают событийную сторону ситуации, а существительные – её фактологический аспект. Обратимся к различиям в ритмической организации русских существительных и глаголов. Существительные предпочитают нисходящие ритмические модели (типа хорейских ТАта). Не случайно первые существительные в детской речи строятся именно по таким моделям: Мама, Папа, Баба, ДЕда, Тётя, Дядя и т.п. (ударный слог связан с выражением лексических значений, а заударный – грамматических). Как статистическая тенденция – это характерно для всей совокупности русских существительных. Для глагольных словоформ предпочтительны восходящие ритмические модели (типа таТА – ямбическая модель). Первые глагольные словоформы детской речи именно таковы: боБО, биБИ, бай-БАЙ, баБАХ и т.п. (Предударная и ударная часть схожи между собой, т.к. предударная часть подвергается слабой редукции. Дело в том, что лексическое содержание глаголов по степени абстракции почти равно его грамматическому содержанию: их надо представить в ритмической форме слова как единое целое). Такие тенденции характерны для всей совокупности глаголов (о статистических тенденциях распределения ударения в словоформах существительных и глаголов русского языка (Зубкова 1984).

Интересно отметить, что носитель русского языка ориентируется на отмеченные статистические тенденции. Так, при расстановке ударений в лишенных значений словах (типа *терьнату*, *терьнатул*, *ткерьнату*), которые объявляются существительными, ударный слог смещается

к началу слова, а у глаголов – к его концу. При этом, чем развитее чутье языка у испытуемого, тем существеннее будут различия в расстановке ударений в именных и глагольных формах (Богомазов 2002(2)). Свойства подобного рода заданий можно использовать в виде тестов для определения уровня сформированности языкового чутья у группы студентов, изучающих русский язык.

Предсказательность в звуковой форме русского слова выражается прежде всего в четкой противопоставленности сигнификативно и перцептивно сильных позиций слабым. В сильных позициях фонемы русского языка (гласные и согласные) наиболее полно проявляют свои сигнификативные (различительные) и перцептивные (отождествляющие) возможности, а в слабых позициях обнаруживаются новые свойства, в частности способность работать на предсказательность (на это указывают, например, различного рода ассимилятивные процессы согласных по признаку глухости-звонкости в сочетаниях согласных). Таким образом, с функциональной точки зрения и сильные, и слабые позиции фонем целесообразны так же, как целесообразны дифференциальные и интегральные признаки фонемы, все эти явления необходимы и отражают детерминантные свойства русского языка в звуковой форме слова. В то же время эти выводы заставляют преподавателя русского языка как иностранного в равной мере уделять внимание как дифференциальным, так и интегральным признакам русских фонем, тщательно отрабатывать их произношение и в сильных, и в слабых позициях, т.к. от этого зависит формирование русского типа языкового мышления у иностранца при работе над фонетическими явлениями русского языка.

Принцип «не экономить на материале» в звуковой форме слова проявляется в том, что различные части русского слова по-разному отражают лексические и грамматические значения слова, которые четко противопоставлены друг другу. В ритмической организации русского слова выделяются предупредительно-ударная (стержневая) и заударная (периферийная) части слова, которые противопоставлены по своим фонетическим характеристикам. Слоги предупредительно-ударной (стержневой) части слова отличаются большей контрастностью и меньшей редукцией по сравнению со слогам заударной (периферийной) части слова. С функциональной точки зрения это объясняется тем, что предупредительно-ударная часть слова часто совпадает с основой слова и отражает уникальную по своей природе информацию лексического порядка, а заударная часть отражает менее важную для носителя русского языка грамматическую информацию о слове, которая может повторяться на протяжении синтагмы или фразы. Например, согласованное определение, выраженное прилагательным, дублирует грамматические формы существительного. В связи с этим обращает на себя внимание способность носителя русского языка читать и понимать тексты, в которых замазана или удалена заударная часть слова, где сосредоточена чаще всего грамматическая информация. Те же эксперименты показали, что способность читать такого рода деформированные тексты и скорость их чтения и понимания зависят от уровня владения русским языком в целом. Таким образом, с помощью чтения такого рода деформированных текстов иностранцами можно определить их уровень владения русским языком на определенном этапе обучения или освоения языка.

В наибольшей степени принцип функциональной целесообразности, в котором и проявляется себя принцип «не экономить на материале» выражается в двухуровневом устройстве фонологической системы носителя русского языка. Двухуровневая фонологическая система организована иерархическим образом. Нижний уровень представляет систему фонем 1-ой степени абстракции (по терминологии С.И. Бернштейна), которые сходны по своему содержанию с фонемами щербовской фонологии и в основном используются носителем языка в процессах восприятия речи. Верхний уровень представлен системой фонем более абстрактных по своему содержанию (фонем 2-ой степени абстракции) и сходных с фонемами московской фонологической школы. Эта система фонем в основном используется носителем русского языка в процессах порождения речи и при фиксации её результатов в письменной форме. Двухуровневая фонологическая система складывается не сразу, а постепенно: сначала система фонем нижнего уровня, над которой шаг за шагом надстраивается система фонем верхнего уровня, которая формируется у школьников к пятому классу. Изложенные здесь положения были в определенной степени подтверждены экспериментами, которые проводились с учащимися с первого по шестой классы обычных московских школ. Всего в экспериментах различного рода принимало участие свыше 400 учащихся (Богомазов 2002 (3)).

К сожалению, у нас нет соответствующих данных о том, каким образом иностранцы, изучающие русский язык, овладевают двухуровневой фонологической системой русского языка. На этот вопрос дадут ответ дальнейшие исследования. Однако можно выдвинуть предположение, что иностранные учащиеся овладевают двухуровневой фонологической системой русского языка в обратном порядке по сравнению с носителем русского языка. Если носитель русского языка сначала усваивает систему фонем 1-ой степени абстракции, а потом фонемы 2-ой степени абстракции, то иностранный учащийся, изучая язык на основе письменных текстов, сначала знакомится с системой фонем 2-ой степени абстракции, а потом в процессе устного общения постепенно осваивает систему фонем 1-ой степени абстракции. Здесь можно провести параллель между последовательностью усвоения произносительных норм КЛЯ (кодифицированного литературного языка) и норм разговорной речи русским ребенком и иностранцем, изучающим русский язык. Русский ребенок сначала усваивает нормы разговорной речи, а потом (преимущественно в школе) произносительные нормы КЛЯ. Иностранец сначала с помощью обучения знакомится с произносительными нормами КЛЯ и лишь потом начинает разбираться в особенностях произносительных норм разговорной речи. Вот почему для иностранцев, изучающих русский язык, так важны различного рода упражнения по аудированию текстов. Ведь процессы восприятия русской речи строятся на базе системы фонем 1-ой степени абстракции (фонем щербовской фонологии).

Не только в фонологической системе можно выделить два уровня (два аспекта), но вся фонетическая система русского языка носит двуаспектный характер: паралингвистический и лингвистический. Паралингвистический аспект в основном отражает эмоциональное и волевое содержание сообщения, а лингвистический отвечает за его интеллектуальную сторону (особенно в текстах образного характера). Для каждого вида

содержания в фонетической форме русского слова вырабатываются свои звуковые средства в сегментной и суперсегментной сфере. В связи с этим, работая с текстом образного содержания, прежде всего, поэтическим текстом, преподаватель в иностранной аудитории должен помнить, что он отрабатывает не только звуковой состав слова, его ритмику и интонационную сторону, но помогает усваивать учащимся паралингвистические нормы русского языка (см. работы Винарской Е.Н.).

Итак, из всего сказанного выше становится ясно, что без учета детерминантных свойств русского языка невозможно целенаправленно и эффективным образом формировать русский тип языкового мышления иностранцев. Важным моментом в этом общем процессе является усвоение детерминантных тенденций, которые проявляются в сегментной и суперсегментной организации звуковой формы русского слова.

Вероятно, через тщательный подбор словесного материала для фонетических упражнений, который наглядно и выпукло выявлял бы детерминантные свойства звуковой формы русского слова, через разработку соответствующих методик, ориентированных на выявление детерминантных свойств звуковой формы русского языка, через использование новых тестов, опирающихся на экспериментальный материал, для определения уровня владения русским языком в целом, можно добиться более последовательного формирования русского типа языкового мышления у студентов, изучающих русский язык в наших вузах (Богомазов 2003(4)).

Литература

- Богомазов Г.М. (1) Проявления детерминантных свойств русского языка на фонетическом уровне. В сб. Фонетика в системе языка. Сборник статей. Выпуск 3. Часть I. М., 2002.
- Богомазов Г.М. (2) Двухуровневая фонологическая система русского языка. В сб. Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. К 70-летию Л.В. Бондарко. СПб., 2002.
- Богомазов Г.М. (3) К вопросу о групповом лингвистическом портрете. В сб. Проблемы фонетики IV. М., 2002.
- Богомазов Г.М. (4) Двухуровневая фонетика и двухуровневая фонология в свете детерминантных свойств русского языка. X конгресс МАПРЯЛ. Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания. Сборник докладов. Том II. Санкт-Петербург, 2003.
- Зубкова Л.Г. Части речи в фонетическом и морфологическом освещении. М., 1984).

Н. Н. Касько

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ КОРРЕКТИРОВОЧНОГО КУРСА ПО ФОНЕТИКЕ И ИНТОНАЦИИ ДЛЯ ЯПОНСКИХ УЧАЩИХСЯ

Корректировочные курсы по фонетике и интонации русской звучащей речи основаны на результатах анализа иностранного акцента и направлены на его устранение.

В методике обучения русскому произношению существуют различные мнения по поводу природы иностранного акцента в русской речи. Некоторые методисты считают, что при изучении произношения чужого языка надо, прежде всего, опираться на такие же или похожие звуки своего языка, а чуждые звуки вводить по

степени трудности их воспроизведения. Основное внимание при этом уделяется каким-то конкретным звуковым единицам, которые без всякой системы вводятся в программы и пособия по обучению русскому произношению. При таком методе обучения фонетике не учитывается, что учащиеся воспринимают звучание чужой речи в системе звуковых и интонационных единиц, «сквозь призму фонетической системы родного языка», а мнимая схожесть звуков таит в себе много опасностей. Известно, что чем ближе языковые системы, тем ярче при изучении иностранного произношения проявляется акцент, тем устойчивее его черты. Обладая устойчивыми навыками слышания и произнесения звуков родного языка, учащиеся подгоняют под эти шаблоны своё воспроизведение непривычных звуков чужой речи. В связи с этим совершенно справедливо замечание Л.В.Щербы о том, что «единственный путь, который в какой-то мере может гарантировать обучающихся активному владению тем или иным иностранным языком от опасности смешанного двуязычия – это путь сознательного отталкивания от родного языка».

При обучении иностранному произношению необходимо учитывать не отдельные единицы языка, а целостные фонетические системы, которые должны быть сопоставлены попарно, двусторонне. На основе такого сопоставления необходимо, прежде всего, учитывать особенности русской артикуляционной базы в области звуков, слова, предложения.

Корректировочные курсы по фонетике и интонации русской звучащей речи для японских учащихся должны быть составлены, с одной стороны, на основе анализа японского акцента в русской речи, а с другой – на основе выявления типологии особенностей русской артикуляционной базы на фоне иноязычных систем.

Выбор адресата пособия по фонетике и интонации русской речи для японских учащихся не случаен. Каждый год на кафедрах РКИ обучается большое количество японских студентов, стажеров и магистрантов. При этом национально ориентированных пособий, в которых учитывались бы особенности японского акцента и опыт работы с японскими слушателями, явно недостаточно.

Как уже было отмечено выше, анализ любого иностранного акцента в русской речи проводится в двух направлениях: на основе выявления типологии особенностей русской артикуляционной базы на фоне иноязычных систем и в результате определения специфики каждого конкретного акцента. Выявление специфики любого акцента в русской речи (корейского, японского) происходит не только на основе сопоставительного анализа двух языковых систем, но и с учётом идиоматических свойств каждой конкретной языковой системы.

Русская и японская фонетические системы находятся в известной противопоставленности, имеют мало общих черт как в звуковой системе, так и в интонационной. Так в современном японском языке наблюдается действие двух фонетических законов: закона открытых слогов и закона запрещающего стечения согласных. Согласный звук, за некоторыми исключениями, произносится только со следующим за ним гласным; два согласных, как

правило, не могут быть произнесены вместе. В результате этого явления звуковой состав японского языка в целом закреплён за ограниченным числом слогов, состоящих либо из одного гласного, либо из согласного и гласного. Именно эта особенность японского языка вызывает одну из основных проблем при обучении японцев русскому языку, так как для русского языка скопление согласных, как известно, является характерной чертой. Именно в этой позиции при обучении русскому произношению у японцев появляются так называемые «вставки» (к[ы]то, г[ы]де, п[ы]тица и т.д.).

С этой же особенностью японской системы связана и другая сложность обучения. Все закрытые слоги (особенно инфинитивные окончания типа думать, читать, говорить и т.д.) обучаемые стремятся произносить как открытые: думать[и], читать[и], говорить[и]. Появление вставок в позиции конца слова может приводить к нарушению смысла (мысль – мысли). Такое же явление можно наблюдать и в позиции начала слова (здание – задание, проход – паром).

В японском языке нет силового ударения, свойственного русскому языку. Японские слова произносятся с повышением или понижением тона голоса на одном или нескольких слогах в слове. Слово может произноситься и на ровном тоне, что невозможно в русском языке. Изменения в высоте тона часто связаны со значением слова.

В японском языке долгими и краткими могут быть как гласные, так и согласные звуки. Причём долгота или краткость звука также имеет смысловозначительное значение. Эта особенность японской фонетической системы усложняет усвоение японцами русской интонации. Японцы не различают передвижение центра ИК, например:

Здесь¹ остановка автобуса. Здесь¹ остановка автобуса. Он был³ дома? Он был³ дома? и т.п.

В японском языке нет противопоставления звуков [л] – [р] и [л'] – [р'], имеющегося в русском языке. Звук [л] заменяется японцами на [р] и наоборот. В связи с тем, что эта ошибка носит фонологический характер, в корректировочном курсе следует обратить внимание на тренировочный материал, связанный со смысловозначительной функцией этих звуков.

В японском языке, в отличие от русского, большое количество аффрикат. В связи с этим японцы на месте некоторых русских щелевых и смычных произносят аффрикаты: звонок – [дзвонк], дело – [дз'ело], дядя – [дз'ад'а]. Или, наоборот: в русских аффрикатах японцы ослабляют смычку и произносят их как щелевые или смычные: [г'ай] вм. – чай; [сифра] вм. – цифра, [свет] вм. – цвет. Эта ошибка также вызывает нарушение смысла: цвет – свет, тушки – тучки.

В японском и русском языках существует закон редукции гласных звуков, но работает он по-разному. Если у русских расположение гласных в структуре слова происходит по закону восходящей звучности (формула Потебни 123), то в японском языке количественные изменения гласных могут быть представлены как

213, 203: [кып'ит] – купить, [чтат'] – читать.

Таким образом, сопоставительный метод исследования фонетических систем русского и японского языков и выявление основных трудностей в постановке и произношении звуков, слов, предложений является основой для построения корректировочного курса.

Для того, чтобы сформировать русскую артикуляционную базу, необходимо, чтобы учащийся усвоил нужную установку артикуляционных органов не только при произношении отдельных звуков и слов, но и при воспроизведении речевого потока в целом. С этой целью необычайно важной становится задача выработки у него системы переключения артикуляций. Такой подход к обучению фонетики делает в отечественной методике РКИ лишь первые шаги. Традиционно в практических пособиях предлагаются упражнения на постановку и корректировку отдельных звуков, трудных для учащихся (см. Савицкая, Масловская 1980, Одинцова 1994).

В корректировочные курсы следует включать материал, связанный не просто с постановкой отдельных звуков. Необходимо создавать тренировочные упражнения, направленные на формирование механизма переключения артикуляции – например, переключение артикуляции с передней зоны на заднюю (*у них, милый*), с верхней на нижнюю (*и Анна, у Иры*); с артикуляции смычки на артикуляцию щели (*к Саше, вот сок*) и т.д. Данный подход является необходимым условием формирования правильного артикуляционного уклада, создания артикуляционной базы русского произношения.

Наиболее сложным разделом корректировочных курсов является структура русского фонетического слова, основанная на подвижности и разноместности ударения. В связи с этим явлением в русском языке можно выделить различные ритмические модели слов и словосочетаний. В методической литературе по практической фонетике русского языка эти ритмические модели представлены как: ТА, ТЬ-ТА, ТА-ТЬ, ТЬ-ТА-ТА, ТА-ТЬ-ТА, ТА-ТА-ТЬ и т.д. Ритмические модели слов относятся к наиболее разработанной области практической фонетики. Иное дело – ритмические модели словосочетаний. Именно эти модели являются переходным звеном к ритмической структуре предложения, поэтому включение их в корректировочные курсы является необходимым. На них отрабатываются переключения интонационного центра, которые связаны с уточнением, детализацией значений предложения.

Последние извест¹ия.

Последние извест¹ия.

Трудный урок¹.

Трудный урок¹.

Необходимой составляющей корректировочного курса являются упражнения, связанные с основными ритмическими моделями слов и словосочетаний с учётом качественного и количественного изменения гласных в безударном положении. Особое внимание уделяется предупреждению нарушений ритмической

модели слова вставными гласными, изменениями качественной и количественной редукции безударных гласных, характерными, как отмечалось выше, для японского акцента в русской речи.

Корректировочный курс должен включать в себя тщательный отбор звукового материала и его систематизацию. Так же немаловажен отбор лексики и её организация с точки зрения звукового оформления. Большое внимание уделяется подборке слогов, слов, оппозиции слогов и слов, на которых отрабатывается произношение того или иного звука. Например при постановке [л] – [л'] можно использовать изменение глагольной парадигмы в прошедшем времени: *купить – купил, купила, купили*. При чередовании передней и задней артикуляции ([и], [ы]) можно использовать словосочетания: *мыли мы, вылил ты*.

Представляется целесообразным комплексный подход в подаче материала. Работа над трудными для японцев звуками ведётся на материале отдельных звуко сочетаний на уровне слова, словосочетания, предложения и, наконец, на уровне текста.

Упражнения на отработку определённых звуковых явлений на материале грамматических заданий уверенно вошли в практику преподавания фонетики и представлены в пособиях кафедр РКИ (Одинцова 1994). В современном корректировочном курсе по фонетике важным моментом является соотнесение фонетического и грамматического аспектов русского слова посредством включения в материал урока заданий на построение парадигм склонения имён существительных, образование имён существительных при помощи суффиксов, глагольное словоизменение и так далее.

Особенного внимания требует материал по развитию речи. В корректировочном курсе этот материал может быть представлен в комплексе упражнений по интонации. Говоря об уровне фонетической структуры предложения, следует, прежде всего, иметь в виду его интонационное оформление. При этом учитываются, как отмечала в своих работах Е. А. Брызгунова (Брызгунова 1977), две функции интонации: 1) артикуляционно-акустические характеристики интонационных единиц; 2) употребление их в речи, т.е. зависимость интонационных средств от различных коммуникативных типов высказываний: сообщения, вопроса, волеизъявления. На основе этих характеристик можно отметить ряд трудностей, возникающих в процессе обучения японских учащихся этому аспекту практической фонетики.

а) При обучении японцев русскому языку часто встречается неразличение места интонационного центра при выражении сообщения.

Он уехал. Он уехал. Вечером холодно. Вечером холодно.

Это неразличение связано и с артикуляционно-акустическими признаками (японцы не слышат понижения тона на различных компонентах высказывания, не воспринимают, уточнение смысла высказывания путём передвижения интонационного центра, т.к. в японском языке эту функцию выполняют частицы или изменение порядка слов).

б) Особую трудность для японской аудитории представляет ИК-3. С точки зрения артикуляции, она не вызывает особых трудностей. Проблема заключается в смысловой нагрузке, которую выполняет передвижение интонационного центра ИК-3 при дифференциации различных типов вопроса:

Он купил¹ журнал? Он купил журнал¹?

Первый вопрос выясняет наличие или отсутствие действия, а второй вопрос уточняет действие. В русском языке эту функцию выполняет передвижение центра ИК-3, а в японском – компоненты лексико-грамматического состава предложения.

в) Функциональный аспект русской интонации (употребление различных типов ИК в речи) и их смысловоразличительные возможности также вызывает затруднения у японских учащихся. Например,

– выражение вопроса и оценки в многозначном лексико-грамматическом составе:

Какой² он врач? Какой он врач²!

– вопрос и волеизъявление: Ваши паспорт³? Ваши паспорт⁴?

– сообщение и вопрос: Он студент¹. Он студент³?

Вызывает трудности также и интонационное варьирование при выражении различных оттенков высказывания. Это явление особенно важно учитывать при работе над текстами различной стилистической направленности: художественными, публицистическими, научными, диалогическими и т.д. Так, например, для языка делового общения оказывается чрезвычайно важным определение различных типов интонационного варьирования:

– вежливая просьба, совет – ИК-3: Купите³ эту книгу.

– приказ, требование – ИК-2: Пропустите² меня вперед!

– официальная форма обращения и нейтральная – ИК-4,

ИК-2: Проходите², / садитесь². Проходите⁴, / садитесь⁴!

– эмоциональные реализации ИК, выражающие различные оттенки значений (удивление, опасение, испуг...):

Ничего не⁴ ест, / похудел⁴. А вдруг он не придет⁴! Машина сломалась⁶, / что делать⁶?!
6

Важно отметить, что в корректировочном курсе на основе изучения русской интонационной системы (учитывая всё вышеизложенное) происходит также закрепление, автоматизация произношения отдельных звуков, фонетических моделей слова. Этот аспект курса включает материал по развитию речи, который должен быть представлен в текстах как монологического, так и диалогического характера, что способствует развитию коммуникации.

Корректировочный курс предполагает использование технических средств обучения, кроме того, материал корректировочного курса может служить основой для составления различ-

ных компьютерных программ.

Литература

- Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
Одинцова И. В. Звуки. Ритмика. Интонация. М., 1994.
Савицкая В. И., Масловская Л. М. Практическая фонетика русского языка. М., 1980.
Шерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1955.

Е. К. Столярова

К ВОПРОСУ ОБ ИМПЛИЦИТНОСТИ И ЭКСПЛИЦИТНОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛОВЫХ КОМПОНЕНТОВ В ЗВУЧАЩЕЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

В имеющихся пособиях по русскому языку для иностранных учащихся диалоги не всегда адекватно отражают особенности звучащей диалогической речи. Научившись понимать учебные диалоги и участвовать в диалогическом общении с преподавателем, иностранные учащиеся тем не менее оказываются в значительной степени беспомощными при восприятии звучащей неадаптированной диалогической речи. Одной из причин затруднений, которые испытывают иностранцы при восприятии звучащей диалогической речи является, на наш взгляд, непонимание имплицитных смысловых компонентов звучащего предложения. С одной стороны, иностранцы, изучающие русский язык как неродной, плохо понимают диалоги с имплицитными смыслами, с другой – они недоиспользуют возможности изучаемого языка, предпочитая использовать структуры, в которых основные компоненты значения выражены вербально.

При анализе звучащей диалогической речи мы опираемся на коммуникативный анализ звучащего предложения (Брызгунова 1992: 39-46; Брызгунова 1982: 105-112; Брызгунова 1979: 78-90), согласно которому лексические и синтаксические средства выражения компонентов значения выступают во взаимодействии с интонационными средствами и смысловыми связями данного высказывания с предшествующим или последующим высказываниями. В рамках единства взаимодействующих средств возможна разная роль каждого из них. Возможно такое соотношение средств, когда роль интонационных средств и смысловых связей в выражении смысловых компонентов минимальна. Основное значение выражается лексико-синтаксическими средствами, иными словами, все написано. В языке возможно и другое соотношение средств, когда в рамках единства ведущую роль играют интонационные средства. В языке также существуют предложения, в которых усиливается роль смысловых связей с предшествующей или последующей репликами. В результате активизации роли интонации и смыслового взаимодействия предложений возникает значения, не выраженные вербально. При этом компоненты, не выраженные вербально, воспринимаются носителями языка и могут быть эксплицированы в процессе перефразирования. Ср.:

№ 1	№ 2
2	3
– Витамины надо пить! Тогда и	– Она так хорошо выглядит!

- Я тоже устала. Но я же пойду на работу. Хочу - / хожу, хочу - /
²
 не хожу.
²
 - Безобразие какое-то! (Семейный разговор).

- Почему у тебя крыльцо прогнило?
² ¹ ¹
 - Ну потому что дождь, / снег.
² ³ ¹
 - Но у меня же / тоже. А не прогнило. (Разговор соседей на даче).

- Он ходил в детсад / и научился бороться за себя.
² ³ ¹
 - Но ты же / тоже ходил. А не научился. (Семейный разговор).
² ¹
 - Не надо ее на мотоцикле ездить учить, / она уже взрослая.
⁴ ² ³
 - Я тоже взрослый. Но я же / ездю! (Разговор).

III. Компонент несогласия с предшествующим обоснованием и противительный компонент значения:

- Он не придет: / занимается весь вечер.
¹ ²
⁴ ² ³
 - Ну и что, что занимается? Мы-то/ приехали!
¹ ²
 - Его устроили работать в Щелково. Он не хочет туда ездить.
¹
 Говорит, далеко.
⁴ ² ³ ³ ¹
 - Ну и что, что далеко! Я-то ведь / ездила! Жила / в Щелково, / а
³ ² ²
 училась / в Москве, / и каждый день ездила. (Разговор коллег).
¹ ² ³
 - Я не могу помочь ей с математикой: / я же / филолог.
⁴ ² ³ ²
 - Ну и что, что филолог? / Я-то / помогаю! / У нее же легкая
 математика. (Семейный разговор).

Анализ материала показывает, что если компонент отождествления лексически не выражен, то противительные союзы *а, однако, но*, как правило, не употребляются. Более типичны здесь высказывания с

частицами *-то*, часто в сочетании с *ведь*. В результате вербальной выраженности любых двух из вышеназванных компонентов значения и благодаря смысловой связи с предшествующей репликой и ситуации общения носителями языка восстанавливается третий компонент значения, который может быть эксплицирован в процессе перефразирования.

Роль смысловых связей, интонационных средств и ситуативных факторов увеличивается, когда лексически выражен лишь один компонент значения. При этом не всегда возможно восстановить другие компоненты. Так, лексическая выраженность компонента несогласия сама по себе не обуславливает восстановления других компонентов:

– Я не могу приехать: / я занят.

– Подумаешь / занят! (противительный компонент и компонент отождествления не восстанавливаются)

Вербальная выраженность компонента отождествления при поддержке ситуации и опоре на апперцепционную базу говорящих обычно позволяет восстановить другие компоненты значения:

– Он не может приехать: / занимается.

– Я тоже занимаюсь.

– Он в магазины раньше не ходил.

– Он работал. (= Не ходил, потому что работал.)

– Но я же тоже работала.

(Семейный разговор).

– Она так хорошо одевается. Наверное, у нее муж работает.

– Ей старшая дочь помогает.

– Но мне же тоже помогает.

(Разговор).

Как видно из примеров, увеличивается роль интонационных средств. Компонент несогласия усиливается при произнесении предложений с ИК-4. Произнесение предложений с ИК-4 – интонацией, которая используется для выражения несогласия, является ведущим. Усиливается опора на ситуацию и общую апперцепционную базу. Из ситуации ясно, что: я приехал(1), я ходила по магазинам (2), я так хорошо не одеваюсь (3). Эти структуры часто включают противительный союз *но* и усилительную частицу *же*.

Лексически может быть выражен только противительный компонент значения.

– Он не может приехать: / занят.

– Но мы-то / приехали!

– Давай пригласим Усто.³

– Она не поедет: / далеко.^{2 1}

– Но я же к ней / ездила.^{2 3}

– Но тогда у неё / был праздник.^{3 2}

(Семейный разговор).

– Ты чего остановился-то?²

– Я боюсь, не проеду здесь на легковушке.¹

– А другие ж ведь / проехали!^{2 3}

(Разговор друзей).

В этом случае возникает добавочное значение уступительности – “хотя мы тоже заняты”, “хотя тоже далеко”, хотя у них тоже легковушка”. Компоненты значения эксплицируются в процессе перефразирования.

Анализ материала показывает, что вербальная выраженность трех компонентов значения встречается не часто. Лексическая выраженность лишь одного компонента не всегда позволяет восстановить другие компоненты значения, при этом увеличивается опора на ситуацию и на общую апперцепционную базу собеседников. В материале исследования наиболее часто встречаются примеры с вербальной выраженностью двух компонентов значения. В имеющемся материале наиболее частотны сочетания высказываний типа *Я тоже ... Но..*, несколько менее частотны *Ну и что?.. Я тоже ...*

В репликах-реакциях типа *А я, думаешь, не занимаюсь?* все указанные компоненты значения (несогласие с предлагаемым обоснованием, обоснование этого несогласия через тождество ситуаций, противительный компонент) не выражены вербально, но они воспринимаются слушателями, естественными носителями русского языка, что доказывается их эксплицированием в процессе перефразирования. Отметим структурные особенности диалогических единств исследуемого типа. Предикаты реплики-стимула и реплики-реакции связаны отношениями противоположности. если в реплике-стимуле содержится утверждение, то в реплике-реакции – отрицание, если в реплике-стимуле содержится отрицательный признак, то в реплике-реакции – положительный признак и наоборот. Противоположность выражается с помощью отрицательной частицы *не*, или с помощью разнокорневых слов (плохо – хорошо). Приведем примеры:

– Почему вы без очереди?²

– Меня студенты ждут.²

– ²А нас, ³думаете, / не ждут?

(= Ну и что, что ждут? Нас тоже ждут. Однако мы стоим.)
(Разговор в бухгалтерии МГУ).

– А писем в этом доме не подписывают. Потому как в этом доме с советской властью живут. Ясно?

– А я что, не с советской?

(= Это не причина, чтобы не подписывать письмо. Я тоже с советской властью живу. Однако ж подписал.)

(Ф. Абрамов. Пряслины).

– Я не хочу заниматься музыкой: это вторая школа.

– А я хочу на двух работах работать?

(= Я тоже не хочу на двух работах работать. Однако работаю.)

(Семейный разговор).

– Лева никак не хотел на пенсию уходить. Вот твой отец /

¹уже давно ушел.

– У него был ²инфаркт.

– А у Левы / не инфаркт? / У него два ²инфаркта было. / В том-то и ²дело,

¹что он после ¹инфаркта работал.

(= Ну и что, что был инфаркт! У Левы тоже был инфаркт. Но он не ушел с работы.)

(Разговор в гостях).

Полнота реплики-реакции *А я, ты думаешь, не занимаюсь?* варьируется. В реплике-реакции встречаются разные по полноте предложения:

– А я разве (что ли) / не занимаюсь? =

– А я / не занимаюсь? =

– А я / нет? =

– А я?

Приведем примеры диалогических единств с краткой репликой типа *А я?*

– Меня нельзя любить – я уродина ...

– Ты уродина? А я? Ты посмотри на меня.

– Тебя любят, ты красивая.

(Л. Соколова. Фантазии Фарятьева).

В этом диалоге в реплике-реакции содержится обоснование невозможности, которое включает оценочный компонент: *меня нельзя любить, потому что я уродина*. Реплика-реакция содержит компонент несогласия с предлагаемым обоснованием и компонент отождествления: *Я тоже уродина*. При этом экспрессивность реакции усиливается употреблением повтора части реплики-стимула.

Рассмотрим следующее диалогическое единство, состоящее из трех реплик:

- Ты ее ² полечи!
- Оставайся ³ дома / и ² лечи. Я ² вам не доктор!
- А я? ⁴ (= А я разве доктор? = Я тоже не доктор и др.)

(Семейный разговор)

Вторая реплика этого диалогического единства включает компонент невозможности и обоснование невозможности. Компонент невозможности вербально не выражен, но содержится в имплицатуре диалога: “Я не могу лечить ребенка, так как я не доктор”. В этой же реплике предлагается полечить ребенка собеседнику. В ответной реплике выражается несогласие с предлагаемым обоснованием, выражаемое через тождество ситуаций: “Ну и что, что не доктор. Я тоже не доктор”. Аналогично:

- Я сказала несколько раз: ² “Разрешите ² пройти”. А вы даже / не ³ ² ² подвинулись!
- Я не слышал. ¹
- Слышать надо! Вы ² находитесь в ² общественном ³ месте!
- А вы? ⁴ (= А вы разве не в общественном? = Вы тоже в общественном)
- Я тоже там ² нахожусь.

(Разговор пассажиров в метро) .

С одной стороны, в диалогах употребляются краткие реплики, с минимальным количеством вербально выраженных компонентов значения, с другой стороны, встречаются сочетания краткой и полной форм реплик, а так же высказываний с вербально выраженными и вербально невыраженными смысловыми компонентами. Например:

- Конечно, ² девочка ¹ сложная.
- Ну, Наташа / ⁴ ¹ сложная ³ женщина.
- А Боря ? Боря что ли не сложный? ⁴ ³
- (Наташа – мама девочки, Боря – отец девочки)

(Семейный разговор).

– Я прошу простить меня... Я... Я... не нахожу себе места.
 – А я? Я нахожу себе место? Нужно отвечать за свои поступки, милая. Изю дня в день ты обижаешь меня. Ты не стесняешься в выражениях. Разве тебе все позволено?

(Л. Соколова. Фаптазин Фарятева).

– Она не может к нам приезжать: / у нее сердце болит.
 – А у меня / не болит? И у меня болит. Но я же / езжу. Потому что к дочери, / а ты невестка.

(Разговор на улице).

– Этот творог / какой-то жидкий!

– А этот, думаете, / нет? Он тоже воду дает.

(Разговор на рынке.)

Итак, как показывает анализ звучащей диалогической речи, реплики, в которых основные компоненты значения выражены вербально (т.е. эксплицитно), *сосуществуют* с репликами, в которых не все компоненты значения выражены вербально.

Хотя компоненты значения в репликах-реакциях не имеют вербального выражения, они адекватно воспринимаются носителями языка, что может быть доказано их эксплицитированием в процессе перифразирования.

Интонационные средства и смысловое взаимодействие с репликой-стимулом позволяет экономными средствами выразить большой объем содержания.

Реплика-реакция типа *А я не работаю* может быть разной по полноте. Возможно сочетание полной и краткой формы (*А я? Я-то разве не работаю?*), а также сочетание реплики этого типа с репликами, в которых компоненты значения выражены вербально (*А я разве не работаю? Я тоже работаю.*)

Предлагаемый материал может послужить конкретной основой упражнений для занятий с иностранцами на продвинутом этапе обучения.

Литература

- Брызгунова Е.А. Категория общего и конкретного в русской диалогической речи // Системные семантические связи языковых единиц. М. 1992.
 Брызгунова Е.А. Коммуникативный анализ звучащей речи // Soviet-American Contribution to the Study and Teaching of Russian Theory, Strategies and Goals. Russian Language Journal XXXVI, No.125 (1982).
 Брызгунова Е.А. Смысловое взаимодействие предложений // Синтаксис текста. М. 1979.
 Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. М. 1981.